

САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО В МОСКОВИИ

RUSSICA PANNONICANA

САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО В МОСКОВИИ

25 мая 2009 г. в Центре русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша состоялся международный семинар *Самозванцы и самозванчество в России в XVII–XVIII веках*. Прозвучавшие на семинаре доклады, были в основном посвящены явлению XVII века, то есть по существу истории и особенностям самозванчества Московской Руси. Данный сборник содержит материалы этих докладов.

* * *

„Вырисовывается обнадеживающая картина, которую можно было бы даже назвать привлекательной, если бы речь шла не о столь противоречивой и шекотливой исторической проблеме. Во всяком случае, стало очевидным, что время упрощенных объяснений давно прошло: русские самозванцы не обманщики (или не просто обманщики) и не народные герои (или не просто народные герои), а русский народ не глупее и не доверчивее, чем другие народы. И хотя в условиях своеобразного исторического развития России, из-за особых функций веры в хорошего царя это явление перешло в другую плоскость, получило иное, более важное значение, чем в других странах, самозванчество все же является всемирно-исторической проблемой, более того, в определенной социо-культурной среде – закономерностью.”

ISBN 978-963-7730-54-2

www.russtudies.hu

Самозванцы и самозванчество в Московии

Международный научный семинар был осуществлен в сотрудничестве *Центра русистики* (Будапешт) и *Исследовательской группы по исторической русистике Венгерской Академии Наук – Университета им. Лоранда Этвеша* (Будапешт)

САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО В МОСКОВИИ

*Материалы международного научного семинара
(25 мая 2009 г., Будапешт)*

RUSSICA PANNONICANA
Будапешт

Содержание

Редактор:
ДЮЛА СВАК

Помощник редактора:
ТИМЕА БОТОР

© Дюла Свак редактор, 2010
© Russica Pannonicana, Budapest, 2010

Введение (<i>Дюла Свак</i>)	7
О. Г. УСЕНКО Изучение российского монархического самозванчества: “ловушки”, проблемы, перспективы	9
Д. СВАК Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве»	38
М. ПЕРРИ Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правлящего царя	66
Н. М. РОГОЖИН XVII век – столетье выбора	89
И. О. ТЮМЕНЦЕВ Рождение самозванчества в России в начале XVII века	100
Д. В. ЛИСЕЙЦЕВ Приказный аппарат Московского государства в царствование Лжедмитрия I	131

В. В. ДУБОВИК	155
Родословные росписи «Иоанна Тимофея Шуйского» – самозванца Тимофея Акиндинова	
А. В. БУГАНОВ	185
Самозванчество и социально–утопические представления русских	
Список авторов сборника	199

Введение

25 мая 2009 г. в Центре русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша состоялся международный семинар *Самозванцы и самозванчество в России в XVII–XVIII веках*. Прозвучавшие на семинаре доклады, – за исключением, двух, в которых был дан обзор, частично выводящий за указанные хронологические рамки, – были посвящены явлению XVII века, то есть по существу истории и особенностям самозванчества Московской Руси.

Меня давно занимает проблема самозванчества. Тридцать лет назад я написал свою первую статью по этой теме, за которой последовали научно-популярные книги, однако в последние годы я занимался другими особенностями российской истории. Поэтому я был очень рад тому, что в прошлом году к нам съехались замечательные, пользующиеся международной известностью специалисты по данному вопросу, которые предоставили возможность познакомиться с их исследовательской деятельностью и одновременно дали нам представление о состоянии современной международной науки.

Вырисовывается обнадеживающая картина, которую можно было бы даже назвать привлекательной, если бы речь шла не о столь противоречивой и щекотливой исторической проблеме. Во всяком случае, стало очевидным, что время упрощенных объяснений давно прошло: русские самозванцы не обманщики (или не просто обманщики) и не народные герои (или не просто народные герои), а русский народ не глупее и не доверчивее, чем другие народы. И хотя в условиях своеобразного исторического развития

России, из-за особых функций веры в хорошего царя, это явление перешло в другую плоскость, получило иное, более важное значение, чем в других странах, самозванчество все же является всемирно-исторической проблемой, более того, в определенной социо-культурной среде – закономерностью. Достаточно сослаться на работу Натали Земон Дэвис Возвращение Мартина Герра, послужившую основой для популярного фильма, главную роль в котором сыграл Жерар Депардьё.

Конечно, публикуя доклады, прозвучавшие на семинаре, мы не претендуем на такую популярность. Мы будем вполне удовлетворены, если нам удастся достоверно зафиксировать современное состояние исследований на пользу международному научному сообществу русистов.

Дюла Свак

Изучение российского монархического самозванчества: “ловушки”, проблемы, перспективы

О. Г. УСЕНКО

Научное изучение российского монархического самозванчества началось ещё в середине XIX в. К сегодняшнему дню накоплен обширный фактический материал, имеются обобщающие работы по теме¹. Однако дальнейший прогресс, на мой взгляд, уже невозможен без критического анализа тех элементов познавательной деятельности, которые не зависят от воли отдельного исследователя, а даны ему объективно и являются априорными.

Прежде всего имеются в виду “ловушки” – когнитивные ситуации, которые выглядят нормальными, но на самом деле заставляют исследователя двигаться в неверном направлении.

Так, существует *историографическая “ловушка”* – наличие в литературе “мнимых самозванцев”. Речь идёт, во-первых, о лицах, отнесённых к лжемонархам по ошибке (на самом деле они не меняли своего настоящего имени и/или статуса и даже не заявляли о желании это сделать). Таковых не менее 11 человек: Иван Заруцкий²; сын Марины Мнишек Иван³; султан Мурат, сын каракалпакского хана Кучука (союзник восставших башкир в 1707–1708 гг.)⁴; Артамон Чевычелов⁵; житель Каргопольского уезда Иван Михайлов⁶; трое пугачёвцев – Пётр Евсевьев (Евстифеев, Евсигнеев), Яков Иванов, “разбойник Фирска”⁷; две скопческие “богородицы” – Анна Софоновна Попова и Акулина Ивановна⁸; Пётр Хрипунов (Головенко)⁹.

Во-вторых, у некоторых реальных самозванцев имеются, образно говоря, “клоны под маской”. Например, в литературе фигурирует “царевич Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек”, осуждённый на смерть при Алексее Михайловиче¹⁰; на самом деле, как показывает проверка, это был Тимофей Акиндинов (Анкудинов)¹¹. У Гаврилы Кремнева, выдававшего себя за Петра III¹², оказались даже два “клона под маской”: он упоминается в литературе и как “воронежский сапожник”, действовавший в конце 1760-х гг., и как неизвестный самозванец, объявившийся “близ Крыма” в 1770 г.¹³

В-третьих, среди самозванцев присутствуют “фантомы” – целиком вымышленные лица. Это, например, некий “гусарский вахмистр”, якобы выдававший себя за Петра III на Украине в 1764 г.¹⁴ На самом деле этот образ был порождён слухами, зафиксированными в деле Николая Колченко¹⁵. Ещё один мифический Лжепётр III – это “Григорий Рябов”¹⁶.

Существуют и *публикаторские “ловушки”*, под которыми я разумею многочисленные пропуски, искажения и существенные ошибки в опубликованных источниках (прежде всего в досоветских изданиях). Примером служат напечатанные П. А. Кулишом документальные материалы о “турецком султани Ахии”. При публикации оказались перепутанными некоторые страницы, появились редакторские вставки, а в некоторых местах источники, наоборот, были сокращены за счёт отдельных слов, словосочетаний, предложений и даже абзацев, многие имена собственные и термины были искажены¹⁷. Нечто подобное, хотя и в меньшей степени, присуще публикациям документов, относящихся к Ивану Васильеву, который считал себя сыном Ивана Грозного¹⁸.

Если говорить о **проблемах**, с которыми сталкивается любой исследователь российского монархического самозванчества, то их

можно поделить на терминологические, эвристические и методологические.

Даже в среде носителей русского языка существует опасность некорректной коммуникации из-за мнимой, иллюзорной понятности слов “самозванец”, “самозванство”, “самозванчество”, “самозванщина” и как следствие – из-за отсутствия чётких определений у этих терминов.

Если посмотреть справочную литературу на русском языке, то сутью понятия “самозванец” оказывается вот что: человек являет себя окружающим в качестве носителя нового имени и/или статуса, взятого им произвольно, без санкции окружающих¹⁹. Но на этой почве учёные расходятся: одним из них для отнесения человека к самозванцам достаточно лишь сказанных им слов – публичного притязания на не принадлежащие ему имя и/или статус²⁰, другим же авторам слов мало – нужны ещё и целенаправленные действия со стороны индивида, подкрепляющие сказанное им²¹.

Термин “самозванщина” использовался в основном до 30-х гг. XX в. Именовали как цепочку народных выступлений в поддержку самозванцев, так и единичное, но массовое движение протеста под предводительством удачливого лжемонарха – такого, например, как Лжедмитрий I или Емельян Пугачёв. При этом авторы, употреблявшие данный термин, иногда заменяли его словом “самозванство”²².

“Самозванство” – самый популярный термин, причём он используется для обозначения не только помыслов и поступков собственно самозванцев, но также взглядов и действий их сторонников, отношений между лжемонархами и окружающими²³. Однако для тех же целей некоторые исследователи применяют понятие “самозванчество”²⁴.

Хотя мало кто считает все эти термины синонимами, всё равно они оказываются таковыми, ибо их применяют и тогда, когда в центре внимания – индивид (самозванец), и тогда, когда рассматривается общественная реакция на его действия.

Терминологическая проблема существует и в ситуации, когда общаются носители русского и других языков.

В первую очередь это связано с уникальностью слова “самозванец”. Оно родилось в начале XVII в. и сначала было именем нарицательным (обозначало Лжедмитрия I), а потом превратилось в обобщающее понятие, получив распространение не только в русском, но и в других славянских языках. За пределами этого ареала адекватных соответствий слову “самозванец” нет²⁵. Например, К. С. Ингерфлом замечает, что уже сам перевод русского термина приводит к искажению его смысла, поэтому он предпочитает калькировать слово “самозванец” и заменяет его неологизмом “un auto-nommé”²⁶.

Кроме того, у иностранных терминов, аналогичных русскому “самозванец”, имеются особые смыслы (коннотации).

В литературе, изданной за пределами России, понятие “самозванец” передаётся либо с помощью эпитетов, маркирующих обман и обманщика, либо с помощью слов, обозначающих человека, который посягает на то, что ему (пока) не принадлежит.

Например, указанному понятию соответствует в немецком языке более узкое по значению слово “узурпатор” (der Usurpator), а термин “самозванный” передаётся или конкретным словом с приставкой “псевдо-” (Pseudo-), или прилагательным “ложный” (falsche), или просто “калькируется” (selbsternannt).

Сходным образом в английском и французском языках для передачи понятия “самозванец” употребляются как описатель-

ные средства – приставка pseudo – (в обоих языках), прилагательное false (англ.) или faux (фр.), так и специальные термины: a pretendent, a pretender (англ.), un prétendant (фр.) – с общим значением “притворщик; претендент на трон”; a claimant, a claimer (англ.), имеющие значение “предъявляющий права, претендент; истец”; an impostor (англ.), un imposteur (фр.), означающие прежде всего лжеца, обманщика и лишь во вторую очередь – человека, выдающего себя за другое лицо.

При этом у разных авторов перечисленные выше термины могут обретать различные смысловые оттенки и даже существенно различаться.

Так, Д. Филд считает, что “a pretender” – это человек, притязающий на престол в обход правил наследования, благодаря которым правящий монарх взойдёт на трон и которых придерживается (примером служит Екатерина II). “An impostor” же выдаёт себя за того, кто, с точки зрения общепринятых правил наследования, был бы легитимным правителем.²⁷

Наоборот, М. Перри полагает, что “an impostor” более соответствует русскому понятию “самозванец”, нежели “a pretender”²⁸. Но согласно устоявшейся традиции она употребляет оба слова, когда речь идёт о человеке, ложно принявшем имя и титул монарха²⁹.

Нельзя не отметить и отсутствие прямых соответствий русским терминам “самозванство”, “самозванчество” и “самозванщина” при наличии, однако, функционально аналогичных терминов, которые то разводятся, то воспринимаются как синонимы и при этом используются для маркировки жизнедеятельности не только самозванца, но и тех, кто вошёл с ним в контакт или слышал о нём.

Например, во французской литературе используются слова “une imposture” и “une prétention”³⁰. Особняком опять же стоит К.

С. Ингерфлом, заменяющий термины “самозванство” и “самозванчество” одним неологизмом “une auto-pomination”³¹.

В англоязычной литературе употребляются термины “an imposture”, “a pretension”, “a pretence”, “a pretendership”, “a pretenderism”, “a phenomenon of pretence”, “a pretender phenomenon”, “a pretender movement”³². При этом Д. Филд разводит понятия “a pretendership” и “an imposture”, лишь последнее относя к феномену самозванства/самозванчества³³.

Эвристические проблемы связаны с выявлением и сбором первичных данных по интересующей нас теме.

Главная трудность обусловлена распылённостью архивных материалов – как на международном уровне, так и внутри России.

К примеру, документы о “султани Ахии” остались не только в России, но и, по всей видимости, в Нидерландах, Франции, Италии, Австрии, Польше и, возможно, Чехии³⁴. Неизвестные материалы о жизни и похождениях Мануила Дербинского, по идее, должны быть в архивах Польши³⁵, а о жизни Бризасье – в архивах Франции и опять же, возможно, Польши³⁶. Думается, что заезжавшие в Россию арабские “принцы” оставили архивные следы в Италии, Франции, Австрии, Чехии, Германии, Швеции, Польше, Турции, Нидерландах³⁷. Документы о Гавриле Кремневе хранятся и в Москве, и в украинском Харькове³⁸.

Даже в России дела о самозванцах распылены по многим архивам. Из московских следует назвать Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). В Санкт-Петербурге это Российский государственный исторический архив (РГИА). Материалы о некоторых лжемонархах второй

половины XVIII в. хранятся и в областных архивах – например, в Омске³⁹ и Ростове-на-Дону⁴⁰.

Но и в отдельных российских архивах чаще всего дела о самозванцах рассредоточены по разным фондам, причём “прячутся” среди сотен и даже тысяч дел, а описи далеко не всегда помогают в их поиске. В связи с этим хочу поделиться личным опытом и привести список фондов, где мне попадались документы, имеющие отношение к заявленной теме.

РГАДА: ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности); ф. 7 (Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии), оп. 1, 2, 3; ф. 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), оп. 1; ф. 124 (Малороссийские дела), оп. 1, 3, 4; ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 3, 5; ф. 149 (Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия I); ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 2, ч. 2; ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера), оп. 2; ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 12, 13, 14; ф. 214 (Сибирский приказ), оп. 1, ч. 5; оп. 3; ф. 229 (Малороссийский приказ), оп. 2; ф. 248 (Сенат и его учреждения), оп. 3, 113; ф. 349 (Московская контора тайных розыскных дел), оп. 1, 2, 3; ф. 371 (Преображенский и Семёновский приказы), оп. 1, ч. 1; оп. 2; ф. 1274 (Архив Паниных-Блудовых), оп. 1, ч. 1.

АВПРИ: ф. 2 (Внутренние коллежские дела), оп. 2/1, 2/6; ф. 9 (Дела о выездах иностранцев в Россию), оп. 9/1; ф. 13 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам на русском языке), оп. 13/2; ф. 14 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам на иностранных языках), оп. 14/1; ф. 15 (Приказные дела новых лет), оп. 15/3; ф. 32 (Сношения России с Австрией), оп. 6; ф. 33 (Венская миссия), оп. 2; ф. 41 (Сношения России с Венецией), оп. 3; ф. 53 (Сношения России с

Данией), оп. 1; ф. 54 (Копенгагенская миссия), оп. 1; ф. 56 (Сношения России с Индией), оп. 1; ф. 75 (Регенбургская миссия), оп. 1; ф. 83 (Сношения России с Имперским собранием), оп. 83/2; ф. 86 (Сношения России с Сербией и Славонией), оп. 86/1; ф. 89 (Сношения России с Турцией), оп. 89/1, 8; ф. 95 (Сношения России с Черногорией), оп. 95/1; ф. 105 (Арабские дела), оп. 105/1; ф. 122 (Киргиз-кайсацкие дела), оп. 122/1, 122/3; ф. 124 (Малороссийские дела), оп. 124/1.

РГВИА: ф. 8 (Генерал-аудиторская экспедиция Канцелярии Военной коллегии), оп. 1/89, 5/94; ф. 20 (Военная экспедиция Военной коллегии), оп. 1/47; ф. 44 (Румянцев П. А.), оп. 1/193; ф. 52 (Потёмкин Г. А.), оп. 1/194.

Наконец, на уровне эвристики проблемой видится разрозненность исследователей в разных странах, из-за чего многие публикации по теме оказываются для некоторых учёных недоступными или же обмен информацией происходит с большим опозданием.

Что касается *методологических проблем*, то они возникают уже на стадии первичной обработки собранных материалов, когда источники изучаются применительно к отдельным персонажам.

Так, имеет место разноречивость при отсеивании лишнего фактического материала. Виной тому прежде всего отсутствие чёткой дефиниции у ключевого понятия “российский лжемонарх”.

Широко распространено мнение, что индивид превращается в лжемонарха уже тогда, когда именует себя титулом или эпитетом, который в массовом сознании увязывается с верховным правителем или членом его фамилии, т. е. публично заявляет о своих притязаниях на высочайший статус⁴¹. Однако это мнение лишь на первый взгляд кажется бесспорным⁴² – особенно если учесть,

что российское законодательство XVII–XIX вв. отличало “самозванца” от человека, повинного в произнесении “непристойных речей”. Речь идёт о словах, которые быстро забывались или дезавуировались тем, кто их произносил, и не подкреплялись никакими действиями с его стороны для утверждения себя в той роли, которую он вроде бы только что принял⁴³.

подавляющее большинство работ по интересующей нас теме базируются на постулате, что “российское” тождественно “русскому” или хотя бы “славянскому”. Между тем нельзя игнорировать сведения о живших в России самозванцах неславянского происхождения и/или нехристианского вероисповедания – помимо уже называвшихся арабских “принцев” можно вспомнить Хаску Ваносова⁴⁴ и Карасакала⁴⁵.

С другой стороны, часть авторов причисляет к “российским/русским” самозванцам и тех, которые действовали за пределами Российского государства, но своими притязаниями были непосредственно с ним связаны – претендовали на царский трон или на родство с тем, кто его занимал⁴⁶.

Далее, существует априорное деление самозванцев на, так сказать, “полноценных” и “неполноценных”.

Одним из критериев подобной сегрегации выступает их “значительность”. Издавна интерес вызывают главным образом участники движений социального протеста. Сообразно с этим деяния российских лжемонархов и их сторонников трактуются как проявление анархии или же как сознательная борьба за власть. Рождённое ещё в XIX в. утверждение, что самозванчество – это форма социального протеста, стало в СССР фактически догмой. И хотя господство так называемой “марксистско-ленинской идеологии” сошло на нет, ряд российских историков по-прежнему предпочи-

тают не замечать лжемонархов, оставшихся в стороне от волнений, бунтов и восстаний.

“Кандидаты в самозванцы” изначально делятся также на “психически здоровых” и “больных”, причём последние чаще всего остаются за рамками исследования. При этом авторы не излагают критериев подобной сегрегации; можно даже предположить, что эти критерии просто не сформулированы⁴⁷.

Указанный подход, по сути, антиисторичен, ибо исследователи не учитывают социокультурной относительности представлений о психической норме. К тому же сведения источников чаще всего не позволяют сделать однозначный вывод о психическом состоянии интересующего нас лица⁴⁸. Однако нельзя полностью доверять и современникам самозванца, когда речь идёт об оценке его психического состояния. В России XVII–XVIII вв. доказательствами сумасшествия были нечленораздельная и несвязная речь, озирание по сторонам, беспричинный смех, крики, драчливость, срывание с себя одежды и т.п. Если же речь и поведение человека внешне подозрений не вызывали, то его могли отнести к нормальным, пусть даже его речи, на наш взгляд, были чистой ахинеёй⁴⁹.

Помимо этого, одни авторы уверены, что переход в самозванцы совершается на трезвую голову и в результате осознанного решения⁵⁰. Другие полагают, что самозванцем вполне можно стать и пребывать в состоянии аффекта и/или алкогольного опьянения. Но и в этом случае лицам, повинным лишь в “пьяной болтовне”, внимание уделяется редко⁵¹. Кроме того, в литературе господствует постулат, что лжемонарх играет свою роль всерьёз. Однако для ряда авторов самозванческой оказывается и роль главного персонажа некоторых фольклорных игр – например, “игры в царя”⁵².

Наконец, и “полноценных” самозванцев исследователи делят на группы, но без чётко сформулированных критериев. Учёные говорят о “светском” и “религиозном” самозванчестве, о “нижнем (народном)” и “верхнем”, выделяют среди лжемонархов сознательных обманщиков и тех, кто искренне заблуждался на свой счёт. “Обманщики”, в свою очередь, делятся на “авантюристов” (корыстолюбцев) и “народных заступников”⁵³. И всё же такая типология на проверку оказывается недостаточно продуманной и чёткой.

На стадии вторичной обработки собранных материалов (при сравнении самозванцев и обобщении имеющихся данных) главная проблема – это отсутствие общепринятой схемы или алгоритма всестороннего осмысления интересующего нас феномена. Из-за этого в работах, посвящённых российскому монархическому самозванчеству, описание и повествование преобладают над анализом и обобщением.

Эта ситуация также обусловлена значительными различиями в объёме и структуре фактических данных о тех или иных самозванцах.

Об одних лжемонархах вся известная нам информация не превышает нескольких строк, о других же написаны десятки, сотни и тысячи страниц. Многие самозванцы были одиночками, другие могли похвастаться лишь несколькими сторонниками, третьи вели за собой десятки и даже сотни людей, некоторые сумели привлечь на свою сторону десятки тысяч, а кое-кому довелось и воссесть на троне. Одни самозванцы пребывали в своей мифической ипостаси несколько часов, другие – дни, недели, месяцы, третьи же не выходили из образа годами и даже десятилетиями. Одни преследовались государством, другие воспринимались как безобидные, а отдельным счастливицам власти даже оказывали не-

которую материальную поддержку. Для одних самозванство было единичным актом, другие же примеряли на себя разные образы или принимали одну и ту же мифическую ипостась по два раза.

Теперь поговорим о **перспективах** изучения заявленной темы. Во-первых, следует выявлять “мнимых самозванцев”, а также ошибки в опубликованных источниках (на основе их сличения с оригиналами). Во-вторых, нужно продолжать архивные разыскания. Возможны открытия не только новых фактов об уже известных лицах, но и выявление новых, ещё не известных лжемонархов.

Одно из направлений поисков определяется при формулировке ответа на вопрос: где рассматривались дела о государственных преступлениях после упразднения Преображенского приказа и до учреждения Тайной канцелярии (1729 – март 1731 гг.)? Видимо, эти дела нужно искать в фондах Верховного тайного совета и Сената⁵⁴.

Желательны разыскания и в фондах, где отложились документы из Кабинета Её Императорского Величества (ноябрь 1731 – декабрь 1741⁵⁵). Дело в том, что 6 ноября 1731 г. Анна Иоанновна именным указом в Сенат повелела передать в Кабинет реестры всех судебных дел, производившихся в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и приказах, а также впредь предоставлять подобные реестры ежемесячно⁵⁶. Известны по крайней мере десять самозванцев, чью судьбу в той или иной степени решали кабинет-министры⁵⁷.

В-третьих, желательна дальнейшая интеграция специалистов по заявленной теме, представляющих разные страны и разные гуманитарные дисциплины. Этому, например, могло бы способствовать издание альманаха по истории самозванчества вообще и российского в частности.

В-четвёртых, дальнейшее постижение интересующего нас феномена зависит и от установления консенсуса между исследователями относительно решения перечисленных выше проблем в сфере терминологии и методологии. Мои соображения на этот счёт следующие.

Наиболее корректным и функциональным видится такое определение понятия “**самозванец**”:

1) это дееспособный и правоспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно – взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих); и всё это он делал прежде всего ради того, чтобы лично пользоваться плодами своих усилий;

2) это индивид, который, начав однажды играть новую социальную роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои и/или чужие) целенаправленными действиями – до момента публичного отказа от новой ипостаси или до своей смерти; который выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже он общался с ними нерегулярно и тайно;

3) это индивид, который притязал на новый статус, объективно не имея на то никаких прав, причём его заявления были признаны в целом недостоверными и необоснованными – как современника-

ми, так и потомками (историками); это человек, который, даже убедив на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при жизни или после его смерти);

4) это человек, воспринимавший себя в новом качестве и/или так воспринимавшийся другими не “в шутку”, а “всерьёз”, не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни;

5) это индивид, который претендовал на статус, входивший в число привычных или хотя бы известных и принципиально возможных для данного общества; это человек, прилагавший к себе эпитеты, не вызывавшие недоумения или смеха у окружающих, т. е. стремившийся (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в ней⁵⁸.

Имеет смысл ввести термин “псевдосамозванец” – для обозначения, к примеру, лица, которое стали воспринимать в новом качестве после его смерти⁵⁹, а также индивида, которого с детства воспитывали как царевича, который верил в своё высокое происхождение и не имел опыта “домифического” бытия⁶⁰. Данный термин применим и к человеку, который под видом другого лица вводит в заблуждение окружающих на короткое время, причём не стремится извлечь из этого практическую выгоду лично для себя, а если и стремится, то выгоду видит лишь в том, чтобы более комфортно существовать в своём привычном статусе или навредить иному лицу – тому, за кого себя выдаёт⁶¹.

Можно вспомнить подьячего М. Шошина, который в 1689 г. под видом боярина Льва Нарышкина объезжал по ночам стрелецкие караулы в Москве, намеренно раздражая и оскорбляя служилых людей. Он отнюдь не собирался круто менять свою жизнь, его задача была проста – вызвать гнев у стрельцов и направить его на Л. Нарышкина⁶².

Другой вариант “псевдосамозванца” представлен солдатом В. Долгополовым, который в 1756 г., “желая отбыть себе... плетми наказанья”, объявил командиру: “Ну ин де пусть я буду царскаго поколения”⁶³.

К российским самозванцам, на мой взгляд, относятся лишь лица, которые, будучи на свободе и при этом в мифической ипостаси, находились: 1) на территории Российской империи (в её границах на тот момент времени), т. е. или родились там, или приехали из-за границы по своей воле (не были привезены под стражей); 2) за пределами Российской империи, но на корабле под российским флагом (территория корабля считается частью территории той страны, к порту которой он приписан) или же в составе российских сухопутных войск, выполнявших задачи, поставленные царским правительством.

Под “самозванством” предлагается разуметь мысли, чувства и действия индивида, решившего взять новое имя и/или статус – от момента, когда у него появилась идея изменить свою жизнь, до его саморазоблачения (публичного признания, что его подлинной ипостасью является та, что привычна для большинства знающих его людей и/или санкционирована властями).

Первая демонстрация индивидом своей мифической ипостаси другим людям обозначается термином “проявление”. В ходе этого события скрытое (латентное) самозванство уступает место явному, вследствие чего и рождается собственно самозванец. “Проявление” могло быть очным (самозванец объявлял о себе лично или молча шёл на поводу у тех, кто ошибочно принимал его за носителя высочайшего статуса) и заочным («разглашение» о себе с помощью писем). Оно могло происходить и в соответствии с планами самозванца, и случайно, даже вопреки его воле.

Самозванство также можно поделить на “именное” и “статусное”. Последнее – это не санкционированное официальной властью притязание индивида на новую социальную позицию, которое, однако, не сопровождается его отказом от своей истинной биографии и привычного для всех прозвания. “Именное” же самозванство имеет место тогда, когда человек не только самовольно получает новый статус, но и берёт имя реального лица (здравствующего или покойного). “Именное” самозванство всегда опирается на “статусное”, но не наоборот.

“Самозванщина” – это совокупность отношений между самозванцем и его сторонниками (если таковые имеются) и/или сочувствующими ему. Сторонники – те лица, которые помогали самозванцу в его мифической ипостаси словом и/или делом, выказывали ему знаки уважения в соответствии с его новым статусом, укрывали от властей и даже защищали его. Сочувствующие – те, кто не помогали ему и не выказывали уважения, но в то же время не пытались его схватить и выдать властям, не доносили на него. Самозванщина может родиться лишь после “проявления”. Она прекращается тогда, когда от самозванца публично отрекается последний сподвижник или сочувствующий.

Для обозначения диалектического единства двух указанных феноменов – “самозванства” и “самозванщины” – предлагается термин “самозванчество”.

Критерии зачисления индивида в категорию “жEMONАРХОВ (самозванцев монархического типа)” представляются такими: 1) публичное притязание на статус представителя монаршей фамилии (причём не важно, берёт ли он имя реального исторического лица или просто называется “царём”, “царским братом”, “женехом государыни”, “земным богом”, “будущим императором”

и т. п.); 2) стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо добиться признания со стороны официальных властей и даже инкорпорироваться в государственную структуру, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования – сформировать группу сторонников и добиться того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его “подданные”.

При этом надо полагать, что монарх – это не просто лицо знатного происхождения и правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства, хотя бы частично сохраняющего свой суверенитет, но и носитель харизмы, т. е. человек, чьи помыслы, поступки и моральный облик если не сакрализуются, то идеализируются окружающими. Правитель, передавший власть преемнику, сохраняет статус монарха. Сохраняет его и властитель в изгнании, но лишь до тех пор, пока не поступит на службу к другому правителю или его бывшее владение не перестанет быть государством.

В состав монаршей фамилии, помимо собственно правителя, следует включать: 1) его ближайших кровных родственников – родителей, братьев и сестёр, сыновей и дочерей, племянников и племянниц, внуков (причём не важно – “законные” они или нет), 2) людей, вступивших или официально готовящихся вступить в брак с ним и его указанными выше родичами, 3) свойственников монарха, т. е. ближайших кровных родственников тех лиц, с кем он или кто-то из его близких породнился.

Мои предложения методологического характера таковы.

1. К исследовательским постулатам нужно отнести тезис, что грань между “психической нормой” и “патологией” исторически изменчива. Строго говоря, уже сам переход в самозванцы есть отклонение от нормы. Но в таком случае нужно или признать, что

самозванцев как таковых нет, или допустить возможность того, что среди них окажутся люди, которые кажутся сейчас или казались ранее “ненормальными”⁶⁴. В этом смысле наиболее правильную позицию занимают исследователи, которые не видят ничего зазорного в том, чтобы называть самозванцами людей с психическими отклонениями (на наш взгляд)⁶⁵.

2. Выглядит перспективным деление лжемонархов на “авантюристов”, “реформаторов” и “блаженных”.

“Авантюрист” – это самозванец, который принял на себя новое имя и/или статус только ради личной выгоды, который не прикрывал свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, а также добивался своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где он вращался.

“Реформатор” – это самозванец, который пытался увязать (неважно – искренне или только для виду) личные интересы с интересами своих соратников и сочувствовавших ему людей, пытался изменить социальные порядки (например, участием в движении социального протеста) или хотя бы говорил о том, что общественно-политические преобразования необходимы и предусматриваются им в будущем.

“Блаженный” – это самозванец, который не преследовал корыстных целей, не выступал против существующих порядков и не прятался от властей, а наоборот, желал, чтобы они узнали о нём, наивно полагая, что его ждёт официальное признание и обеспеченное будущее, что он обязательно займёт место на троне или рядом с ним.

Кроме того, среди лжемонархов можно выделить синтетическую (с точки зрения предыдущей разбивки) группу “народолюбцев”. К ней принадлежат лица, искавшие поддержки (неважно – с какими

целями) в среде непривилегированного и полупривилегированного населения и/или у рядовых военнослужащих (исключая тех служивых, что задерживали, конвоировали и караулили самозванцев).

3. Поведение лжемонарха надо рассматривать в единстве с реакциями окружающих и властей, при этом чётко различать периоды его пребывания в мифической и подлинной ипостасях. Бывали случаи, когда после саморазоблачения человек принимался за старое – вновь начинал выдавать себя за обладателя неподобающего статуса, причём нередко обретая сторонников. Такие рецидивы логично отделять от первоначальных походов и учитывать отдельно. Для обозначения каждого такого событийного блока предлагается термин “акт самозванчества” (синоним – “случай самозванчества”).

4. Вслед за Ф. Лонгуортом⁶⁶ я предлагаю при изучении и сравнении биографий лжемонархов использовать системно-статистический анализ, а именно для каждого акта (случая) самозванчества применять как минимум следующие параметры:

1) социологический анализ биографии самозванца: настоящее имя; дата и место рождения; национальность; вероисповедание; социальное происхождение; родственные связи; грамотность, образование и кругозор; основная профессия; жизнь и перемещения до “проявления”; поведение самозванца на людях до “проявления”; физический облик, дееспособность и репутация накануне “проявления”; правовой статус, имущественное и семейное положение, занятия на момент “проявления”; дата, место и причина смерти;

2) анализ психологии самозванца: дата появления идеи о самозванстве; первичные факторы и мотивы её возникновения; критерии и механизмы самооценки в новом качестве; роль рели-

гиозных воззрений; наличие немонархического самозванства; поведение самозванца на людях после “проявления”; поведение при задержании (аресте) и на следствии; дата и причины саморазоблачения (если таковое было);

3) анализ общественной реакции на появление самозванца: дата “проявления”; обстоятельства “проявления” (место, время суток, ситуация, психическое состояние самозванца, число присутствующих, их социальный статус и предыдущие отношения с самозванцем, их реакция); доказательства своей “подлинности”, предъявляемые самозванцем; поведение людей в процессе общения с ним и после этого; письма и бумаги самозванца; документы, написанные от его имени (авторы, адресаты, степень и характер участия самозванца в их составлении, содержание); программа действий самозванца; район его деятельности; наличие самозванщины (число и состав сторонников и сочувствующих); дата задержания (ареста) лжемонарха; обстоятельства задержания (ареста); дата и суть приговора, обстоятельства его исполнения⁶⁷.

Соединение системного подхода с типологическим позволяет восполнять информационные “лакуны” путём экстраполяции имеющихся сведений.

Даже если ничего из предложенного не найдёт поддержки, то уже осмысление данной статьи научным сообществом будет весьма полезным, так как состязательный обмен мнениями – один из главных двигателей науки.

Примечания

¹ СИВКОВ К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // *Исторические записки* Т. 31. Москва, 1950. С. 88–135. (далее: СИВКОВ 1950); НИЗОВСКИЙ Л. Русские самозванцы. Москва, 1999. (далее: НИЗОВСКИЙ 1999); LONGWORTH Ph. The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // *Past and Present* 1975. № 66. Pp. 61–83. (далее: LONGWORTH 1975); SZVÁK G. False tsars. New Jersey, 2000. (далее: SZVÁK 2000.)

² См.: СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. V. Москва, 1990. С. 19–26. (далее: СОЛОВЬЁВ V. 1990); КОСТОМАРОВ Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Москва, 1994. С. 770–777; (далее: КОСТОМАРОВ 1994.) ЧИСТОВ К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. Москва, 1967. С. 64–65. (далее: ЧИСТОВ 1967); ТИТКОВ Е. П., КАУРКИН Р. В. Самозванчество в России в XVII в. // *Вопросы всемирной и российской истории*. Арзамас, 2002. С. 196; (далее: ТИТКОВ-КАУРКИН 2002.) SZVÁK 2000. P. 45.

³ ПЛАТОНОВ С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Москва, 1995. С. 337. 352. (далее: ПЛАТОНОВ 1995); ЧИСТОВ 1967. С. 65–66.; СКРЫННИКОВ Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. Москва, 1988. С. 537.; ЛОГИНОВА А. С. Провинциальные “лжецаревичи” Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: Дис.... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2004. С. 7. 8. 10. 105–111. 136–138. 174–175.; SZVÁK 2000. Pp. 44–45.

⁴ СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. VIII. Москва, 1993. С. 167.; КОРСАКОВ Д. А. Н. А. Кудрявцев и его потомство // *Исторический вестник* 1887. Т. 29. С. 243–244.; ЧУЛОШНИКОВ А. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // *Материалы по истории Башкирской АССР*. Москва–Ленинград, 1936. Ч. 1. С. 45.; История Урала с древнейших времён до 1861 г. Москва, 1989. С. 371.; АКМАНОВ И. Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. // *Из истории Башкирии (дореволюционный период)*. Уфа, 1968. С. 99.; Он же. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII века. Свердловск, 1991. С. 88–89. 92. Доказательства того, что Мурат не был самозванцем см.: ТАЙМАСОВ С. У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбург-

ской губернии. Стерлитамак, 2006. С. 74.; САБИТОВ Ж. М. Генеалогии Джучидов в XIII–XVIII веках. Алматы, 2008. С. 37.

⁵ АЛЕФИРЕНКО П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. Москва, 1958. С. 325. (далее: АЛЕФИРЕНКО 1958.), прим. 104.; LONGWORTH 1975. P. 79. Доказательства того, что Л. Чевычелов не был самозванцем см.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1218.

⁶ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны // *Русская старина* 1875. № 3. С. 533.; ЧИСТОВ 1967. С. 132; НИЗОВСКИЙ 1999. С. 283.; SZVÁK 2000. P. 102. На самом деле монастырский служитель И. Михайлов оказался жертвой подчинённого ему крестьянина Ивана Иконникова. Последний сочинил “таблицу” с шифрованным текстом от имени царя Ивана Антоновича (но тем не менее подписался так: “Я, Иван Михайлов”) и попросил И. Михайлова переписать её. Тот переписал, ничего не поняв, и отдал все бумаги заказчику (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. Л. 80–80 об.; Д. 1612. Л. 1–62.)

⁷ ПУШКИН А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Ленинград, 1978. С. 185.; ЩЕБАЛЬСКИЙ П. К. Начало и характер Пугачёвщины. Москва, 1865. С. 81. (далее: ЩЕБАЛЬСКИЙ 1865.); МОРДОВЦЕВ Д. А. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 1. Санкт-Петербург, 1886. С. 216–217. (далее: МОРДОВЦЕВ 1886.); КОГАН А. Н. Распространение самозванства в русской деревне в период пугачёвского восстания // *Учёные записки Куйбышевского государственного педагогического и учительского института* 1943. Вып. 7. С. 222–224. (далее: КОГАН 1943.); МУРАГОВ Х. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Москва, 1954. С. 174. Доказательства того, что указанные пугачёвцы не были самозванцами см.: УСЕНКО О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // *Россия в XVIII столетии*. Москва, 2004. Вып. 2. С. 291–292. 302–303. (далее: УСЕНКО 2004.)

⁸ ЧИСТОВ 1967. С. 182.; УСПЕНСКИЙ Б. А. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1994. С. 77. 82. 95. прим. 10. Критику их взглядов см.: УСЕНКО 2004. С. 303.

⁹ СИВКОВ 1950. С. 131–132.; ТРОИЦКИЙ С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // *Вопросы истории* 1969. № 3. С. 144. (далее: ТРОИЦКИЙ 1969.); КУБАЛОВ Б. Сибирь и самозванцы: Из истории народных волнений в XIX в. // *Сибирские огни* 1924. № 3. С. 163. (далее: КУБАЛОВ 1924.); ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских

крестьян конца XVII – середины XIX в. // *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода*. Новосибирск, 1982. С. 69–70. (далее: ПОКРОВСКИЙ 1982.); ПОБЕРЕЖНИКОВ И. В. “Самиздат” осьмнадцатого века // *Родина* 1994. № 5. С. 40–41. Доказательства того, что П. Хрипунов не был самозванцем см.: УСЕНКО 2004. С. 303–304.

¹⁰ БУЛАРИН Ф. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. Санкт-Петербург, 1843. С. 24., прим. 3.; ДУМИН С. Царипа Марина // *Родина* 1994. № 5. С. 55.; УСЕНКО О. Г. Новые данные о лжемонархах в России XVII в. // *Вестник Московского университета: Серия 8: История* 2006. № 2. С. 123. (далее: УСЕНКО 2006а.); УСЕНКО О. Г. “Московский царевич” и “потомок Македонского” // *Родина* 2006. № 7. С. 53. (далее: УСЕНКО 2006б.); CHAUDON E.-J. Les imposteurs démasqués et les usurpateurs punis... Paris, 1776. Pp. 297–298. (далее: CHAUDON 1776.); NIEMCEVICZ J. U. Dzieje panowania Zygmunta III. Krakow, 1860. S. 35–36. (note).

¹¹ См.: СОЛОВЬЁВ С. М. Тимошка Анкидинов (XI самозванец) // *Финский вестник* 1847. Т. 13. Отд. 2. С. 5–38.; Т. 14. С. 1–34.; СОЛОВЬЁВ V. 1990. С. 236–237. 446–448. 542–548. 583–587.; ЧИСТОВ 1967. С. 70–78.; ТРОИЦКИЙ 1969. С. 144–145.; СИМЧЕНКО Ю. Б. Лжешуйский II: Православный, мусульманин, католик, протестант // *Русские: Историко-этнографические очерки*. Москва, 1997. С. 14–41.; *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. Санкт-Петербург, 1992. С. 53–55.; ДУБОВИК В. В. Самозванцы: “сыновья” Шуйского и их судьба // *Родина* 2005. № 11. С. 32–34.; SZVÁK 2000. Pp. 51–58.

¹² См.: СИВКОВ 1950. 103–108.; ТКАЧЕНКО И. Коротоякский предшественник Пугачёва // *Подъём* 1963. № 6. С. 159–160. (далее: ТКАЧЕНКО 1963.); НИЗОВСКИЙ 1999. С. 168–172.; SZVÁK 2000. Pp. 105–106.

¹³ ВЕЙДЕМЕЙЕР А. И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII ст. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1846. С. 147–148.; ЩЕБАЛЬСКИЙ 1865. С. 49.

¹⁴ Отголоски пугачёвского бунта // *Русская старина* 1905. № 6. С. 664–665.

¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–2.

¹⁶ ПУТИНЦЕВ Н. Самозванец Рябов // *Русский архив* 1902. Кн. 2. С. 59–60.; ОРЛОВ П. Пугачёвщина в Сибири (по материалам Омского губернского архива) // *Сибирские огни* Новониколаевск, 1925. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 129–130. (далее: ОРЛОВ 1925.); СИВКОВ 1950. С. 117.; ПОБЕРЕЖНИКОВ И. В. Под чужим именем: Сибирские самозванцы // *Родина* 2000. № 12. С. 41.; ГОРДЕЕВ Н. П. Реформаторство и

самозванство в России XVII–XVIII веков как культурно-исторический феномен. Москва, 2003. С. 233.; МАУЛЬ В. Я. Социокультурные аспекты изучения русского бунта // *Вестник Тамского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации* 2005. № 40. (январь). С. 36.; LONGWORTH 1975. P. 72. 79. Доказательства того, что Г. Рябов, очевидно, вымышленное лицо см.: УСЕНКО 2004. С. 304.

¹⁷ См.: КУЛИШ П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. Т. 1. Москва, 1877. С. 148–153. 157–286. (далее: КУЛИШ 1877); РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1625 г. Д. 2.

¹⁸ См.: ЗЕНБИЦКИЙ П. Сумасшедший самозванец // *Живая старина* 1907. Вып. 3. С. 153–157. (далее: ЗЕНБИЦКИЙ 1907.); ЛУКИН П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. Москва, 2000. С. 125–127. (далее: ЛУКИН 2000.); ПАНЧЕНКО А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. Москва, 2002. С. 122–123. (далее: ПАНЧЕНКО 2002.); РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 1304.

¹⁹ См.: ДАЛЬ В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (любое изд.). Статья “Агать”; Толковый словарь русского языка. Т. 4. Москва, 1940. С. 34.; Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, 2000. С. 1144.; Энциклопедический словарь (далее: ЭС) Ф. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Санкт-Петербург, 1900. Т. XVIIIа (56). С. 208.; Советская историческая энциклопедия. Т. 12. Москва, 1969. Стб. 515–516. Ср.: *The Russian Mentality: Lexicon*. Katowice, 1995. Pp. 89–90.

²⁰ См.: СИВКОВ 1950. С. 124., прим. 160.; ЧИСТОВ 1967. С. 121. 129–130.; ПОКРОВСКИЙ 1982. С. 51.; АНИСИМОВ Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва, 1999. С. 43–47. (далее: АНИСИМОВ 1999.); ЛУКИН 2000. С. 112–163.; КУРУКИН И. В. Поэзия и проза Тайной канцелярии // *Вопросы истории* 2001. № 2. С. 132–133. (далее: КУРУКИН 2001.)

²¹ См.: ЦЕРБАТОВ М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. Санкт-Петербург, 1774.; СОЛОВЬЁВ С. М. Заметки о самозванцах в России Т. 2. // *Русский архив* 1868. (далее: СОЛОВЬЁВ 1868.); КУБАЛОВ 1924.; ТРОИЦКИЙ 1969.; УСПЕНСКИЙ 1994.; ВАСЕЦКИЙ Н. А. Самозванцы как явление русской жизни // *Наука в России* 1995. № 3. С. 57–63. (далее: ВАСЕЦКИЙ 1995.)

²² См.: КУЛИШ 1877. С. 4. 22. 46. 89.; ПЛАТОНОВ 1995. С. 186. 206. 214. 231. 337. 340.; КОРОЛЕНКО В. Г. Современная самозванщина // *Русское богатство* 1896. № 8. С. 119–154. (отд. пагинация); ТИХОМИРОВ М. Н. Самозванщина // *Наука и жизнь*

1969. № 1. С. 116.; СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Гражданская война в России в XVII в. // *Казачество на переломе истории*. Москва, 1990. С. 243.

²³ См.: КОСТОМАРОВ 1995. С. 55.; СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. IV. Москва, 1989. С. 429. 481–482.; СОЛОВЬЁВ 1868. Стб. 265–281.; ЩАПОВ А. П. Умственные направления русского раскола // *Дело* 1867. № 11. С. 154.; МОРДОВЦЕВ 1886. С. 15.; КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 3. Москва, 1957. С. 27.; КУБАЛОВ 1924. С. 152. 162. 170–171. 177.; КОГАН 1943. С. 222. 224–225.; СМИРНОВ И. И. Восстание Болотникова (1606–1607). Москва–Ленинград, 1951. С. 15. 253.; МАВРОДИН В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачёва. Т. 1. Ленинград, 1961. С. 469–477.; АНДРУЩЕНКО А. И. О самозванстве Е. И. Пугачёва и его отношениях с яицкими казаками // *Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России*. Москва, 1961. С. 146–150.; ЧИСТОВ 1967. С. 27. и сл.; ТРОИЦКИЙ 1969. С. 134. 139–146.; РАЗОРЁНОВА [КОЗЛОВА] Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // *Вестник Московского университета: Серия истории* 1974. № 6. С. 54. 64–66. (далее: РАЗОРЁНОВА [КОЗЛОВА] 1974.; ОВЧИННИКОВ Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачёва: источниковедческое исследование. Москва, 1980. С. 23–25.; СКРЫННИКОВ Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 6. 185.; ИНГЕРФЛОМ К. С. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // *Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма*. Москва, 1991. С. 99–100.; БУЙДА Ю. Алхимия самозванства // *Страна и мир* 1992. № 1. С. 152–154.; ДОРОФЕЕВ В. В. Самозванцы (к истории появления слова). Оренбург, 1994. С. 6. 20. (далее: ДОРОФЕЕВ 1994.); ВАСЕЦКИЙ 1995. С. 57–63.; АНДРЕЕВ И. А. Самозванство и самозванцы на Руси // *Знание – сила* 1995. № 8. С. 47–53. 56. (далее: АНДРЕЕВ 1995.); АНИСИМОВ 1999. С. 42–47.

²⁴ См.: СИВКОВ 1950. С. 88. 107. 111. 113. 120. 129–134.; ПОКРОВСКИЙ 1982. С. 71. 74.; УСПЕНСКИЙ 1994. С. 75–76. 80–81. 87–90. 94.; ЧИСТЯКОВА Е. В., СОЛОВЬЁВ В. М. Степан Разин и его соратники. Москва, 1988. С. 54.; МЫЛЬНИКОВ А. С. Искупение чудом: “Русский принц” и самозванцы. Ленинград, 1991. С. 219–220. 228. 242–243. 250.; ЛУКИН 2000. С. 4. 103. сл.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.

²⁵ ДОРОФЕЕВ 1994. С. 4–5. 19.

- ²⁶ INGERFLOM C. S. Les représentation collectives du pouvoir et l'„imposture” dans la Russie des XVIII-e – XX-e siècles // *La royauté sacrée dans le monde chrétien*. Paris, 1992. P. 162. (далее: INGERFLOM 1992.); Idem. Entre le mythe et la parole: l'action: Naissance de la conception politique du pouvoir en Russie // *Annales: Histoire, sciences sociale* 1996. № 4. P. 736. далее: (далее: INGERFLOM 1996.)
- ²⁷ FIELD D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 8. (далее: FIELD 1976.)
- ²⁸ PERRIE M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 1. (далее: PERRIE 1995.)
- ²⁹ PERRIE 1995. P. 1–250.; Eadem. Samozvanchestvo Reconsidered: “Calling Oneself a Tsar” in Seventeenth-Century Russia // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / *New Directions and Results in International Russistics*. Budapest, 2005. С. 92–97. (далее: PERRIE 2005.)
- ³⁰ См., например: CHAUDON 1776.; d'Antas M. Les faux Don Sébastien. Paris, 1866.; PAVIEL A. Les imposteurs. Paris, 1936.; BESANÇON A. Le tsarévitch immolé. Paris, 1967.; DURAND-CHEYNET C. Boris Godunov et le mystère Dimitri. Paris, 1986.; BERCÉ Y.-M. Le roi caché: Sauveurs et imposteurs. Paris, 1990.
- ³¹ INGERFLOM 1992. P. 162.; INGERFLOM 1996. P. 736.
- ³² См.: CHERNIAVSKY M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven-London, 1961. P. 53. 97–99.; STANLY B. R. Royal Mysteries and Pretendants. London, 1969.; AVRICH P. Russian Rebels. New-York, 1972.; LONGWORTH 1975. Pp. 61–83.; FIELD 1976. Pp. 8–9. 23–24.; PERRIE M. Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack “Tsareviches” in Seventeenth-Century Russia // *Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert*. Wiesbaden, 2000. Pp. 243–256.; SZVÁK 2000.; GESSEN A., POE M. [Review] // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2002. Vol. 3 (1). P. 135. (далее: GESSEN 2002.)
- ³³ FIELD 1976. P. 8.
- ³⁴ См.: УСЕНКО О. Г. Ототоманус, или Сын турецкого султана // *Родина* 2006. № 6. С. 46–52.
- ³⁵ См.: УСЕНКО 2006а. С. 126–131.; УСЕНКО 2006б. С. 50–53.
- ³⁶ См.: УСЕНКО О. Г. Фальшивый принц и нищий царевич // *Родина* 2006. № 10. С. 59–61.
- ³⁷ См.: УСЕНКО О. Г. “Восточные властители” с протянутой рукой // *Родина* 2008. № 1. С. 34–36.; УСЕНКО О. Г. Арабские “принцы” и сконинский мужик //

- Родина* 2008. № 5. С. 67–69.; УСЕНКО О. Г. Ария индийского гостя // *Родина* 2008. № 7. С. 42–44.
- ³⁸ См.: ТКАЧЕНКО 1963. С. 159.
- ³⁹ См.: ОРАЛОВ 1925. С. 129–130.
- ⁴⁰ См.: ПРОИШТЕЙН А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов на Дону, 1961. С. 304–306.
- ⁴¹ См.: РЕУТСКИЙ Н. В. Люди божьи и скопцы. Москва, 1872. С. 37.; СИВКОВ 1950. С. 124., прим. 160.; АЛЕФИРЕНКО 1958. С. 325–326.; ЧИСТОВ 1967. С. 121. 129–130.; ПОКРОВСКИЙ 1982. С. 51.; АНИСИМОВ 1999. С. 43–47.; ЛУКИН 2000. С. 112–163.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.; PERRIE 2005. P. 97.
- ⁴² См.: УСЕНКО О. Г. Кто такой “самозванец”? // *Вестник славянских культур* 2002. № 5–6. С. 42. (далее: УСЕНКО 2002.)
- ⁴³ См.: АНИСИМОВ 1999. С. 53–72.; ЛУКИН 2000. С. 9–15. 18–169.; КОЛОКОЛЬЦОВ В. Б. Законодательство Российской империи о самозванстве // Законодательство Российской Империи о дворянстве и современное российское дворянство. Санкт-Петербург, 1996.; СИМЧЕНКО Ю. Б. Анализ политических и государственных процессов 1630–1640-х годов по книге Н. Новомбергского // *Русские: историко-этнографические очерки*. Москва, 1997. С. 48–50.
- ⁴⁴ См.: УСЕНКО О. Г. Первый сибирский лжемонарх // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятое научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 117–120.; УСЕНКО О. Г. Как стать султаном и царём одновременно // *Родина* 2007. № 5. С. 55–57.
- ⁴⁵ См.: ИГНАТЬЕВ Р. Г. Карасакал, лжехан Башкирии // *Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР* Вып. 2. С. Стерлитамак, 1922. 38–66.; ВИТЕВСКИЙ В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. С. 164–174.; ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1984. С. 8–13.; МОИСЕЕВ В. А. Дело Шоно-Лоузана // Четырнадцатая научная конференция “Общество и государство в Китае”: Тезисы и доклады. Ч. 2. Москва, 1983. С. 96–103.; МОИСЕЕВ В. А. Степной самозванец // *Простор* 1984. № 6. С. 200–204.; АКМАНОВ И. Г. Башкирские восстания в XVIII в. Уфа, 1987. С. 41–44.; АКМАНОВ И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII века. Свердловск, 1991. С. 130–136.; ТАЙМАСОВ С. 81–89.; ТАЙМАСОВ С. У. К вопросу о происхождении Карасакала // *Вестник Академии наук*

- Республики Башкортостан Т. 9. № 4. 2004. С. 67–70.; ТАЙМАСОВ С. У. Карасакал в Казахстане // *Ватандаш (Соотечественник)*. 2006. № 1. С. 45–51.; ИЗБАСАРОВА Г. Б. Восстание 1740 г. в Башкирии: Карасакал в казахской степи // *Вестник Казахского государственного национального университета имени Аль-Фараби. Серия историческая* 2002. № 3. (25).
- ⁴⁶ См.: СОЛОВЬЁВ 1868.; ТРОИЦКИЙ 1969.; НИЗОВСКИЙ 1999.; ТИТКОВ-КАУРКИН 2002.
- ⁴⁷ См.: например: СИВКОВ 1950. С. 113. (прим. 120.) 123–124.
- ⁴⁸ См.: Там же; СОЛОВЬЁВ С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. VII. Москва, 1991. С. 129. (далее: СОЛОВЬЁВ VII. 1991.); ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Самозванный сын Петра I // *Вопросы истории* 1983. № 4. С. 188.; АНИСИМОВ 1999. С. 44. 47. 383–386. 388.; ЛУКИН 2000. С. 124–127. 134.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.
- ⁴⁹ См.: АНИСИМОВ 1999. С. 384–389.; УСЕНКО 2002. С. 41.
- ⁵⁰ См.: СИВКОВ 1950. С. 89.
- ⁵¹ См.: АНИСИМОВ 1999. С. 45–46; ЛУКИН 2000. С. 11. 104. 122–123. 134–136. 139–149. 153–161.; РАЗОРЁНОВА [КОЗЛОВА] 1974. С. 54; АНДРЕЕВ 1995. С. 47.; PERRIE 2005. P. 97.
- ⁵² См.: ТРОИЦКИЙ 1969. С. 139.; УСПЕНСКИЙ 1994. С. 82–84.; МАУЛЬ В. Я. Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 15.; МАУЛЬ В. Я. Харизма и бунт. Томск, 2003. С. 11.; ЛУКИН 2000. С. 67–68. 163–168.; ПАНАСЮК В. В. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Образование и общество* 2004. № 1. С. 116–117.; GESSEN 2002. P. 135.
- ⁵³ См.: ЩЕБАЛЬСКИЙ 1865. С. 52.; СОЛОВЬЁВ 1868. Стб. 272. 274.; ЭСФ. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Т. XVIIIа (56). С. 208. 210.; ТРОИЦКИЙ 1969. С. 134. 144.; ВАСЕЦКИЙ 1995. С. 59.
- ⁵⁴ См.: ЕРОШКИН Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. Москва, 1960. С. 137.; ФИЛЮШКИН А. Битюцкое дело: Первые шаги русской контрразведки // *Родина* 2009. № 2. С. 60.
- ⁵⁵ См.: ЭСФ. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Санкт-Петербург, 1894. Т. XIIIа (26). С. 787–788.; АНИСИМОВ 1999. С. 118.
- ⁵⁶ См.: Сборник имп. Русского исторического общества. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 7.
- ⁵⁷ Это Тимофей Труженник и Ларнон Стародубцев (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 6. Л. 143–146.); Сергей Владыкин, Алексей Костюнин, Лоренц Далрот, Иеракс,

- Якоб Луд (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 1. Л. 101. 222. 243. 253.; Ч. 2. Л. 197.; Ч. 3. Л. 65–66. 135.); Мирбез Гевейш и Шехашидит (см.: Архив внешней политики Российской империи. Ф. 105. Оп. 105/1. Д. 2. Л. 31–31. об.); Иван Минницкий (см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 20. Л. 44. 159–165.; Ч. 21. Л. 9–15. об.)
- ⁵⁸ См.: также: УСЕНКО 2002. С. 44–46.
- ⁵⁹ См.: СТРОЕВ А. Ф. “Те, кто поправляет фортуна”: Авантюристы Просвещения. Москва, 1998. С. 258.
- ⁶⁰ См.: ЭСФ. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА. Санкт-Петербург, 1896. Т. XVIII (35). С. 53.; СТАНКЕВИЧ А. Игумен Афанасий Филиппович и шляхтич Ян Луба. Санкт-Петербург, 1885.
- ⁶¹ См.: ГОЛИКОВА Н. Б. Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). Москва, 1957. С. 199.
- ⁶² См.: Розыскные дела о Фёдоре Шаковитом и его сообщниках. Санкт-Петербург, 1884. Т. 1. Стб. 26. 125. 217. 235–236. 269. 278–279. 859–870. 885. 891. 901. 921–922. 932–933. 936. 963–972.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 6016. Л. 2. об. 6. об.
- ⁶⁴ См.: УСЕНКО 2002. С. 42–43.
- ⁶⁵ См.: СОЛОВЬЁВ VII. 1991. С. 129.; ЗЕНБИЦКИЙ 1907. С. 153–157.; ГУРЕВИЧ А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. Москва, 1981. С. 120.; АНИСИМОВ 1999. С. 44. 47. 383–386. 388.; ЛУКИН 2000. С. 124–127. 134.; КУРУКИН 2001. С. 132–133.; ПАНЧЕНКО 2002. С. 122–123.
- ⁶⁶ См.: LONGWORTH 1975. Pp. 61–83.
- ⁶⁷ Для оценки метода см.: УСЕНКО 2004. С. 309–342.

Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве»

Д. СВАК

Историки давно обратили внимание на явление «самозванчества».¹ И все же его нельзя отнести к числу их излюбленных тем, так как в определенном смысле это было неприятное явление. Ученые, рассматривающие историю с национальной точки зрения, стремятся стыдливо приуменьшить его значение или, наоборот, демонизировать его как нечто, идущее чуть ли не от лукавого. Поэтому различные лжецари часто появляются на страницах исторических книг в качестве мошенников, обманщиков.² Все же предпочтительнее было считать народ доверчивым, невежественным, подверженным обману, чем разобрататься в уроках самозванчества. Марксистская советская историческая наука тоже стыдилась самозванцев, только в ней техника их изображения отличалась от приемов представителей национальной точки зрения: самозванцы одевались в одежды классовых борцов или/и марионеток иностранных интервентов,³ что придавало им серьезный характер, достойный национального прошлого. Позже, в период разложения советской исторической науки и появления вызова постмодерна, крупные нарративы уступили место небольшим историям, но во всяком случае, в историографии последних двух десятилетий пока намечается консенсус относительно того, что, хотя феномен самозванчества хорошо известен и из истории других стран и других эпох, в таких массовых масштабах и в те-

чение столь долгого времени он присутствовал только в русской истории и, таким образом, должен считаться русской особенностью.⁴ Характерной чертой русской истории было и соединения явления лжецарей с крупными народными движениями: в раннее Новое время во всех значительных казацко-крестьянских движениях в России, за единственным исключением, использовалась эта идеология.

Однако относительно исторического содержания самозванчества мнения расходятся. Очень сильно мнение, что это в первую очередь политическое и социальное явление, в котором необходимо выделить момент выступления против существующей власти. К. В. Чистов в своей монографии, ставшей уже настольной книгой, ориентирующей целые поколения ученых, поднял это явление в сферу народной психологии и показал непосредственную связь между народной верой в царя-избавителя и появлением лжецарей.⁵ Следующая инспирирующая концепция принадлежала Б. А. Успенскому, который не отрицает укорененности самозванчества в народной культуре и народных верованиях, но выводит его прежде всего из религиозного представления о божественной природе царской власти.⁶ Эта концепция открыла путь мнениям, максимально широко толкующим явление самозванчества. Таковой является работа П. В. Лукина,⁷ в которой предметом исследования становится всякое сказанное в алкогольном дурмане неосторожно чванливое слово, что О. Усенко назвал бесперспективным исследовательским подходом.⁸ За последнее время наибольшую работу в области изучения самозванчества проделала М. Перри, которая в ходе монографического изучения выступлений самозванцев XVII в. пришла к выводу, что решающее значение все же имела противостоявшая официальному порядку идеология, суть

которой состояла в том, что она оставалась в рамках доктрины «хорошего царя».⁹ В своих научно-популярных обобщающих работах 1982 и 1988 гг. я тоже пришел к таким же выводам.¹⁰

Однако это до сих пор приемлемое утверждение не исчерпывает полностью историческое содержание, скрывающееся в явлении самозванчества. Исторiku может оказать большую помощь, если он, формулируя принципиальные положения, не пренебрегает конкретными фактами. Поэтому ниже попробуем рассмотреть, в каких формах проявлялось явление самозванчества в России XVII века.

В «Смутное время» под именем Дмитрия появилось пять претендентов на московский трон. Первый из них, да и вообще из всех когда-либо существовавших самозванцев, оказался наиболее известным и удачливым. Едва – как раз на царскую корону – отстал от него Лжедмитрий II. Лжедмитрий III был уже совсем незначительной фигурой, а что касается четвертого, то не совсем ясно, называл ли он себя Дмитрием, ведь для легитимации у него в запасе был и двойной лжецаревич. В то же время нам известно и то, что приближенный первого лжецаря, Михаил Молчанов, также однажды выдал себя за Дмитрия, чтобы побудить к выступлению Ивана Болотникова. В этих случаях нет речи об игре в царя или вере в царя-избавителя, зато большую роль играют конкретные властные интересы. К тому же не только из области русской внутренней политики, поскольку в случае первых двух лжецарей именно польская среда играет определяющую роль в придании вымыслу достоверного характера. М. Перри показала, что первый лжецарь был обязан созданием легитимационного объяснения не народной вере в царя-избавителя, а сознательной пропагандистской деятельности (в этом отношении многое сде-

лал и второй лжецарь). Другой вопрос, какую (определяющую) роль сыграл сконструированный вымысел в мобилизации народных масс, но это все же не дает возможности поменять местами причину и следствие. Как неоспоримо и то, что одна из причин результативности этого вымысла состояла в открываемой им возможности выступить против царской власти, оставаясь при этом в рамках веры в «хорошего царя».

Упрощенные объяснения всегда контрапродуктивны. Конечно, Лжедмитрий I был не просто народным вождем, но, помимо прочего, он был и народным вождем. Его борьба была не просто классовой борьбой, но, помимо прочего, она была и классовой борьбой. Правда, сам лжецарь, которого в исторической литературе как правило отождествляют с беглым монахом Гришкой Отрепьевым,¹¹ старался казаться настоящим царем в том смысле, что вел себя как царь, а не как казацкий атаман, однако все же нельзя забывать о том многократно доказанном историками факте, что часть его социальной базы составляло население западных и юго-западных приграничных территорий, которое вело борьбу против крепостничества. Хотя это не значит, что династическую борьбу Лжедмитрия I следует считать крестьянской войной.¹² Взвешенный исторический анализ давно показал односторонность такого взгляда, ведь поддерживавшие лжецаря социальные группы в совокупности образовывали гораздо более широкую социальную базу. Вообще вся историография «Смутного времени» до сих пор несет на себе отпечаток однобокости, вызванной как схематизмом исторического подхода, так и «национальным углом зрения». Очень тяжелым бременем является топика «польско-литовской интервенции», которая не позволяет различить различные этапы «Смуты» и способствует смешению различного содержания этих

этапов. Между прочим, очень вероятно, что причиной механического деления на периоды часто является не политизированность или идеологизированность вопроса, а просто сильная специализация, характерная советской исторической науки.¹³ А следствие такого деления состоит в том, что пропадает цельная перспектива, и появляется стремление выявить суть всей эпохи посредством выделения какого-либо одного момента.

Во множестве монографий было доказано, что практика «урочных лет», введенная Борисом Годуновым и его прочие меры, направленные на утверждение крепостного права, а также кризис системы землевладения служилого дворянства, вызванный в основном опричниной, террором и Ливонской войной Ивана IV, породили в России XVII в. значительную социальную напряженность.¹⁴ Ранее в русской истории не было примеров такой социальной напряженности, поэтому можно по праву говорить и о таком же беспримерном противостоянии основных феодальных классов, феодалов-землевладельцев и крестьян. Однако катастрофическая политика Ивана IV, как писал еще Иван Тимофеев, «наполы разсече»¹⁵ не только всю страну, но и служилое дворянство. Деклассирование или страх деклассирования служилого дворянства, а также имевшая такие же истоки фрустрация средних социальных слоев (прежде всего казачества) вызвали противоречия и внутри привилегированных или квазипривилегированных слоев населения. В то же время недостаток легитимации первого выбранного царя, Бориса Годунова, побуждал к реваншу и вышние придворные группировки. Такова была исходная ситуация и таковы были важнейшие конфликты, сохранившиеся до самого конца «Смутного времени». Таким образом, в основе конфликтов эпохи лежало всеобщее социальное недовольство, вследствие

чего «Смутное время» можно по праву назвать перманентной династической борьбой, борьбой классов и слоев, которая лишь на определенном этапе, позже, стала одновременно и национально-освободительной войной. Авторитетное направление в исторической науке охотнее обозначает эту перманентность термином «гражданская война».¹⁶ Основной недостаток этого словоупотребления состоит в его слишком современном происхождении. В принципе я не исключаю употребление словосочетания «гражданская война» для обозначения кровавых конфликтов в обществе, где нет «граждан», поскольку оно хорошо описывает всеобщий характер этих конфликтов. Однако одновременно оно смягчает конфликты интересов, делая возможным отказ от применения термина «классовая борьба», что не благоприятствует по-настоящему взвешенному подходу к теме.

Ключевой фигурой этой перманентной династической борьбы и борьбы классов и слоев был Лжедмитрий I, чье значение у нас нет оснований ни преуменьшать, ни приувеличивать. Нецелесообразно считать его просто мошенником, хотя он, несомненно, был таковым, но, видимо, было бы преувеличением и видеть в нем предшественника Петра I.¹⁷ Во всяком случае бесспорно, что квалифицировать его польской марионеткой было бы равнозначно возрождению наихудших историографических традиций. Как это ни «неприятно» историкам, ставящим во главу угла национальные приоритеты, Лжедмитрий I около года был «царем и великим князем всея Руси». К тому же в качестве царя он был не хуже и не бесталаннее многих своих предшественников и наследников. Его короткое правление показало, что он ответственно носил «шапку Мономаха», серьезно верил в «богоданную» власть, и это помешало ему ясно взглянуть на свои возможности и реально

оценить ситуацию. В то же время в нем можно обнаружить некоторый сентиментализм, ведь он пытался благоприятствовать сразу нескольким социальным слоям, так что ему неизбежно приходилось совмещать противостоявшие друг другу интересы.¹⁸ Его падение было лишь вопросом времени.

Особенно много личность Лжедмитрия I выигрывает в сравнении с Лжедмитрием II. Правда, наследник, получивший насмешливую кличку «тушинский вор» тоже был очень близок к тому, чтобы поселиться в Кремле, его отряды в течение долгих месяцев держали Москву в блокаде, полтора года существовала тушинская «антистолица» с «анти-Боярской думой» и «антипатриархом», к тому же украшенная присутствием настоящей лжецарицы. Однако зависевший от польских наемников, а потом оставленный ими и геройствовавший уже в качестве казацкого вождя мошенник не был способен ни на минуту уверить людей в истинности своего царского достоинства: опорой его власти была жажда добычи, однако ценой этого было то, что польско-литовские и казацкие разбойничьи банды практически разделили империю между собой. Не случайно, что вскоре население обратилось против него, и его успехи оказались недолговечными.¹⁹

Как мы уже видели, еще до того, как «тушинский вор» назвался именем Дмитрия, этим именем воспользовался и один из приближенных первого лжецаря, дав тем самым толчок второй волне антицарского движения. Без этого события, незначительного с точки зрения истории самозванчества, едва ли можно было бы говорить о восстании Болотникова, тем более как о кульминационной точке классовой борьбы эпохи «Смутного времени».

Лжедмитрий, названный третьим, был уже лишь локальным явлением в истории «Смутного времени». Его деятельность огра-

ничивалась окрестностями Пскова, и ни его претензии, ни значение не имели общерусских масштабов. Хронологически он активизировался в последней фазе эпохи, когда вера в Дмитрия уже потеряла свою продуктивность, была сильно скомпрометирована, так как в умах людей уже созрело стремление к консолидации, а лжецари все в большей степени казались скорее причиной смут и анархии. Очень важно, что Матюшку, Лжедмитрия III, поддерживали уже практически только казаки, но их кандидат не смог «конкурировать» даже в Новгороде со шведским королевичем.²⁰

Последним Дмитрием был казацкий атаман Иван Заруцкий, который в прошлом был приближенным Лжедмитрия II, а после его падения взял на себя «опеку» вдовы двух самозванцев (Лжедмитрия I и Лжедмитрия II) и ее новорожденного сына, лже-лжецаревича. Спасавшийся от врагов казацкий отряд уходил все дальше от центральных территорий страны и постарался удержаться в окрестностях Астрахани. Несмотря на то, что легитимация Заруцкого обеспечивалась «царицей» и ее сыном, «наследником престола», по некоторым источникам, Заруцкий, оказавшись вдали от столицы, на всякий случай тоже называл себя царем. Однако это уже не имело серьезного значения для развития событий.²¹

В «Смутное время» царские имена узурпировались не только Дмитриями. Еще при жизни Лжедмитрия I на поле боя вышел некий казак по имени Петр, выдававший себя за племянника Дмитрия. Важное значение он приобрел позже, во время восстания Болотникова, когда стал одним из его руководителей «по праву рождения», в отсутствие Дмитрия. С этого времени казаки буквально по расписанию выдвигали из своих рядов царевичей, которые, за исключением Ивана Августа, мнимого сына

Ивана IV, выдавали себя за не существовавших «внуков» грозного царя: Осиновика («сын» Ивана Ивановича), Федора, Лаврентия,²² Клементия, Савелия, Семена, Василия, Ерошки, Гаврилки, Мартынки (все – «сыновья» царя Федора). На их истинное значение указывают уже выбранные ими имена, в подавляющем большинстве снабженные уменьшительными суффиксами, никогда не употреблявшимися царями и великими князьями. Выступление этих самозванцев может быть приурочено ко времени Лжедмитрия II: первоначально они шли на помощь своему «дяде», однако лжецарь вскоре развернул против них пропаганду (и борьбу): как видно, волна лжецаревичей задевала его царские претензии и подрывала его легитимацию. Для точного понимания этого явления, однако, необходимо отметить, что выступавшие на борьбу мелкие и крупные казацкие отряды в определенный момент всегда считали важным легитимировать свое выступление выдвижением того или иного царского «родственника», доказывая тем самым, что в их кругу выдумка о самозванцах уже не пользовалась никаким доверием.²³

Несомненно, что все появлявшиеся в «Смутное время» лжецари и лжецаревичи преследовали политические цели, желали таким образом позиционировать себя в борьбе за власть. Первые два Лжедмитрия и Петр – в масштабах всей страны, а остальные лжецаревичи – на региональном уровне. Сложнее вопрос о том, ставили ли или воплощали ли они при этом и какие-либо социальные цели. Здесь мы подошли к вопросу о т. н. «социальной базе» антицарских движений «Смутного времени», который издавна волновал целые поколения историков. На мой взгляд, определяющей характеристикой эпохи смут была именно устойчивая перманентность изначальной социальной мощи движения,

и все же я бы сделал акцент на периодизации эпохи. Если в случае Лжедмитрия I сложился широкий союз социальных сил, то во время восстания Болотникова он социально сильно поляризовался. С появлением Лжедмитрия II начала возрастать роль иноземцев, и параллельно с этим в лагере восставших возрастала и роль казаков. Два ополчения, организованные для изгнания поляков, в социальном отношении также были крайне неоднородными, так как в одном лагере вдруг оказались силы, ранее нападавшие на царскую власть и защищавшие ее.²⁴

Постоянный фактор я вижу в казачестве. Несомненно, их роль в событиях «Смутного времени» была огромной, хотя и не одинаковой по значению на различных этапах. Уже во время выступления Лжедмитрия I они составляли большинство его войска, и позже их постоянно можно было найти в антицарском лагере. Таким образом, они образовывали и жизнетворную силу борьбы против легитимного царя, которая велась во имя Дмитрия и питалась идеологией самозванчества. Они до конца сохранили верность первым двум Дмитриям, в то время как остальные социальные группы постепенно оставили их. В определенном смысле благодаря их трезвой позиции был положен конец и самому «Смутному времени», так как тогда они уже не настаивали на кандидатуре какого-либо нового Дмитрия (хотя у них еще было достаточно сил для того, чтобы добиться избрания своего кандидата, Михаила Романова).

Я не хочу внушить этим, что социальной базой самозванцев было казачество, и что оно формулировало общественные цели движения. Мы видели, что первые Лжедмитрии действовали не как казацкие вожди, да и не желали быть ими. Но мы видели также и то, что казаки нуждались в самозванцах, причем до такой степе-

ни, что не страшались выдвигать их из собственных рядов (между прочим, способствуя тем самым девальвации ценности самозванцев, подрыву веры в них). Выгодой от благотворных последствий явления самозванчества пользовались и другие. Бояре занимали руководящие посты, служилые дворяне получали новые земли, беглые крестьяне и слуги возвращали себе свободу. Таким образом, на различных этапах антицарского движения все социальные слои сформулировали свои требования. Однако в конечном итоге все эти требования каким-то образом указывали в сторону консолидации: надо было обеспечить безопасное владение добытым имуществом. Лишь казаки не были заинтересованы в этом, их занятием была война, а главным источником доходов – добыча. Конечно, нет сомнений в том, что на их мировоззрение определяющим образом влиял тот факт, что их основную силу составляли люди, некогда бежавшие в результате распространения крепостного права. Поэтому их выступления против царизма мотивировались и инстинктивными классовыми соображениями. Эти выступления, однако, не были направлены на торжество принципов казацкой воли, а исчерпывались в простом стремлении к сопротивлению, обещающему принести материальные выгоды.

В этом пункте имеет смысл на некоторое время остановиться на вопросе, кто был автором или авторами легенды о лжецарях? Не удивительно, что в исторической литературе по этому вопросу наблюдается сильная неопределенность, обычно историки или уклоняются от ответа или обходят его указанием на то, что это дело Гришки Отрепьева, совершенное на русской земле. Это, конечно, несомненно, но не открывает нам подавшее идею лицо или среду. Дело в том, что в конце XVI – начале XVII в. лжекороль и лжецари появились во многих пунктах Европы.²⁵ Например, очень со-

блазнительно предположить, что Гришка заимствовал эту идею у португальских Лжесебастианов, ведь такую непосредственную параллель между двумя случаями сначала провел и римский папа.²⁶ Только следует учесть, что даже весть об открытии Америки дошла до московского двора с опозданием на полвека,²⁷ как же мог узнать простой патриарший писец о дальнем лжекороле? Мнимые государи появлялись и в менее отдаленных от России землях.

Между прочим, кажущиеся наиболее сильными объяснения историков не нуждаются в идее заимствования. Медиевисты, у которых традиционно доминирует политическая история, а также историки раннего Нового времени склонны объяснять рождение легенды о лжецарях внутривосточными причинами.²⁸ И даже для их оппоненты (как, например, К. В. Чистов,²⁹ Б. А. Успенский³⁰ или М. Перри³¹) считают непеременимым условием, что эта легенда – продукт русской среды. И действительно, русские люди очень рано (то есть за годы до появления Отрепьева), уже в 1598 или 1600 г. могли слышать о «чудесном избавлении» царевича Дмитрия³². Только переход от циркуляции различных домыслов и фантастических историй к появлению конкретного человека в образе усопшего много лет назад царевича, то есть, возникновению и воплощению легенды, отнюдь не может быть ни автоматическим, ни слишком простым. Здесь может помочь использование уже разработанного и проверенного образца. И монах Григорий вполне мог встретиться с таким образцом. Во всяком случае, я считаю очень правдоподобным, что несомненно доказанное выступление Дмитрия на историческую сцену произошло в имени Адама Вишневецкого после того, как странствующий монах провел несколько месяцев среди запорожских казаков.³³ А они в то время очень хорошо знали теорию и практику самозванчества, поскольку в Молдавии было

известно несколько лжегосподарчиков,³⁴ а запорожцы поддерживали тесные связи с молдаванами. Таким образом, я утверждаю, что явление самозванчества не только поддерживалось казаками в ходе его функционирования, но и могло быть в определяющей степени казацким изобретением в момент его возникновения.

Между прочим, превращение в самозванца или создание образа самозванца вовсе не было столь загадочным или мистическим явлением, каким его любят представлять историки, исполненные сознанием собственной важности. Второй лжецаревич, Петр, появился всего через пару месяцев после коронации Дмитрия, его до крайности прозаичная история хорошо известна благодаря подробным протоколам его допросов. Она звучит так. Незаконорожденный сирота сначала торговал яблоками, потом был поваром на торговых судах, позже — продавал кожу и обувь на астраханском базаре. Решающий перелом в его жизни наступил тогда, когда он вступил в ряды терских казаков, которые собирались плыть в Каспийское море для грабежа турецких и персидских земель. Однако казацкий отряд из 300 человек предпочел грабить волжских купцов. По решению казаков, успеху их предприятия должно способствовать присутствие среди них сына царя Федора Ивановича (в действительности никогда не существовавшего). На эту роль они присмотрели двух молодых людей, Илейку и Митьку, сына астраханского стрельца. В конце концов выбор пал на Илейку («царевича Петра»), так как его конкурент никогда не бывал в Москве.³⁵

Итак, казаки знали достаточно простой, но очень действенный рецепт выдвижения самозванцев. Вскоре после появления Петра, то есть, Ильи Муромца (случайное, но выразительное совпадение: лжецаревич был тезкой былинного героя), эта практика

крайне упростилась, как мы видели, в результате этого из казацких шатров вышло еще около дюжины «царевичей». В специальной литературе этому моменту «Смутного времени» не придается достаточно серьезного значения. Между тем, по моему мнению, он сыграл определяющую роль. С одной стороны, он косвенно доказывает социально-политическое значение казачества в развитии событий эпохи. С другой стороны, он показывает нам обстоятельства зарождения самозванчества, этой идеологии борьбы за власть. Вполне допустимо, что легенда о самозванцах зародилась или получила окончательное оформление в среде казачества, которое с удовольствием снова и снова репродуцировали во множестве копий созданный им прототип. Тем самым казаки одновременно компрометировали, обесценивали самозванчество, между прочим, именно в той степени, в какой они сами постепенно оттеснялись на периферию социально-политической борьбы. Конечно, я не намерен изображать самозванчество казачьим явлением *par excellence*, выше я не случайно указывал на его широкую социальную базу, однако я считаю важной описанную мной связь между казачеством и самозванчеством и думаю, что необходимо соответствующим образом скорректировать трактовку этого вопроса в специальной литературе. Нет сомнений, что наиболее естественной средой существования самозванчества, опиравшегося на легенды, чудесные, вымышленные элементы и откровенное мошенничество, было именно казачество, весь образ жизни, система ценностей и верования которого питались из таких же многообразных источников.

Если это так, то, конечно, нужно отчасти скорректировать все то, что обычно говорится о самозванчестве. При таком подходе это уже не столько утонченная идеологическая конструкция,

сколько продукт грубого, склоняющегося к цинизму прагматизма. Феномен самозванчества первично является не формой выражения возвышенного стремления «русского народа» к свободе или ожидания «царя-избавителя», в нем воплощается не народная склонность к игре или инстинктивное «антиповедение». Для этого феномена одновременно характерны бóльшая сознательность и меньшая натянутость. Если объяснения К. В. Чистова и Б. А. Успенского в методологическом отношении несут на себе сильный отпечаток ретроспективной конструкции (первый пытается реконструировать народную идеологию, а второй – народное поведение), то первичное прочтение имеющихся источников внушает нам более простое и «правдоподобное» решение. Я вообще думаю, что понятие «правдоподобие», имеющее важное значение, например, в повседневной юридической практике, должно определяющим образом использоваться и в ходе исторических исследований, как бы играть роль компаса в широком историческом контексте. В нашем случае, например, из имеющихся в нашем непосредственном распоряжении документов хорошо видно, что определяющую часть социальной базы самозванцев неизменно составляли казаки,³⁶ которые и сами охотно выставляли лжецаревичей. В то же время нельзя с полной очевидностью доказать, что представления, связанные с самозванцами, были чем-то бóльшим, нежели компонентами политической пропаганды (то есть, выражением ожидания «царя-избавителя»), или что они имели некое дуалистичное семантическое содержание. Этого нельзя исключить в качестве вторичного объяснения, однако достаточно убедительно и первичное, поскольку оно не статично, а динамично, не вневременно, а хронологично, не реконструировано задним числом, а правдоподобно.

Этим я ни в коем случае не хочу сказать, что идеология самозванчества является не утонченной, политически инспирированной идеологической конструкцией, а ретроспективной манипуляцией историков или семантическим трюком. Из моего понимания следует, что речь идет в первую очередь и главным образом о связанном с казачеством явлении, которое хорошо и органично – «в нужном стиле» – служило особым интересам казаков в ходе «Смутного времени», но было пригодно и для другого, для большего. Нельзя упускать из виду и того, что, будучи первоначально непрекрытым мошенничеством, самозванчество и позже неизменно пользовалось средствами сознательного обмана. Таким образом, можно, конечно, искать за обманом более возвышенное идеологическое содержание, но эта характерная черта все же останется доминирующей.

Казаки пустили в ход то, что было им присуще: смелый, грубый трюк и были готовы довести первоначальную идею до абсурда. В их руках это средство оказалось бесперспективным и было полностью скомпрометировано. Более изощренное его применение было им не по силам, выходило за рамки их способностей, да у них и не было такого желания.

Это уже стало делом политиков. Лжедмитрий I был именно таким политиком, причем политиком изобретательным. Похожим талантом обладали и его польские советники, воспитанные на политической культуре «дворянской демократии». В их пропаганде сложились контуры легенды, способной превратить обманщика в царя и сакрализовать обман.

«Дмитрий» постепенно выработал версию своего «чудесного спасения», используя различные варианты в зависимости от той среды, которой она была адресована. В Польше он дал относи-

тельно точное описание своего «спасения», на русской земле в призывавших к мятежу письмах и прокламациях, написанных в разное время, на передний план выдвинулась не фактическая достоверность, а религиозные мотивы. В них подчеркивалось «чудесное воскресение» (встречалось конкретное указание на историю Лазаря),³⁷ что прозрачно указывает на сходство с ролью самого Христа, но всегда упоминаются и наемные убийцы, посланные, Борисом Годуновым³⁸. Тем самым Лжедмитрий позиционировал себя в роли «богоподобного» царя и одновременно практически объявлял уголовным преступником официального царя. Эта история, рассчитанная на религиозность русского населения и особенно на религиозные представления, связанные с личностью царя, оказалась очень результативной по другую сторону границы: как только Лжедмитрий переправился через Днепр, приграничное население повалило в его лагерь, и, по свидетельству иностранных очевидцев, несмотря на жестокие расправы, учиненные отрядами Бориса, сохранилось мнение, что в лице Дмитрия встает «красное солнышко», возвращается истинный царь как Христос воскрес из праха.³⁹

Хорошо видно, что самозванческая легенда не нуждается в доказательствах. Самозванцу достаточно было декларировать, что он спасся и является легитимным царем в качестве «сына» Ивана IV. Тем самым он стал носителем «божественных знаков» русских царей и предметом религиозного поклонения масс. В тесной связи с этим настоящий царь автоматически становится Дьяволом, источником всякого зла. Конечно, в мире народных верований эта не слишком сложная, дихотомная, резко поляризованная структура бесконечно многообразно интерпретируется и отражается в адекватных (обычных, требуемых) сюжетах народ-

ной культуры. Например, известно множество историй о подмене детей, спасшихся от рук наемных убийц,⁴⁰ и народная фантазия наделяла их такими царскими (божественными) знаками,⁴¹ которых они сами старались избегать (но, например, в случае Пугачева они стали одним из главных доказательств его царского достоинства⁴²). Таким образом, легенда трансформируется в хорошо сконструированное идеологическое оружие, суть которого в том, что оно подрывает доверие в истинного, легитимного царя, декларирует его ложным, нелегитимным, в то время как самозванный царь-узурпатор, мошенник, объявляется истинным, легитимным государем. Следовательно, на самом деле самозванчество в России приводило к тому, что легитимный и нелегитимный царь менялись местами, что позволяло выступить против правящего царя, оставаясь при этом в рамках традиционной идеологии, веры в «хорошего» царя.

Итак, перемена мест и ролей законного царя и узурпатора престола основывался на грубом обмане и не слишком подробной, неструктурированной конструкции, относившейся к области веры, однако именно эта ее простота придает ей то идейное содержание, которое способно на некоторое время сплотить самые разные слои населения. По свидетельству источников, значительная часть населения (в первую очередь прикрепленные к месту слуги, крестьяне, низшие городские и военные служилые люди),⁴³ по всей видимости, поначалу верила этой легенде, так как одновременно надеялась на «хорошего» царя и на появление Мессии, который облегчит судьбу людей. Другие скорее хотели верить ей, поскольку она служила их интересам, и были и такие, кто ясно видел обман, но воспользовался кроющимися в нем возможностями. Казаки, «определившие фасон» социального сопро-

тивления или турбуленции «Смутного времени», принадлежали скорее ко второй (если не третьей) упомянутой выше группе. Пример двенадцати казацких лжецаревичей, а особенно Петра, хорошо показывает, что казаки воспользовались возможностями, заложенными в самозванчестве, но ни на минуту не верили в его сакральное содержание. Очень вероятно, что и Болотников скорее только позволил Молчанову обмануть себя, но по-настоящему не верил тому, что Молчанов – царь Дмитрий. Он не случайно посылал из осажденной Тулы, положение в которой непрерывно ухудшалось, послов с приказом отыскать, наконец, какого-нибудь Дмитрия. Позже, под пыткой он еще яснее дал понять, что знает, кто же является настоящим царем.⁴⁴ Затем, по мере дальнейшего развития истории «Смутного времени» всем становится все яснее, что Дмитрий, кто бы ни носил его образ, – обманщик.

И все же Лжедмитрий II, подорвавший доверие к самозванчеству и скомпрометировавший его, парадоксальным образом тоже постоянно пытался доказать свою «легитимность». Он присваивал себе царские права и знаки (вторая столица, своя Боярская дума, свой патриарх, привлечение на свою сторону жены первого лжецаря), больше того, в качестве «истинного» царя приказал казнить оказавшихся в его руках мнимых царевичей. С другой стороны, он декларировал узурпатором Василия Шуйского, второго после Бориса Годунова царя, в принципе законно правившего страной, следовательно, перемена ролей продолжалась. Между прочим, было не слишком трудно заставить поверить в то, что Василий Шуйский не истинный царь. И не только потому, что, подобно Годунову, он тоже был лишь избранным царем (позже это причинит много забот и Романовым), но и потому, что он ни в коей мере не годился на роль царя. Его действия и внешний

вид не свидетельствовали о качествах, соответствующих его высокому титулу (например, однажды он театрально расплакался, а в другой раз допустил, чтобы толпа оттаскала его за бороду)⁴⁵. В конце концов бояре просто заставили его отказаться от трона. С этого момента начался единственный в истории России период безцарствия, который странным образом не благоприятствовал самозванчеству. К тому времени русское общество уже было настолько распатано анархией, что широкие слои населения были заинтересованы в истинном «истинном» царе.

Если рассмотреть деятельность самозванцев XVII в., появившихся после «Смутного времени», то можно прийти к неожиданному выводу о том, что не пользовались описанной выше техникой «обмена местами», характерной для самозванческой пропаганды, то есть не оспаривали власти правившего царя и не выступали непосредственно против него! Между прочим, после смерти Лжедмитриев лжецари в России надолго исчезли. Следующими самозванцами стали в конце 1630-х – начале 1640-х гг. два (или три) лжецаревича, выдававшие себя за сына Дмитрия, однако оба они действовали вне границ России.⁴⁶ В это же время, также вдали от России, появились два самозванца в образе никогда не существовавшего ребенка Шуйского.⁴⁷ На этот раз лжецаревичи, ставшие «продуктами» польской и (в еще большей степени) казацкой среды, не пользовались никакой поддержкой в России, некоторое значение получил лишь Тимофей (Гимошка) Акиндинов (Акундинов, Акидимов и т. д.), да и то лишь как международный мошенник. Он обошел пол-Европы, выдавая себя то за великопермского наместника, то за сына Шуйского. Многие принимали его всерьез, что как будто доказывает наличие у него необходимых лжецаревичу способностей. В этом отношении его можно срав-

нить с Лжедмитрием I. Однако в конце концов голштинцы выдали его Москве, где он и был казнен.⁴⁸ Эти самозванцы не только не имели в России социальной опоры, но и не оказали там никакого внутриполитического влияния. Они ничего не добавили к идеологии самозванчества и ожидали от нее не мобилизующего эффекта, а временного обоснования тех личных выгод, к которым они стремились. Быть может, именно поэтому среди доказательств правдивости выдуманных ими историй «царские знаки» на теле играли более важную роль, чем идеологемы.

Примерно три десятилетия спустя два мошенника присвоили себе имена сыновей нового царя, Алексея Михайловича (Алексея и Симеона): правда, один из них был помещанном, но оба они были казнены, причем их выступление не вызвало никаких откликов.⁴⁹ И в данном случае у нас нет никакой информации о каком-либо обогащении привычной конструкции самозванчества.

Гораздо большее значение имела связь самозванчества с восстанием Степана Разина, начавшегося несколько раньше также в казацкой среде. Правда, сам руководитель восстания не выдавал себя за царя, но на покрытом черным бархатом судне казацкой флотилии, по слухам, распускавшимся казаками, плыл царевич Алексей, а на судне, покрытом красным бархатом, – патриарх Никон. Таким образом, движение, в котором доминирующую роль играли казаки, воспользовалось легитимацией, одновременно обеспечиваемой феноменами лжецаря и лжепатриарха. Насколько можно судить, восстание было направлено не против царя, а против злых советников-бояр, следовательно, в данном случае идеология самозванчества не была средством выступления против царя. Законный царь не объявлялся мнимым, и на его место не выставлялся претендент в лице «истинного» государя. Следова-

тельно, в данном случае самозванчество как атрибут социального движения имело лишь вспомогательную функцию и не основывалось на перемене мест легитимного и нелегитимного царя.⁵⁰

Не пользовались этим средством и по меньшей мере 44 известных нам лжецаря и лжецаревича XVIII в.,⁵¹ 16 известных нам лже-Петров III⁵² объявляли ложной сидевшую на троне царицу и провозглашали себя истинными царями, но, поскольку речь шла о женщине, Екатерине II, этот случай нельзя рассматривать классическим примером обмена местами.

Проследив всю историю московских лжецарей и лжецаревичей, можно сделать следующие выводы, относящиеся к явлению самозванчества.

1. Наиболее значительные самозванцы эпохи, Лжедмитрии, преследовали политические цели.
2. Легенда о самозванце – мошенничество, имевшее политическую подоплеку.
3. Она по крайней мере в такой же степени основывалась на сознательном обмане, как и на вере в «хорошего» царя.
4. Вера в «хорошего» царя используется и конструируется как средство обмана для достижения намеченной цели.
5. В эпоху первых самозванцев явление самозванчества основано на «перемене мест» легитимного и нелегитимного царя.
6. У этого явления была широкая социальная база, поскольку в «Смутное время» оно могло быть использовано для выступления против существовавшего властного, политического и социального строя.
7. Постоянной социальной базой этого феномена было казачество, в среде которого он было выработан и кото-

рое предположительно создало для него образец или по крайней мере органически репродуцировало его.

8. Предназначенная для обмана легенда сознательно опиралась, использовала веру масс в «царя-избавителя», их представления о сакральной царской власти и связанные с ними обычаи и поведение народа.
9. Однако инициатива исходила не отсюда, она была польско-казацкой микстурой.
10. Можно сказать, идея была чужая, а «продукт» – русский.

Примечания

- ¹ См.: ШЕРБАТОВ М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. Санкт-Петербург, 1774.; СОЛОВЬЕВ С. М. Заметки о самозванцах в России. // *Русский архив* Москва, 1868.; КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения. кн. 3. Москва, 1957.
- ² Например, очень выразительное изображение такого рода можно найти в опубликованной в 1876 г. работе Н. И. КОСТОМАРОВА (Самозванцы и пророки. Москва, 1997. С. 150. 154.) особенно там, где историк называет Лжедмитрия I человеком с такой физиономией, что ему «никто бы не решился дать взаймы денег». С. 155.
- ³ Краткий обзор советской историографии см. в работе: ТЮМЕНЦЕВ И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: новые направления и результаты исследований. // Новые направления и результаты в русистике/New Directions and Results in International Russistics. (Szerk.: SZVÁK GY.) Budapest, 2005. Pp. 83–91. (далее: ТЮМЕНЦЕВ 2005.)
- ⁴ См.: PERRIE M. Pretenders and Popular Monarchism and Early Modern Russia. Cambridge, 1995. P. 2. (далее: PERRIE 1995.)
- ⁵ ЧИСТОВ К. В. Русские народные социально-утопические легенды. Москва, 1967. (дополненное издание: Русская народная утопия. Санкт-Петербург, 2003). С. 24-33. (далее: ЧИСТОВ 1967.)
- ⁶ УСПЕНСКИЙ Б. А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен. // УСПЕНСКИЙ Б. А. Этюды о русской истории. Санкт-Петербург, 2002. С. 150. (далее: УСПЕНСКИЙ 2002.) В своей оказавшей большое влияние книге (Русская культура в канун Петровских реформ. Ленинград, 1984.) А. М. Панченко, несмотря на концептуальное соприкосновение со взглядами Б. А. Успенского, подчеркивает в самозванчестве «народную оболочку бунта» С. 15. (далее: ПАНЧЕНКО 1984.)
- ⁷ ЛУКИН П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. Москва, 2000. С. 103–169.
- ⁸ УСЕНКО О. Г. Кто такой «самозванец»? // *Вестник славянских культур* Научный и литературно-художественный альманах. № 5-6. Москва, 2002. С. 42–46. О. Г. Усенко написал в научно-популярном историческом журнале *Родина* целую серию статей, открывавшуюся напечатанной в № 1. за 1995 г. статьей *Самозванчество на Руси: норма или патология*, а также обобщила свои взгляды в пособии для учителей (*Пси-*

хология социального протеста в России XVII-XVIII веков, Ч. 3. Тверь, 1997.) Нужно отметить, что в дополненном издании своей книги, вышедшем в 2003 г., К. В. Чистов также критикует употребление расширенного понятия самозванчества С. 457–461.

⁹ PERRIE 1995. P. 246. Не удивительно, что англоязычные критики упрекнули ее за историко-политический и фактографический подход (см.: KOLLMANN N.-S. // *Canadian-American Slavic Studies* 32, Nos. 1-4. 1998. P. 413.)

¹⁰ SZVÁK GY. *Cárok és kalandorok. A „zavaros időszak” története.* (Цари и авантюристы. История „Смутного времени”) Budapest, 1982. (далее: SZVÁK 1982.); *Hamis cárok.* (Лжецари). Budapest, 1988. (на английском языке: *False Tsars.* New Jersey, 2000.) (далее: SZVÁK 1988.)

¹¹ Подробнее см.: PERRIE 1995. P. 44.

¹² Резкую критику и краткий историографический обзор этого мнения см.: DUNNING Ch. *Russia's First Civil War. The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty.* Pennsylvania, 2001. Pp. 4–12.

¹³ Которая, конечно, тоже не свободна от соображений и причин, связанных с политикой или/и особенностями исторического подхода. Не случайно, что столь многие отдельно занимались восстанием Болотникова или национально-освободительной войной под руководством Минина и Пожарского.

¹⁴ Этот социальный кризис углубили, – но сами по себе не причинили, – драматические климатические изменения начала XVII века.

¹⁵ *Временник Ивана Тимофеева.* Москва-Ленинград, 1951. С. 12.

¹⁶ Подробнее см.: ТЮМЕНЦЕВ 2005. С. 88–91.

¹⁷ Характерный пример: НИЗОВСКИЙ А. *Самозванцы и двойники.* Москва, 2005. С. 30. В то же время заслуживает внимание то, что писал А. М. Панченко о европейских, «ренессансных» чертах Лжедмитрия I. (ПАНЧЕНКО 1984. С. 17. 21.)

¹⁸ Подробнее я пишу об этом в моей книге SZVÁK 1982. Pp. 112–117.

¹⁹ Количество специальной литературы о Лжедмитрии II невелико, что повышает важность сборника источников: Тушинский вор. Личность, окружение, время. Документы и материалы. Москва, 2001. (далее: ТУШИНСКИЙ ВОР 2001.) Об историографии народного сопротивления см.: ТЮМЕНЦЕВ И. О. Дискуссионные вопросы истории смутного времени в России начала XVII ст.: тушинский период. In: *Московия: специфика развития / Muscovy: The Peculiarities of its Development.* (Szerk.: SZVÁK GY.) Budapest, 2003. С. 100–102.

²⁰ Подробнее см.: СКРЫННИКОВ Р. Г. Минин и Пожарский. Москва, 1981. С. 220–226. 250–255.

²¹ Подробнее: SZVÁK 1982. P. 247.

²² Не ясно, чьим «потомком» он был, Федора или Ивана Ивановича.

²³ Об этом «воренке» см.: ТУШИНСКИЙ ВОР 2001. С. 429.; PERRIE 1995. P. 174–181.

²⁴ Все это подробно изложено мной на страницах книги: FONT M. – KRAUSZ T. – NIEDERHAUSER E. – SZVÁK GY. *Oroszország története.* (История России.) Budapest, 2001. P. 167–168.

²⁵ Подробнее см.: ЮЗЕФОВИЧ Л. А. Самые знаменитые самозванцы. Москва, 1999. С. 55–88.; BERCÈ Y.-M. *Le roi caché. Sauveurs et imposteurs. Mythes politiques populaires dans l'Europe moderne.* Paris, 1990.

²⁶ «Sara un altro Re di Portogallo resuscitato». Цитируется по кн.: PERRIE 1995. P. 42.

²⁷ SZVÁK GY. *Moszkóvia és a Nyugat.* (Московия и Запад.) Budapest, 1988. P. 92.

²⁸ Не случайно, что в этой связи Р. Г. Скрынников цитирует афористичное утверждение В. О. Ключевского о том, что Лжедмитрий «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве» (СКРЫННИКОВ Р. Г. *Россия в начале XVII в. Смута.* Москва, 1988. С. 96.) (далее: СКРЫННИКОВ 1988.)

²⁹ ЧИСТОВ 1967. С. 29.

³⁰ УСПЕНСКИЙ 2002. С. 149–150.

³¹ М. Перри подчеркивает самостоятельную инициативу самозванца: PERRIE 1995. P. 55.

³² PERRIE 1995. P. 35–36.

³³ СКРЫННИКОВ Р. Г. *Самозванцы в России в начале XVII века.* Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 43.

³⁴ Подробнее о молдавских лжегосподарях см.: МОХОВ Н. *Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века).* Кишинев, 1961.

³⁵ Подробнее см.: Восстание И. Болотникова; документы и материалы (составители: КОПАНЕВ А. И. – МАНЬКОВ А. Г.) Москва, 1959. С. 223–225.

³⁶ А. Л. Станиславский, например, опираясь отчасти именно на мнения казаков той эпохи, отводит казакам решающую роль в событиях «Смуты». (СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. *Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории.* Москва, 1990. С. 3.)

³⁷ Судя по ответному письму донских казаков, эта формула звучала так: «по воле и благословению бога... воскрес как Лазарь из мертвых». Цитируется по кн.: СКРЫШНИКОВ 1988. С. 118.

³⁸ «И когда судом Божиим не стало нашего родителя и стал царем брат наш Федор Иванович, тогда изменники послали нас в Углич и делали нам такие утеснения, каких и поданным делать негодно, и присылали много раз воров, чтобы нас испортить и убить, но милосердный бог укрыл нас от злодейских умыслов и сохранил в судьбах своих до возрастных лет». (Цитируется по кн.: ЧИСТОВ 1967. С. 43–44).

³⁹ Подробнее см.: PERRIE 1995. Pp. 64–66.

⁴⁰ История о подмененном ребенке была версией самого Лжедмитрия, о которой папский нунций Рангони оповестил Ватикан в донесении от 8 ноября 1603 г. (PIERLING P. *La Russie et le Saint-Siège. Etudes Diplomatiques*. Paris, 1910. vol. 3. Pp. 399. 431-434.)

⁴¹ Подробнее об этом см.: PERRIE 1995. Pp. 67–68.

⁴² Подробно см.: УСПЕНСКИЙ 2002. С. 156–157.

⁴³ О связанной с этим историографической дискуссии см.: PERRIE 1995. Pp. 63–64.

⁴⁴ БУССОВ К. *Московская хроника, 1584–1613*. Москва, 1961. С. 144. 146.

⁴⁵ В. Н. Козляков несколько смягчил этот образ царя, но и он не оставил сомнений в том, что Шуйский «не смог справиться с властью» (КОЗЛЯКОВ В. Н. *Василий Шуйский*. Москва, 2007. С. 263.)

⁴⁶ PERRIE M. *Samozvanchestvo Reconsidered: 'Calling Oneself a Tsar' in Seventeenth-Century Russia*. // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / *New Directions and Results in International Russistics*. (Szerk. SZVÁK GY.) Budapest, 2005. С. 93.

⁴⁷ SZVÁK 1988. Pp. 50–58.

⁴⁸ Авантюрная история Тимофея Анкундинова (Анкиндинова) пробудила интерес многих историков, в том числе С. М. Соловьева, но монографически она еще не исследовалась. Очень информативна краткая биография, написанная Ю. Б. СИМЧЕНКО (Лже-Шуйский II. Православный, мусульманин, католик, протестант. // *Русские: Историко-этнографические очерки*. Москва, 1997.; а также статья историка литературы В. В. ДУБОВИК (Самозванчество как поликультурный диалог: самозванец Тимофей Анкиндинов (лингвистический аспект проблемы). In: <http://www.russian.slavica.org/article3199.html>

⁴⁹ ЧИСТОВ 1967. С. 85–88.

⁵⁰ См.: *Иностранные известия о восстании Степана Разина*. (Ред. А. Г. МАНЬКОВ) Ленинград, 1975. С. 43–44. 66–67.

⁵¹ Подсчитано Ф. Лонгвортом (LONGWORTH P. *The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century*. // *Past and Present* 1975. № 66. P. 65.)

⁵² Подробнее см.: СИВКОВ К. В. *Самозванчество в России в последней трети XVIII в.* // *Исторические записки* Т. 31. Москва, 1950.

Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правящего царя

М. ПЕРРИ

Кто такой настоящий царь? Вот вопрос, ответить на который стремились русские люди начала XVII века. Конец старой династии в 1598 г. привел к Смутному времени, к борьбе самозванных потомков Ивана Грозного с избранными царями Борисом Годуновым и Василием Шуйским. Современные писатели вроде Ивана Тимофеева и Авраамия Палицына считали, что настоящие цари предназначены Богом, но, как правильно заметил Борис Андреевич Успенский, эти «древнерусские книжники... не сообщают каких-либо практических указаний, позволяющих отличить истинного царя от неистинного».¹

Самозванные претенденты на московский престол в XVII веке, однако, прекрасно умели отличить истинного царя от неистинного: эти самозванцы считали себя настоящими государями или наследниками престола, а правящих царей они считали нелегитимными. Но по каким критериям отвергали они легитимность царствующих царей? В этой статье я собираюсь исследовать этот вопрос, основываясь отчасти на осуждения трех правящих царей, выраженные их самозванными соперниками: осуждение Бориса Годунова первым Лже-Дмитрием: осуждение Василия Шуйского вторым Лже-Дмитрием; и осуждение Алексея Михайловича Лже-Иваном Васильевичем Шуйским (Тимошкой Акиндиновым). Эти три самозванца издали письменные оправдания своих притязаний

на престол, которые служат нам ценными источниками для изучения их мнений о нелегитимности правящих царей. Но не все самозванные претенденты на престол оставили свидетельства своих притязаний, и к тому же не все самозванцы XVII в. предъявляли претензии на престол: некоторые из них просто выдавали себя за родственников тех царей, которых они считали легитимными монархами. В изучении самозванчества в связи с вопросом о легитимности правящего царя, необходимо отличить этих двух типов самозванцев: (1) претенденты на престол; и (2) «родственники» правящих царей.

Начнем с первого Лже-Дмитрия. В своей окружной грамоте от ноября 1604 г., самозванец выдавал себя за «прирожденного» государя, сына Ивана Грозного, которому его подданные давно целовали крест («...крест целовали отцу нашему... и нам чадом его»). Правящего царя Бориса Годунова он изображал изменником, покушавшимся на его жизнь. Теперь, спасенный Богом от смерти, он идет на престол своих прародителей.² В другой грамоте, привезенной в Москву в июне 1605 г., уже после смерти Бориса, самозванец привел больше подробностей, но главный мотив тот же самый: он – природный государь. Изменниками он теперь называет не только покойного Бориса Годунова, но и новых правителей, вдову Бориса, царицу Марию Григорьевну, и его сына Федора, которые, по мнению самозванца, «о нашей земле не жалеют».³

Тот же дискурс мы находим в грамоте второго Лже-Дмитрия в Смоленск от апреля 1608 г. Этот самозванец (впоследствии известный как «Тушинский вор») считал себя Царем Дмитрием Ивановичем, природным великим государем, дважды спасшемся от смерти. Первым из двух изменников являлся Борис Годунов,

покушивший на его жизнь в Угличе в 1591 г., вторым изменником – Василий Шуйский, который не только попытался убить царя Дмитрия в Москве в 1606 г. (но «...Бог укрыл нас десницею своего от его злокозненного умыслу, злой смерти не предал, а в наше места убил Немчына именем Арцыкалус.»), но также якобы неправильно назвал его самозванцем, Гришей Отрепьевым.⁴

Итак из грамот первых двух Лже-Дмитриев мы видим, что эти самозванцы считали правящих царей Бориса Годунова и Василия Шуйского нелегитимными монархами-узурпаторами, изменнически покушившимися на жизнь истинного прирожденного наследника.

После смерти Лже-Дмитрия II в декабре 1610 г., третий Лже-Дмитрий проявился в северо-западной России. Во Пскове в 1611-1612 гг. он представил собой соперника не только польского королевича Владислава, которому многие русские целовали крест после свержения царя Василия с престола в 1610 г., но также шведского претендента на трон (шведы оккупировали Великий Новгород с 1611 до 1617 гг.).⁵ В то же самое время вдова Лже-Дмитрия II, Марина Мнишек, выдвигала претензии на престол своего новорожденного ребенка Ивана Дмитриевича («Воренка»), как предполагаемого сына царя Дмитрия и внука Ивана Грозного.⁶ В подмосковных таборах в 1612 г. много казаков поддерживало кандидатуру этого малолетнего «царевича», как альтернативу королевичу Владиславу.⁷ Потом в Астрахане в 1613-1614 гг. атаман Иван Заруцкий выдвигал притязания царевича Ивана Дмитриевича на престол, в противопоставление ново-избранному правящему царю Михаилу Романову.⁸ До нас не дошли грамоты от этих двух самозванцев – т.е. Лже-Дмитрия III и царевича Ивана Дмитриевича – но они, подобно первым двум Лже-Дмитриям, выдавали себя за потомков

Ивана Грозного, и именно поэтому, наверное, считали себя более законными претендентами на престол, чем польский и шведский принцы или избранный царь, Михаил Федорович.

Итак, все эти вышеупомянутые самозванцы Смутного времени – то есть, все три Лже-Дмитрия и «царевич» Иван Дмитриевич – являлись претендентами на престол, как прирожденные потомки Ивана Грозного. Они противопоставляли себя или неприродным, избранным царствующим царям (Борису Годунову, Василию Шуйскому, Михаилу Романову) или неправославным иностранным кандидатам (польскому и шведскому королевичам). Показательно, что все те правящие цари, которым противопоставляли себя три Лже-Дмитрия и царевич Иван Дмитриевич, принадлежали другому роду, чем старо-московской династии. Поэтому их можно назвать «между-династическими» самозванцами.⁹

Но не все самозванцы Смутного времени сами стремились к престолу или ставили под вопрос легитимность правящего царя. Здесь мы имеем в виду то множество мелких, преимущественно казачьих самозванцев, которые появлялись в 1606-1608 гг., по словам Лже-Дмитрия II, «в Астарахани и в Полских юртех», т.е. в южных степях.¹⁰

Самозванство самого известного из них – царевича Петра Федоровича – началось в 1606 г., уже во время правления царя Дмитрия, но движение терских казаков во главе со мнимым сыном царя Федора Ивановича было направлено не против царя Дмитрия, но против бояр, по известной формуле «царь хочет – бояре не дают» (по словам исповеди царевича Петра, «И стало де на Терке меж казаков такие слова: “Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояря, да не дадут жалованья”».)¹¹

После царевича Петра появлялись другие мелкие самозванцы: «царевичи» Иван Август, мнимый сын царя Ивана Васильевича; Осиновик, «сын» царевича Ивана Ивановича; и многочисленные мнимые сыновья царя Федора Ивановича – не только Петр Федорович, но также царевичи Федор, Лаврентий, Клементий, Савелий, Семин, Василий, Ерощка, Гаврилка и Мартинка.¹² Все эти самозванцы выдавали себя за прирожденных царевичей, потомков Ивана Грозного. Но они все действовали под знаменем своего родственника, царя Дмитрия, и они, кажется, не только не оспаривали его претензию на престол, но, наоборот, поддерживали ее.

По контрасту с между-династическими самозванцами – Лже-Дмитриями и царевичем Иваном Дмитриевичем – этих самозванцев можно характеризовать как «внутри-династических».¹³ Эти два типа самозванцев мы находим также позднее в XVII веке, после Смутного времени (см. Таблица 1).

После казни Воренка в 1614 г., новых самозванцев долгое время не появилось в самой России – их совсем не было в царствование Михаила Федоровича.¹⁴ Вне пределов Московского государства, однако, мы находим двух ложных Ивана Дмитриевича и два-три мнимых сына царя Василия Ивановича Шуйского.¹⁵

Самозванцы Иван Дуба и Иван Вергун (Вергуненок) оба назывались царевичем Иваном Дмитриевичем, сыном Марины Мнишек и Лже-Дмитрия II. Тем самым, конечно, они выдавали себя за приемников старой династии московских государей, и ставили под вопрос легитимность Романовых.

Первый из них, Дуба, был сыном польского шляхтича, воспитанным в Польше с детства как сын царя Дмитрия. Некоторые польские паны, кажется, намеревались направить его против Ми-

хаила Романова, но после мирного договора 1634 г. поляки держали его в одном монастыре в Бресте-Литовском, и чуть не забыли о нем. В 1643 г., однако, московское правительство жаловалось королю, что польские дворяне грозят им, что у них «Дмитриевич готов с запорожскими черкасами на войну».¹⁶ Итак, поляки очевидно считали Лже-царевича Ивана Дмитриевича, как якобы прирожденного московского государя, полезным орудием против избранного царя Михаила Федоровича, точно так, как раньше первый Лже-Дмитрий служил им полезным орудием против Бориса Годунова.¹⁷

Второй ложный царевич Иван Дмитриевич, Вергун, кажется, сам выдвигал свое притязание на престол, как московский царевич, сын царя Дмитрия Ивановича; из Крыма, куда его продали в рабство татары, самозванец обещал турецкому султану половину Московского государства в обмен на военную помощь,¹⁸ но султан посадил его в Семибашенный замок в Константинополе.¹⁹

С конца 1630-х годов три самозванца называли себя сыновьями царя Василия Шуйского.²⁰ Первый самозванный сын царя Василия, «царевич» Симеон (Семен), находился в Польше в 1639-40 гг. Мы мало знаем о намерениях этого самозванца или о намерениях второго Лже-Симеона Шуйского, который приехал из Польши в Молдавию в 1639 г.,²¹ но другой Лже-сын царя Василия Ивановича Шуйского стал автором подробного объявления своих прав на московский престол, включившего в себе свирепую критику легитимности Романовской династии. Это было известным самозванцем Тимофеем Акиндиновым (Анкидинов, Акундинов, Анкудинов), выдававшим себя в Турции в 1646-1648 гг. за царевича Ивана Васильевича Шуйского. В Константинополе Акиндинов вручил русским дипломатам свой «Извет», в котором он утверж-

дал преимущества рода Шуйских как старших Рюриковичей и бранил Романовых как выскочек.²²

Оправдание Акиндиновым его претензий на престол во многих отношениях напоминает оправдания, выдвинутые в грамотах первых двух Лже-Дмитриев, но Акиндинов привел более подробные доводы, чем его предшественники Смутного времени. Прежде всего, конечно, он представлял себя прирожденным царевичем, сыном царя Василия Ивановича Шуйского, и потомком Рюрика.²³ Царь Василий, согласно родословной росписи, включенной Тимошкой в своем «Извете», являлся дядей царя Дмитрия и стал его законным преемником.²⁴ Романовых, напротив, Тимошка считал нелегитимной династией, купеческим родом «от торговых людей Юрьевых»,²⁵ совсем случайно связанным с старой династией первым браком Ивана Грозного с Анастасией Романовной. Михаил Романов представлен не только как нелегитимным, неприродным царем – сыном племянника царицы Анастасии, митрополита Филарета²⁶ – но также как главным изменником Шуйским князьям. Михаил якобы свергнул царя Василия с престола и послал его в полон в Польшу.²⁷ Потом он захватил власть поощрением своего лукавого отца, Филарета.²⁸ Ставший царем, Михаил приказал молдавскому господарю убить царевича Симеона Шуйского (мнимого старшего брата царевича Тимофея-Ивана Васильевича Шуйского, то есть Тимошки Акиндинова).²⁹ Потом в Москве царь Михаил преследовал самого Тимофея, изгнал его в Турцию и якобы неправильно называл его подьячим приказа Новой Чети.³⁰ Потом, после смерти Михаила, на престол взошел «беззаконнически» его сын Алексей, которого Тимошка называет «прелюбодейчик[ом]», рожденным от якобы незаконного третьего брака царя Михаила на Ев-

докию Стрешневу.³¹ К тому же, – добавил Тимошка – Алексея не выбрал земский собор.³²

Итак, подобно Лже-Дмитриям Смутного времени, Тимофей Акиндинов выдавал себя за истинного, прирожденного царевича, из рода Рюриковичей, отстраненного от престолонаследия изменником-узурпатором. Правящего царя Алексея Михайловича он считал нелегитимным, не столько как изменником Шуйским князьям (эту роль в династии Романовых, по мнению Тимошки, играл «злодейный царь» Михаил Федорович),³³ но скорее (1) как не-Рюриковичем,³⁴ (2) как якобы незаконным сыном царя Михаила, и (3) как государем, не избранным как следует на престол.³⁵

В начале XVII в., династический кризис – кризис политической легитимности – совпадал с кризисами социальным и экономическим. Поэтому, все между-династические самозванцы Смутного времени успели получить значительную поддержку, не только из-за границы, но также внутри России. Они ловко пользовались недовольством служилых людей, казаков, посадских людей и т.д., которые страдали из-за политики правящих царей. Наличие самозванных прирожденных наследников престолу легитимизировало восстания против правящих царей, как изменников и узурпаторов.

По сравнению с Лже-Дмитриями начала XVII в., однако, между-династические самозванцы после-Смутного времени являлись неудачными. Они не получили поддержки ни за границей ни в России.

В своем извете, представленном московским послам в Константинополе, Тимошка Акиндинов критиковал современное положение в России за несправедливость бояр и их притесне-

ние народа.³⁶ Он утвердил, что имеет немало сторонников в России,³⁷ но нет никаких объективных доказательств существования такой поддержки: мнение Акиндинова о нелегитимности первых двух Романовых, кажется, разделало сравнительно мало людей в самой России.

Правда, в 1613-1645 гг. распространилось немало нелестных слухов («непригожие слова») о царе Михаиле Федоровиче и его родственниках (о его матери Марфе Ивановне и, после возвращения из польского плена в 1619 года, его отце Филарете Никитиче).³⁸ В одном деле мы даже находим жалобу о том, что Михаил Федорович является неприрожденным царем. В 1634 г., во время осады Смоленска, казаки стояли по крестьянским домам под Рославлем. Местный крестьянин Савва Стимов [Устимов] признался на допросе в «непотребных словах» о государе: «мне де видится, что царь не прирожденный». Савва пришел к этому заключению потому, что расквартирование войск возложило тяжелое бремя на крестьян: «Как де мне дано пристанство казаков десять человек, и я бы их кормил [хоть] все лето.»³⁹ Об этом деле П. В. Лукин правильно замечает, что под словами «царь не прирожденный» Савва Стимов «подразумевал не только то, что Михаил Федорович не принадлежал к царскому роду, “корню”, но очевидно, в первую очередь то, что он – царь не “истинный”, не соответствующий народным представлениям об идеальном монархе»,⁴⁰ т.е. о справедливом государе.

Вообще, однако, Михаил Федорович был признан русскими людьми как законным царем. Официально, он обосновывал свое право на престол прежде всего тем, что он был избран Богом и земским собором. Неофициально, он выдавал себя за преемника старой Московской династии. Михаил, конечно, не был

«прирожденным» царем, но его сторонники и советники, пережившие Смуту, прекрасно знали, что принцип престолонаследия, основанный на родстве, был самым важным залогом легитимности русского правителя в начале XVII века. Именно поэтому, кажется, они с самого начала царствования Михаила Романова выдавали его за племянника царя Федора Ивановича, несмотря на то, что в действительности он был более отдаленным родственником последнего отпрыска пресекшейся династии: внучатым племянником Анастасии Романовой, первой жены царя Ивана IV Грозного. Польский и шведский противники царя Михаила оспаривали его претензию быть преемником старой династии Рюриковичей, считая его неприрожденным (неприродным) государем, в то время как его соперники, королевич Владислав и принц Карл-Филипп, оба были королевскими сыновьями.⁴¹

Хотя Михаил Федорович не был царским сыном, он стал отцом царя. Но даже в правление Алексея Михайловича мы находим «непригожие речи» о не-легитимности царя. Уже в царствование Михаила Федоровича слухи распространялись о том, что его старший сын, Алексей Михайлович – подмененный царевич.⁴² Неудивительно, поэтому, что в 1645-50 гг. шли толки о том, что Алексей Михайлович – незаконнорожденный или не «прямой» царь, и даже одну жалобу о том, что он не был избран земским собором.⁴³ Вообще, однако, внутри России Алексей был признан законным наследником престола, потомственным, прирожденным царем по наследству. Несомненно, существовало в России во середине XVII в. немало социального недовольства – но, несмотря на отдельные «непригожие слова» о самом Алексее Михайловиче, в общем городские восстания 1648-50 гг. и «медный бунт» в Москве 1662 г. были направлены не против царя, но против «изменников-бояр» и «силь-

ных людей».⁴⁴ Такие восстания историки иногда называют «бунтами во имя царя».⁴⁵ Эти народные восстания легитимизируются «помонархически», но во имя не самозванца, а правящего царя.

В одних «бунтах во имя царя» новые самозванцы играли роль. В 1670 г., Стеньку Разина сопровождал вверх по Волге самозванный царевич Алексей Алексеевич, который должен был помочь Разину освободить царя Алексея Михайловича от влияния изменников-бояр.⁴⁶ В грамоте от 26 октября 1670 г. царь жаловался о том, что восставшие распространяли «воровские прелестные письма», в которых они объявляли «будто сын наш государев, благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич... ныне жив и будто по нашему государеву указу идет с низу Волгою к Казани и под Москву для того, чтоб побити на Москве и в городех бояр наших... и всякого чину служилых и торговых людей, будто за измену».⁴⁷ Иностранцы объясняют, что «измена» бояр состоялась в покушении на жизнь царевича. По словам анонимного автора «Сообщения» о Разине, «Стенька пустил слух, будто царевич, бежав от злодейских рук бояр и князей, укрылся у него».⁴⁸ Немецкий писатель Иоганн Марций сообщает, что «... пошел слух, что бояре, ненависть к которым была непримирима, пытались захватить в свои руки всю власть, задумали убить царевича... и... бессовестно производят смуту в государстве... Таким образом, заявляя, что дело идет о всеобщем благе, Разин обещает свое покровительство и защиту и... убеждает всех, кто хочет мстить, а не повиноваться боярам, сходить к нему и воздать им за их беззаконие, сознавая, что это единственный путь вывести государство из его развращенного состояния и восстановить в правах истинного наследника престола.»⁴⁹

В 1673 г. проявился в Запорожье другой самозванный сын царя Алексея Михайловича, царевич Симеон Алексеевич.⁵⁰ Он также собирался действовать против бояр, а не против правящего царя, своего предполагаемого отца. Запорожский кошевой атаман Иван Серко объяснил царским посланникам, отправленным из Москвы за самозванцем: «Царевич говорит, да и мы сами хорошо знаем, для чего донским казакам и нам государева жалованья, пушек, всяких войсковых запасов и чаек не дают: царское величество к нам милосерд, много обещает, а бояре и малого не дают; царское величество изволил нам прислать шиптуховых сукон, и нам досталось только по полтора локтя на человека».⁵¹ Сначала самозванец намеревался «собрать войско и, призвав крымскую орду, идти на Московское государство и побить бояр».⁵² Потом он написал письмо своему «отцу» царю Алексею, уверяя его в верности запорожского войска и прося его об удовлетворении казацких требований.⁵³

Роль этих двух лже-сыновей царя Алексея Михайловича – их отношение к правящему царю – во многом напоминает роль лже-царевича Петра Федоровича в 1606 г., кога он шел к Москве к царю Дмитрию, с целью получения казацкого жалования, задержанного боярами. Подобно царевичу Петру по отношению к царю Дмитрию, самозванные царевичи 1670-х годов, Алексей Алексеевич и Симеон Алексеевич, являлись не противниками царя Алексея, но его союзниками против изменников-бояр. В статье, опубликованной несколько лет тому назад, я назвала таких самозванцев «самозванцами во имя царя», потому что они участвовали в «бунтах во имя царя», т.е. они действовали против изменников-бояр за легитимного правящего царя.⁵⁴ Эти «самозванцы во имя царя», и те бунты или движения, связанные с ними, являлись исключительно казацким феноменом. Наличие самозванных царевичей в

рядах восставших давало дополнительную монархическую санкцию их движениям под знаменем правящего царя.

Все эти три «самозванцы во имя царя» – «царевич» Петр Федорович, Лже-Алексей Алексеевич и Лже-Симеон Алексеевич – являлись внутри-династическими самозванцами. Легитимности правящего царя они не оспаривали.⁵⁵

Между-династические самозванцы, по контрасту, оспаривали легитимность правящего царя. Как мы видели, особенно на примере первых двух Лже-Дмитриев Тимошки Акиндинова, они выдавали себя за прирожденных государей, а основателей новых правящих династий (Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов) они представляли не только неприродными государями, но также изменниками, покушавшимися на жизнь истинного царя или наследника.

Сделаем выводы. В XVII в. мы находим двух главных типа самозванцев: между-династических и внутри-династических. Легитимность правящих царей XVII в. оспаривали только между-династические самозванцы (лже-цари и лже-царевичи из другого рода). Итак, легитимность Бориса Годунова и Василия Шуйского оспаривали Лже-Дмитрия Смутного времени; легитимность Михаила Романова оспаривали царевич Иван Дмитриевич (сын Марины Мнишек и второго Лже-Дмитрия), и также два лже-Ивана Дмитриевича и два лже-Симеона Васильевича Шуйского. Наконец, легитимность Алексея Михайловича оспаривал Лже-Иван Шуйский (Тимошка Акиндинов). Все эти между-династические самозванцы – насколько мы знаем – сами стремились к престолу.

С другой стороны, внутри-династические самозванцы Смутного времени – царевич Петр Федорович и другие мелкие самозван-

цы – поддерживали своего родственника, царя Дмитрия, а сами не стремились к престолу. Потом, новые внутри-династические самозванцы (на этот раз, внутри династии Романовых, уже ставшей легитимной с вступления Алексея Михайловича на престол) – царевичи Алексей и Семион Алексеевичи – не стремились свергнуть с престола своего отца, царя Алексея Михайловича, но намеревались помочь ему против злых изменников бояр.⁵⁶

Для обоих типов самозванцев XVII в., поэтому, вопрос о легитимности правящего царя решался сравнительно просто. (1) Для между-династических самозванцев, истинный государь – свергнутый царь или отстраненный царевич – являлся прирожденным; неистинные же правящие цари – изменниками и узурпаторами, покушавшимися на жизнь настоящего наследника (Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов). (2) Для внутри-династических самозванцев, однако, правящий царь являлся легитимным, как прирожденный государь (царь Дмитрий, Алексей Михайлович) и самозванцы стремились оказать ему помощь против изменников-бояр. В обоих случаях, царское происхождение (прирожденность) являлось главным критерием монархической легитимности. Для простого народа, природенность являлась более ясным и конкретным понятием, чем Богоизбранность, и именно поэтому, может быть, самозванчество стало таким значительным явлением во время династических кризисов в России в начале XVII века.

ТАБЛИЦА 1

**Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности
правлящего царя**

Правящий царь	Самозванец	Между- или внутри-династический?	Оспаривает легитимность правящего царя?
Борис Годунов (1598-1605)	Лже-Дмитрий I (1603-6)	Между-	Да
Лже-Дмитрий I (1605-6)	Царевич Петр (весной 1606)*	Внутри-	Нет
Василий Шуйский (1606-10)	Лже-Дмитрий II (1607-10)	Между-	Да
[Междоцарствие / Владислав] (1610-12)	Лже-Дмитрий III (1611-12)	Между-	Да
	Царевич Иван Дмитриевич (1610-14)	Между-	Да
Михаил Романов (1613-45)	Лже-Иван Дмитриевич (Луба) (1614-48)	Между-	Да
	Лже-Иван Дмитриевич (Вергун) (1640-е гг.)	Между-	Да
	Лже-Симеон Шуйский (x2) (1639-40)	Между-	Да
Алексей Михайлович (1645-76)	Лже-Иван Шуйский (Акиндинов) (1646-54)	Между-	Да
	Лже-Алексей Алексеевич (1670)	Внутри-	Нет
	Лже-Симеон Алексеевич (1673-4)	Внутри-	Нет

* Май 1606 – 1608г. Царевич Петр и другие казацкие царевичи действуют во имя царя Дмитрия против Василия Шуйского, т.е. они являются «внутри-династическими» по отношению к Дмитрию, а «между-династическими» по отношению к Шуйскому.

Примечания

- ¹ УСПЕНСКИЙ Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. Москва, 1982. С. 204.
- ² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук (далее: ААЭ). Т. 2. 1598–1613. Санкт-Петербург, 1836. № 26. С. 76. Настоящий царевич Дмитрий Иванович умер в результате несчастного случая в Угличе в 1591 г.
- ³ ААЭ. Т. 2. № 34. С. 90–91.
- ⁴ БУТУРАИН Д. История смутного времени в России в начале XVII века. Т. 3. Санкт-Петербург, 1839–1846. Т. 2. 1841. Прил. № 7. С. 47–52. (далее: БУТУРАИН 1841.) Первого Лже-Дмитрия убили во время заговора в Москве в мае 1606 г., организованного князем Василием Ивановичем Шуйским, который стал новым, «избранным» царем.
- ⁵ PERRIE M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. Pp. 211–218. (далее: PERRIE 1995.)
- ⁶ «Царевич» Иван Дмитриевич не являлся самозванцем в чистом смысле слова: К. В. Чистов уместно называет его «невольным самозванцем по рождению»: ЧИСТОВ К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. Москва, 1967. С. 66. (далее: ЧИСТОВ 1967.)
- ⁷ PERRIE 1995. Pp. 208–211.
- ⁸ PERRIE 1995. Pp. 218–228.
- ⁹ Термин «“inter-dynastic” pretence» см. PERRIE M. Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack “Tsareviches” in Seventeenth-Century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg. Das russische Reich im 17. Jahrhundert. Herausgegeben von Hans-Joachim Torke. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* Band 56. Wiesbaden, 2000. С. 248. (далее: PERRIE 2000.)
- ¹⁰ БУТУРАИН 1841. Т. 2. Прил. № 7. С. 56–57.
- ¹¹ ААЭ. Т. 2. № 81. С. 174.
- ¹² PERRIE 1995. Pp. 131–134. 174–181.; PERRIE 2000. Pp. 244–249.
- ¹³ PERRIE 2000. P. 248. («intra-dynastic»). После смерти Лже-Дмитрия I в мае 1606 г., Царевич Петр и другие казацкие царевичи действовали во имя царя Дмитрия против Василия Шуйского, т.е. они являлись «внутри-династическими» по от-

ношению к Дмитрию, а «между-династическими» по отношению к Шуйскому. В 1606–1607 гг., во время восстания Болотникова, князь Дмитрий Мосальский рассылал грамоты от имени Царя Дмитрия и Царевича Петра, называя их своими прирожденными государями, стремящимися к престолу своих прародителей. Их противников – т.е. нового, избранного царя Василия Шуйского с его сторонниками – Мосальский называл государевыми изменниками. См. Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. 1598–1613. Санкт-Петербург, 1841. № 75. С. 100–101.; и Материалы для эпохи смутного времени извлеченные из разных авторов. Хроника Пясецкого. Перевод и примечания Проф. В. Н. АЛЕКСАНДРЕНКО. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа. 1909. С. 19.

¹⁴ Здесь я не принимаю во внимание того явления, которое Павел Лукин называет «народным самозванчеством»: ЛУКИН П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. Москва, 2000. С. 103–169. (далее: ЛУКИН 2000.) См. также PERRIE M. *Samozvanchestvo* Reconsidered: “Calling Oneself a Tsar” in Seventeenth-Century Russia // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / New Directions and Results in International Russistics. Ред. Д. СВАК [GY. SZVÁK] (*Rusisizstikai Könyvek XVI.*) Budapest, 2005. Pp. 92–97.

¹⁵ Внутри России, слухи распространялись о том, что царь Дмитрий жив. См. НОВОМБЕРГСКИЙ Н. Я. (сост.) Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. Т. I. Москва, 1911. Репринтное издание. Москва, 2004. № 22. С. 19–22. № 236. С. 428. (далее: НОВОМБЕРГСКИЙ 1911.); ЧЕРЕПНИН А. В. «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания) // *Исторические записки* Москва, 1945. Т. 14. С. 103–105. (далее: ЧЕРЕПНИН 1945.); ЧИСТОВ 1967. С. 68–69.; ПАНЧЕНКО А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Ленинград, 1984. С. 18. (далее: ПАНЧЕНКО 1984.); БАХРУШИН С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // БАХРУШИН С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). Ответственный редактор Б. В. ЛЕВШИН. Москва, 1987. С. 92. (далее: БАХРУШИН 1987.); PERRIE 1995. Pp. 233–234.; ЛУКИН 2000. С. 112–117.

¹⁶ СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Книга V. Москва, 1961. С. 250. (далее: СОЛОВЬЕВ V. 1961.)

- ¹⁷ Польский коронный канцлер Оссолинский говорил русским послам, что до мирного договора 1634 г. велижский староста Александр Гонсевский велел Лубу «во всем поконить для причины, умышляя над Московским государством, потому что между обоими государствами была тогда война...». СОЛОВЬЕВ В. 1961. С. 250–251.
- ¹⁸ СОЛОВЬЕВ В. 1961. С. 248.
- ¹⁹ СОЛОВЬЕВ В. 1961. С. 466.
- ²⁰ Василий Шуйский умер бездетно в польском плену в 1612 г. У него были две дочери, но они умерли в детстве: см. КОЗЛЯКОВ В. Н. Василий Шуйский. Москва, 2007. С. 146.
- ²¹ Валерия Дубовик считает, что известия о Лже-Симеоне Шуйском, находившемся в 1639 г. и в Польше и Молдавии, относятся к одному и тому же лицу; Олег Усенко, напротив, нашел свидетельство о том, что один Семен Шуйский находился в Польше еще в 1640 г., в то время как второй уже уехал в Молдавию в 1639 г., и там был убит московским посланником Богданом Дубровским. См. ДУБОВИК В. В. Самозванцы. «Сыновья» Шуйского и их судьба // *Родина* 2005. № 11. С. 31–32.; УСЕНКО О. Г. «Московский царевич» и «потомок Македонского» // *Родина* 2006. № 7. С. 51.; УСЕНКО О. Г. Новые данные о лжемонархах в России XVII в. // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2006. № 2. С. 119–120.
- ²² СИМЧЕНКО Ю. Б. Лже-Шуйский П. Православный, мусульманин, католик, протестант // *Русские: Историко-этнографические очерки*. Москва, 1997. С. 32–41. (далее: СИМЧЕНКО 1997.); *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. ПАНЧЕНКО Ленинград, 1970. С. 85–90. (стихотворная декларация Акиндинова московскому посольству в Турцию)
- ²³ СИМЧЕНКО 1997. С. 32–33. 36–38.
- ²⁴ СИМЧЕНКО 1997. С. 37. Василий Шуйский, конечно, не был дядей царевича Дмитрия Ивановича. Акиндинов, кажется, считал первого Лже-Дмитрия настоящим сыном Ивана Грозного, но второго Лже-Дмитрия он называет «враноподобн[ым]» «тушинск[им] вор[ом]». (Там же. С. 39.)
- ²⁵ СИМЧЕНКО 1997. С. 36. ср. Там же. С. 37.: «Род гостинной сотни московских купецких людей Юрьевых». На самом деле Романовы были нетитулованным боярским родом.
- ²⁶ СИМЧЕНКО 1997. С. 37.

- ²⁷ СИМЧЕНКО 1997. С. 32–33. На самом деле Михаил Романов был 14-летним отроком во время свержения Василия Шуйского с престола в 1610 г.
- ²⁸ СИМЧЕНКО 1997. С. 37. 39. На самом деле Михаила избрал на царство земский собор в то время как его отец Федор-Филарет был пленником в Польше.
- ²⁹ СИМЧЕНКО 1997. С. 32. 35–36. Как отмечено выше, Лже-Симеона Шуйского действительно убил царский посланник Богдан Дубровский в Молдавии в 1639 г.
- ³⁰ СИМЧЕНКО 1997. С. 32. 35. Около 1643 г. Акиндинов убежал из Москвы в Польшу, где он называл себя наместником Великопермским. Около 1646-го г. он добровольно путешествовал в Турцию.
- ³¹ СИМЧЕНКО 1997. С. 37. «Он же другую свою обрученную жену, Иванову дочь Хлопова, пустил беззаконно и привел третью жену, из рода Стрешневых. С нею же сподил прелюбодейчица именем Алексея, которого по смерти своей на своем месте царем оставил сильным наскакательным обычаем...» (СИМЧЕНКО 1997. С. 37.) Мария Ивановна Хлопова была невестой царя Михаила Федоровича, но не стала его женой. Евдокия Лукьяновна Стрешнева – мать царевича Алексея Михайловича – была его второй женой.
- ³² СИМЧЕНКО 1997. С. 37–38: Алексей якобы стал царем «не по избранию общей думы земской, не по закону христианскому, ни по суду и праву московскому.» (СИМЧЕНКО 1997. С. 37.) О вопросе, «Был ли избирательный собор 1645 г.?» см.: ЧЕРЕПНИН Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. Москва, 1978. С. 272–274.
- ³³ СИМЧЕНКО 1997. С. 32.
- ³⁴ «Хотя бы это не прелюбодейчика и не купецких людей роду, и прочен бы был ни в чем, а не будучи княжского рода Рюрикова колена, тот не токмо царем и великим князем, но и князем простым быть не может.» (СИМЧЕНКО 1997. С. 38.)
- ³⁵ После своего отъезда от Константинополя, Акиндинов больше не выражал такой враждебности к царю Алексею. На Украине в 1650 г., например, он иногда называл себя внуком (т.е. уже не сыном) царя Василия Шуйского и выражал желание вернуться в Москву и служить царю: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. II. 1648–1651 годы. Москва, 1953. № 163. С. 377–378. См.: также ПЕРРИ М. [Maureen Perrie] Богдан Хмельницкий и вопрос о выдаче московскому правительству самозванца Тимофея Анкудинова (1650 г.) // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Т. I. Київ, 2009. С. 97–105.

- ³⁶ СИМЧЕНКО 1997. С. 40.
- ³⁷ СИМЧЕНКО 1997. С. 35. 37.
- ³⁸ НОВОМБЕРГСКИЙ 1911. Слово и дело государевы. Т. I. № 4-6. С. 4-7. № 12. С. 10-11. № 19. С. 16-17. № 24. С. 25–26. № 30. С. 36–40.; ЧЕРЕПНИН 1945. С. 103–107.; ПАНЧЕНКО 1984. С. 21.; БАХРУШИН 1987. С. 87–118.; PERRIE 1995. P. 233.; КОЗ-ЛЯКОВ В. Н. Михаил Федорович. Москва, 2004. С. 310–314.; PERRIE M. Substituted Tsareviches and Enemy Agents: the Case of Archimandrite Fedorit (1635–1636) // Lawrence N. LANGER and Peter B. BROWN, eds., Festschrift for Richard HELLIE, Part 1 (*Russian History / Histoire Russe* vol. 34. Nos. 1-4.) 2007. Pp. 365–381. (далее: PERRIE 2007.)
- ³⁹ ПОРШНЕВ Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // *История СССР* 1957. № 5. С. 133.
- ⁴⁰ ЛУКИН 2000. С. 121.
- ⁴¹ ПЕРРИ М. [Maureen Perrie] Избранный царь и прирожденные государи: Михаил Романов и его соперники // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. Редактор-составитель А. П. Павлов. Санкт-Петербург, 2007. С. 233–246.
- ⁴² PERRIE 2007. Pp. 367–369.
- ⁴³ СМЕРНОВ П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Том II. Москва-Ленинград, 1948. С. 8. 212-213.; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Москва, 1968. С. 233.; НОВОМБЕРГСКИЙ 1911. Т. I. № 211. С. 370. Эти слухи, конечно, вторят мнения Акиндинова о не-легитимности Алексея Михайловича (см. выше)
- ⁴⁴ PERRIE M. Indecent, Unseemly and Inappropriate Words: Popular Criticisms of the Tsar, 1648-50 // *Russische und Ukrainische Geschichte vom 16.-18. Jahrhundert*. Herausgegeben von Robert O. Crumme, Holm Sundhaussen, Ricarda Vulpius. (*Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* Band 58. Wiesbaden, 2001. Pp. 143–149.; PERRIE M. Popular Monarchism in Mid-17th-Century Russia: the Politics of the “Sovereign’s gramoty” // *Московская Русь: специфика развития / Muscovy: The Peculiarities of its Development*. Ред. Д. СВАК [GY. SZVÁK] (*Rusisztikai Könyvek XIII*) Budapest, 2003. Pp. 135–142.
- ⁴⁵ Термин американского историка Даниела Фильда: FIELD D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976. Русский перевод «бунтовщики во имя царя», см. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Томск 1648 – 1649 гг. Воеводская власть и земские мирры. Новосибирск, 1989. С. 151.

- ⁴⁶ PERRIE 2000. Pp. 249–252. Историк расходятся во мнениях о том, действительно находился самозванец на суде Разина, или разинцы просто распространяли слухи о нем; и если б на самом деле существовал самозванец, кем он был: пленный кабардинский князь Андрей Камбулатович Черкасский или казачий атаман Максим Осипов. Олег Усенко считает, что он был неизвестным бродягой: УСЕНКО О. Г. Бродячие дети второго Романова // *Родина* 2006. № 8. С. 60–62. (далее: УСЕНКО 2006.) См.: также INGERFLOM C. S. Entre le mythe et la parole: l’action. Naissance de la conception politique du pouvoir en Russie // *Annales: Histoire, Sciences Sociales* Année 51. No. 4. (1996). Pp. 733–757.
- ⁴⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. II. Часть I. Москва, 1957. № 171. С. 203.
- ⁴⁸ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под редакцией А. Г. МАНЬКОВА. Ленинград, 1968. С. 111.
- ⁴⁹ Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Под редакцией А. Г. МАНЬКОВА. Ленинград, 1975. С. 67.
- ⁵⁰ Об этом самозванце см., например, СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Книга VI. Москва, 1961. С. 457–464. 471–473. (далее: СОЛОВЬЕВ VI. 1961.); PERRIE 2000. Pp. 252–253. УСЕНКО О. Г. Царевич Симеон из Запорожья // *Родина* 2006. № 9. С. 31–38.
- ⁵¹ СОЛОВЬЕВ VI. 1961. С. 462–463.
- ⁵² СОЛОВЬЕВ VI. 1961. С. 473.
- ⁵³ СОЛОВЬЕВ VI. 1961. С. 471–472.
- ⁵⁴ PERRIE 2000. P. 243.
- ⁵⁵ Отношение правящих царей к этим внутри-династическим самозванцам, однако, являлось так же враждебным, как к другим, между-династическим, самозванцам. В 1674 г. Алексей Михайлович казнил Аже-Симеона Алексеич в Москве; там же, по одному известию, в 1671 г. казнили «молодого человека, которого Стенька Разин выдавал за старшего царевича или сына царя [Алексея Алексеича – М. П.]» (КОЙЭТТ Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеичу. Санкт-Петербург, 1900. С. 446.) Казачих «царевичей» – своих мнимых родственников – Аже-Дмитрий II «велел бити кнутом; а бив кнутом велел их пометать в тюрьму до нашего указу»: БУТУРЛИН 1841. Т. 2. Прил. № 7. С. 57.

⁵⁶ Исключением к этому правилу является другой лже-царевич Алексей Алексеевич, Иван Клеопин, который шел из Новгорода к Польше в 1671 г. с намерением просить короля о военной помощи против Алексея Михайловича для того, чтобы Клеопин стал царем в Великом Новгороде. Хотя самозванец был признан умалишенным, его повесили. О нем см. Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. Москва и Ленинград, 1931. № 181. С. 305–306. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Книга VII. Москва, 1962. С. 133–134. ЛУКИН 2000. С. 124–125. УСЕНКО 2006. С. 62–63.

XVII век – столетье выбора

Н. М. РОГОЖИН

XVII век в истории России занимает особое место. Социальные потрясения, войны, интенсивная законодательная деятельность, религиозные искания, расширение внешних контактов, экономический подъём – вот далеко не полный перечень характерных черт, составляющих портрет эпохи. Но главное, что это время исторического выбора дальнейших путей развития, активного переосмысления государственной идеологии, напряжённой деятельности государственной мысли. В то же время народ постоянно искал защиты и покровительства со стороны государства, которое персонифицировалось для него в фигуре «подлинного» государя. В значительной степени причиной такого всплеска стало Смутное время. Однако и после избрания Михаила Федоровича вплоть до 50-х годов появлялись новоявленные Дмитрии и каждый раз находились верящие в них люди, ибо Дмитрий прямой потомок Рюриковичей, т.е. царь природный и законный. Самозванчество – это народная оболочка бунта. Практически каждый бунт XVII-го «бунташного» века имел своего самозванца. Только в Смуте их участвовало до полутора десятков: кроме Гришки Отрепьева «второлживый» Тушинский вор, «царевичи» Петр, Иван-Август, Клементий, Савелий, Василий, Ерофей, Гаврила, Мартын, Лаврентий и др., выдававшие себя за сыновей и внуков Ивана IV Грозного, царевича Ивана Ивановича и царя Федора¹, царевичей из рода Шуйских (Т. Акундинов). Поражает не только количество самозванцев, но

и обилие имен, которыми они пользовались. Всего же легенда о царе Дмитрие бытовала в разных версиях и формах почти полстолетия до 1646 года и насчитывает шесть этапов².

Именно с XVII-го столетия получают развитие русские народные социально-утопические легенды о «возвращающемся царе-царевиче избавителе», которые неразрывно связаны со стереотипом самозванчества практически до XIX века³. Известно, что Е.И. Пугачев был седьмым самозванцем, выдававшим себя за Петра III⁴. Всего же за период с 1764 по 1796 г., можно насчитать не менее 21 самозванца (не считая Пугачева), причем наибольшее их количество появилось после подавления восстания⁵. Ни одна страна, кроме России, не знала столь многократного самозванчества, игравшего столь значительную роль в истории народа и государства⁶. Народная вера в добрые намерения истинного царя формировала легенды о «возвращающихся царях-избавителях» и «подменных» царях-мучителях (например Петр I). Однако борьба централизованного государства с фольклорной традицией и носителями фольклора также начинается с самого начала «бунташного века», с распоряжений и грамот Б. Годунова, В. Шуйского, а продолжается уже указами 1649 г.⁷

В XVII в. возникли вопросы о легитимности выбора царя, об объёме и пределах царской власти, о преобразовании государственного строя. Выбор нового царя по представлениям русских людей XVII века, не мог решаться иначе, чем “всей землёй”, то есть Земским собором⁸. Так на пороге XVII столетия во главе Московского государства впервые встал выборный царь – Борис Фёдорович Годунов. Вопрос об ограничении царской власти рассматривался в договоре от 4 февраля 1610 года об избрании на русский престол польского королевича Владислава.

Этот договор был первым в истории России конституционным проектом⁹. Для российского общества это был один из первых опытов демократии.

Другой проблемой стал выбор между самодержавной и ограниченной властью государя. В условиях Смуты оформилось два варианта ограничения царской власти: соправление царя с Боярской думой (аристократический вариант) или с Земским собором (демократический вариант). Первый вариант ограничения имел место при воцарении Василия Шуйского, за которым прочно утвердилась репутация «боярского царя». Второй – при избрании Михаила Романова¹⁰.

Однако с воцарением Михаила Романова и вплоть до «кондиций» верховников 1730 года тема ограничения царской власти больше не поднималась. В результате Смуты Россия получила важный урок – власть в стране должна быть сильной и самодержавной – автократической. Царь, которого избирали на престол, безусловно, имел не только сторонников, но и противников. Однако всенародное избрание стало восприниматься как залог будущего спокойствия государства.

Воцарение Михаила Романова, за спиной которого стоял отец патриарх Филарет в содружестве с земскими соборами и мощной системой центральных государственных учреждений – приказами, быстро возродило армию, но также и систему сыска и репрессий.

XVII столетье – это эпоха глубинного коренного перелома духовной жизни. Труд утратил прежний идеологический характер «богоделания», и его конечной целью постепенно становятся доход и «нажива». В XVII столетии уже было около 30 мануфактур (черная металлургия, солеварение, кожевинное производство), по-

являются торговые ярмарки всероссийского масштаба (Макарьевская, Свенская, Ирбитская). Подобный подход к труду определял дальнейшую судьбу страны. Уместно вспомнить, что не из бунтующих лихих людей, а из крепкой середины, из ярославских, нижегородских ремесленных и торговых слоёв вышли основные силы, выступившие за порядок и возрождение. Именно зажиточная Россия сделала ставку на патриотическое возрождение государственности.

Выход из Смуты требовал средств. 15 посольств с объявлением воцарения Михаила Федоровича просили также денег. Никто не дал. В результате последовало ещё большее закабаление народа. Не случайно XVII век называют «бунташным». Патриарх Никон писал: «Нищие, маломощные, слепые, хромые. Вдовицы, черницы и чернецы-все обложены тяжкими даяниями. Середина века ознаменовалась целой серией городских восстаний: Соляной бунт 1648 г. в 7-ми городах – Москве, Курске, Козлове, Великом Устюге, Сольвычегодске, Новгороде, Пскове, Медный бунт (1662 г.) в Москве, Псковско-Новгородское восстание 1650 г.; восстание С. Разина 1670 – 1671 гг. Когда С. Разин везли на казнь, по одну сторону с ним был прикован его брат Фролко, а по другую самозванец – царевич Алексей Алексеевич¹¹. Московское восстание 1682 г. – «Хованщина». Финал столетия отмечен стрелецкими выступлениями 1698 г.

К этому следует добавить смятение в умах, вызванное многочисленными войнами. В общей сложности в XVII в. Москва воевала 48 лет (Речь Посполитая, Швеция, Крым, Турция). Все эти потрясения стали серьёзным испытанием для российской государственности, проверкой на прочность связей между властью и народом. Смута и последовавшие за ней события продемонстри-

ровали неразрывность этих связей: государство никогда не смогло бы выстоять в условиях кризиса без поддержки народа. Однако эволюция взаимоотношений решается в сторону абсолютизма.

На исходе Смутного времени земские соборы играли значительную роль в политической жизни страны. При Михаиле Романове Земские соборы собирались не менее 10 раз, но при Алексее Михайловиче только 5, и то лишь в первые 8 лет царствования. В то же время, если в 1638 г. в Боярскую Думу входило 35 членов, то в 1700 г. 94 человека. Уже в начале XVII века в титулатуре российских царей прочно утверждается слово «самодержец», отражавшее претензии российских государей на абсолютную власть. Наиболее полно абсолютистская тенденция проявилась в царствование Алексея Михайловича Тишайшего. После Переяславской рады 1654 г. он принял титул «Царь, Государь, Великий князь всея Великия и Малыя России Самодержец».

Укрепление центральных госучреждений – приказов также свидетельствует об усилении царской власти. К середине XVII в. общее число приказов достигло 53-х (государственные, дворцовые и патриаршие). При самых крупных работали специальные школы. Наряду с реставрацией старых приказов шло и создание новых (Казачий, Иноземный, Рейтарский). Менялось число приказов территориального управления и финансовых. В конце XVII в. создается ряд приказов, связанных с новыми веяниями: Военно-Морской, Адмиралтейский, Артиллерийский. Во главе их становятся новые люди. «То мне и радость, штобы больши службь», – писал А.Л. Ордин-Нащокин¹². На высокие посты выдвигают иностранцев. Сын голландского купца Андрей Андреевич Виниус (1641- 1716 гг.), служил в Посольском, Аптекарском, Артиллерийском, Провиантском и Сибирском приказах.

Вехой на пути перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму стало Соборное уложение 1649 года. В этом документе защите жизни и достоинства государя, а также производству по делам о государственных преступлениях отведена особая глава «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать». Новый свод законов прежде всего охранял права землевладельцев от посягательств «подлого» люда. В этой связи было разработано 60 вариантов применения смертной казни. Монопольное право владения крестьянами закреплялось за всеми категориями служилых людей «по отечеству», т. е. кадровыми госслужащими (номенклатурой)¹³.

И при этом XVII столетие впервые в русской истории породило идею государственного интереса (который именно тогда перестаёт отождествляться исключительно с государевым).

Смута подвигла церковь и государство к взаимному сближению, компромиссу, поскольку события начала века показали, что единственный залог выживания православия – защита со стороны государства, а государство не сможет устоять перед внешним натиском без поддержки церкви. Результатом осознания неразрывности связей церкви и государства стало складывание идеи «православного царства».

В российском обществе XVII столетия имели хождение две идеи: «Москва – третий Рим» и «Москва – Новый Иерусалим». Обе теории дошли до наших дней, актуальны и имеют одну общую направленность – создание «православного царства»¹⁴. Однако расхождение в вопросе о главенстве между светской и духовной властями породило противоборство двух тенденций, что и привело к торжеству третьего направления – абсолютизма¹⁵. Это направление отразилось в построенной Петром I им-

перии, где церковь была поставлена в полную зависимость от государства.

Была ещё одна серьёзная проблема – возможность или невозможность проведения реформ, «модернизации» и европеизации российского общества. Смутное время ярко продемонстрировало русскому обществу его наметившееся военно-экономическое отставание, заставило задуматься о возможности и даже необходимости преобразований на европейский манер¹⁶.

Однако, значительная часть русских людей, невольно соприкоснувшись в годы Смуты с европейской культурой и цивилизацией, вынесли в качестве вывода лишь отвращение к ним, поскольку носители иноземных ценностей – в большинстве своём интервенты – не могли вызвать симпатий в русских людях. В результате Смута породила и противоположное направление: отрицание необходимости перемен, стремление оставить всё в прежнем, «святоотеческом» виде.

В первые два-три десятилетия по завершении Смуты господствующей была консервативная линия. Подобная политика должна быть признана вполне верной и разумной. Московский народ вышел из Смуты материально разорённым и духовно потрясённым. Падение старых общественных устоев, вторжение массы иностранцев в московскую жизнь, междоусобия и связанные с ними «измены» – расшатали старое мировоззрение, поколебали прежнюю уверенность в том, что Москва есть богоизбранный народ.

Господство консервативных тенденций вовсе не исключало проведения отдельных реформ вроде создания «полков иноземного строя». Но потребности экономического развития, активная внешняя политика Московского государства всё более настойчиво демонстрировали невозможность дальнейшей самоизоляции, по-

требность и необходимость в просвещении и преобразованиях. Начиная с середины столетия всё активнее проводятся реформы в самых разных сферах жизни. Однако консервативная тенденция имела продолжение. Наиболее ярко она проявляется в наследии первых расколоучителей¹⁷.

Со времени царствования Алексея Михайловича спор между сторонниками и противниками нововведений разрешается в пользу реформаторского курса. В 1646 году была упорядочена система сбора налогов, в 1649 г. принят первый печатный кодекс русского права – Соборное Уложение, утверждены «Торговый устав» и «Новоторговый устав», а также уголовный кодекс. В числе важнейших преобразований назовём церковную реформу и отмену местничества.

Альтернативный цивилизационный взлёт в России наблюдается после смерти Алексея Михайловича, когда клан Милославских в лице высокообразованной и честолюбивой Софьи и один из самых ярких и образованных людей столетия – Василий Васильевич Голицын – столкнулись в борьбе за власть с боярской группировкой Нарышкиных. Девять лет правительство Софьи пыталось осуществить реформы в области гражданского миропонимания. Слово «закон» и «порядок» стали его главным лозунгом. Предпринимались попытки улучшить процесс судопроизводства; началась борьба с коррупцией. Голицыну были близки идеи освобождения крестьян, возвращение им обрабатываемых земель. Просвещенный канцлер настаивал на переходе от барщины к оброку, поощрял свободное предпринимательство. Он пытался перевести армию на профессиональную основу. Указ 1685 года защищал крестьян, ушедших в города, от преследования. Частично была отменена смертная казнь.

В 1687 году в Москве открылось первое высшее учебное заведение России – Славяно-греко-латинская академия. Это время стало эпохой значительных перемен в быту и нравах, науке и литературе, временем рождения отечественного театра и светской живописи. При этом радикальной, коренной ломки основ жизни русского общества не происходило, реформы входили в русскую жизнь постепенно. Так реформаторский дух набирал силу, и для деяний Петра Первого создавалась хорошая почва. Такая линия способна была привести к не меньшим результатам, чем массивные реформы Петра Великого, но достаться эти результаты могли меньшей ценой.

Выводы. Завершая обзор развития российской государственной идеологии XVII столетия, отметим ряд важнейших моментов. Именно Смута впервые поставила на повестку дня проблемы, требовавшие осмысления, принятия решений и идеологического обоснования этих решений. Появляется идея взаимной ответственности народа и государства, подтверждается и проходит через суровые испытания давно известный тезис о необходимости совместного труда государства и церкви. Общественная мысль активно размышляет о возможности выборности власти и ограничения круга царских полномочий, останавливая в итоге свой выбор на самодержавной форме правления. Одним из самых спорных был вопрос о реформах и преобразованиях: фактически, именно это расхождение во мнениях и раскололо российское общество (в XVII столетии на уровне церковном, а в XVIII веке – на государственном).

В XVII столетии (с 1584 по 1682 год) в России восстанавливалось утраченное государственное единство, постепенно приобретающее формы абсолютной монархии. Следующее XVIII

столетие стало ответом на все эти вызовы времени. Это закономерно. Ведь в многонациональном, поликонфессиональном, социально неоднородном и конфликтном, геополитически неустойчивом и нестабильном мере консолидировать субъектов воспроизводственной деятельности способен только мощный властно-государственный фактор. Добавим очень агрессивное внешнеполитическое воздействие. Но главное, что государство крепнет, властно-административная жизнь упорядочивается лишь тогда, когда народ и политические элиты готовы платить ущемлением своих прав и свобод.

Примечания

- ¹ ПАНЧЕНКО А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Из истории русской культуры (XVII-начало XVIII века) Москва, 1996. С. 25–33.
- ² ЧИСТОВ К.В. Русские народные социально-утопические легенды. Москва, 1967. С. 69. (далее: ЧИСТОВ 1996.)
- ³ Там же. С. 24–78.
- ⁴ Там же. С. 33.
- ⁵ СИВКОВ К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // *Исторические записки* Т. 31. Москва, 1950. С. 133.
- ⁶ КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. Ч. 3. Сочинения. Т. III. Москва, 1957. С. 27.
- ⁷ УСПЕНСКИЙ Б. А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен. // УСПЕНСКИЙ Б. А. Этюды о русской истории. Санкт-Петербург, 2002. С. 154. (далее: УСПЕНСКИЙ 2002.)
- ⁸ ЛЕОНТЬЕВ А. К. Государственный строй. // *Очерки русской культуры XVII века* Москва, 1979. С. 301–302. (далее: ЛЕОНТЬЕВ 1979.)
- ⁹ МЕДУШЕВСКИЙ А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // *Вопросы истории* 1996. № 9. С. 3–23. Его же. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. Москва, 1998. С. 271–281.
- ¹⁰ Новый летописец. // *Хроники Смутного времени* Москва, 1998. С. 308–309.
- ¹¹ ТИХОМИРОВ М. Н. Записки приказных людей конца XVII века. // *Труды Отдела Древнерусской Литературы* Т. 12. Москва-Ленинград, 1956. С. 446.
- ¹² ДЕМИН А. С. Русская старопечатная литература. XVI – первая четверть XVIII в. Москва, 1977. С. 99–117.
- ¹³ ЛЕОНТЬЕВ 1979. С. 304–305.
- ¹⁴ УСПЕНСКИЙ Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва-Третий Рим» // УСПЕНСКИЙ 2002. С. 145.
- ¹⁵ ЛЕБЕДЕВ Л. Москва патриаршая. Москва, 1995. С. 27. УСПЕНСКИЙ 2002. С. 137–139.
- ¹⁶ КОСТОМАРОВ Н.И. Смутное время Московского государства начала XVII века. Москва, 1994. С. 567.
- ¹⁷ УСПЕНСКИЙ Б.А. К истории троеперстия на Руси // УСПЕНСКИЙ 2002. С. 362.

Рождение самозванчества в России в начале XVII века

И. О. ТЮМЕНЦЕВ

В начале XVII в., после Лжедмитрия I самозванчество превратилось в явление русской народной жизни, которое не изжито до сегодняшнего дня. Именно поэтому данный феномен неизменно вызывает пристальный интерес у многих исследователей.

В 60-е годы XX в. В.К. Чистов высказал предположение, что лжецаревичи, создавая свои рассказы о чудесных спасениях от рук убийц, эксплуатировали созданные и распространенные среди крестьян социально-утопические легенды о царях избавителях, которые, после победы над врагами, освободят их от крепостной неволи¹. Мнение исследователя поддержали А.И. Клибанов, Н.Н. Покровский В.С. Румянцева, А.С. Мыльников и другие советские и российские исследователи². Иное мнение высказала английская исследовательница М. Перри, которая усомнилась в том, что самозванчество явилось формой антифеодального протеста русского народа. Исследовательница считает, что организаторы самозванческих интриг сами инициировали легенды и слухи о спасении «царевичей», используя народную религиозность и наивную веру русских людей в «прирожденного царя-избавителя», а не в уже существующие народные социально-утопические легенды³. Б.А. Успенский фактически поддержал мнение В.К. Чистова, отметив, что социально-утопические легенды являются общественной реакцией на появление самозванцев и не объясняют причину

их появления. Исследователь заметил, что наряду с мифом о царе-избавителе параллельно бытовал миф о самозванце на троне. Со-
существование этих мифов способствовало широкому распро-
странению самозванчества в России⁴. И.А. Андреев определил
несколько типов самозванцев: самозванец-бунтарь, самозванец-
авантюрист, самозванец-марионетка, самозванец-пропагандист⁵.
О.Г. Усенко выделил пять поводов к началу народного восстания,
среди которых упомянул появление самозванца и осуждение
правлящего монарха⁶. В.Я. Мауль определил внутреннюю струк-
туру наиболее масштабных народных движений, взяв в качестве
критерия последовательность возникновения и существования
архитипических форм народного монархизма и повстанческого
насилия⁷. Примечательно, что многие из указанных выше иссле-
дователей основывали свои выводы на поздних периодах истории
самозванчества в России и исходили из того, что Смута в России
начала XVII в. являлась крестьянской войной. Установившееся в
современной литературе мнение, что Смута являлась граждан-
ской войной, и основными движущими силами ее являлись разо-
рившиеся служилые люди, ушедшие в боевые холопы, и казаки,
позволяют по-новому взглянуть на процесс зарождения самозван-
чества в России. Прояснить проблему, по нашему мнению, воз-
можно, проанализировав обстоятельства появления самозванцев
в Смутное время.

Лжедмитрий И.М. Перри установила, что первые сведения о «чудом спасшемся царевиче Дмитрии Угличском» были зафиксированы в Речи Посполитой единственный раз в 1598 г. как недостоверный слух в совершенно немыслимой для последующих легенд версии. Содержащиеся в мемуарах Д. Горсея свидетельства о спасении царевича Дмитрия во время восстания в Угличе

в 1591 г. явно результат позднего осмысления пережитого. Никаких социально-утопических легенд о чуде спасшемся царевиче вплоть до появления самозванца в Речи Посполитой в источниках не зафиксировано⁸.

Московские власти узнали о появлении «царевича Дмитрия» в Киеве летом-осенью 1602 г. и вскоре объявили, что это беглый монах Григорий Отрепьев, в миру – сын костромского городского сына боярского⁹.

Расследуя дело Лжедмитрия I, царь Борис Годунов подозревал, что за спиной самозванца стояли изменники-бояре. Связь Ю. Отрепьева с Романовским кружком, казалось, подтверждала мнение царя. Именно поэтому С.Ф. Платонов высказал осторожное предположение, что подлинными организаторами интриги были Ф.Н. Романов с братиею и свояками. Однако никаких доказательств в пользу этого предположения ни московские власти, ни историки обнаружить не смогли¹⁰. Исследовав обстоятельства «дела» бояр Романовых, Р.Г. Скрынников пришел к заключению, что самозванческая интрига зародилась не на Романовском дворе, а среди монахов Чудова монастыря в недавнем прошлом служилых людей¹¹. Действительно, предки Григория Отрепьева – монахи, служили детьми боярскими по Галичу и Угличу старца Миханла Повадина – по Серпейску, а вся родня другого организатора самозванческой интриги Варлаама Яцкого – по Коломне. Однако из поля зрения историка ускользнула важная деталь. Варлаам Яцкий в «Извете» царю Василию Шуйскому упомянул, что познакомился с М. Повадиным на дворе кн. И.И. Шуйского, где тот служил, скорее всего, холопом. Если учесть, что кн. И.И. Шуйский в начале царствования Бориса Годунова, также как Романовы был обвинен «в коренье и ведовстве» и был подвергнут репрес-

сиям, а его двор распущен¹², то можно предположить, что холоп М.Т. Повадин, также как Григорий Отрепьев, принял постриг, спасая свою жизнь. Самозванческая интрига зародилась в головах не просто служилых людей, а бывших холопов «сильных людей», не простых, а вынужденных монахов, которые, лишившись своих покровителей, готовы были на все, чтобы обрести лучшую долю.

Трое монахов, как видно из «Извета» Варлаама, из Москвы отправились на юго-восток в Речь Посполитую. Московским и краковским властям, а вслед за ними и историкам удалось собрать поддающиеся взаимной проверке свидетельства, которые позволяют восстановить основные маршруты перемещений самозванца на Украине. Сначала Г. Отрепьев и его товарищи искали помощи у главы православной партии кн. К. Острожского¹³, затем самозванец бежал к вождю местных ариан пану Хойскому в Гощу¹⁴. Не найдя и здесь поддержки, Г. Отрепьев бежал из Гощи после Пасхи 20 (30) марта 1603 г.¹⁵, чтобы с помощью запорожских казаков¹⁶ попытаться получить помощь у православного магната А. Вишневецкого в Брагине¹⁷. Удача, наконец, улыбнулась самозванцу, когда он через кн. К. Вишневецкого¹⁸ смог заручиться помощью магната-католика Ю. Мнишка и его родни¹⁹. Мнишки попытались получить помощь самозванцу у польского короля Сигизмунда III Вазы, литовского канцлера Льва Сапегы, папы Римского и сословий Речи Посполитой, но все их усилия были заблокированы решением Сейма Речи Посполитой.

Вторжение небольшого войска, собранного Мнишками на свой кошт и частные пожертвования, закончилось тяжелым поражением у Добрыничей и бегством из России Ю. Мнишка с большей частью наемного войска. Брошенный на произвол судьбы своими покровителями, Лжедмитрий I смог опереться в России

на широкие слои служилого сословия, въехать в Кремль победителем и около года успешно править страной.

Самозванческая интрига Лжедмитрия I, как свидетельствуют сделанные наблюдения, родилась в среде обедневших служилых людей, вынужденных боярских послужильцев, казаков и невольных монахов. Именно поэтому первый самозванец нашел поддержку своим замыслам не у посадских, крестьян и папшенных холопов, а у православных магнатов и шляхты на Украине. Для этого ему не были нужны, в качестве «идеологической основы», народные социально утопические легенды. При этом Г. Отрепьев сам являлся главным инициатором самозванческой интриги. Благодаря недюжинным способностям, методом проб и ошибок, не разбираясь в средствах, с завидным упорством он шел достиг намеченной цели.

Самборский вор. Подготовка интриги Лжедмитрия II, как видно из источников, началась задолго до его появления на Северщине. Уже на следующий день после убийства Лжедмитрия I, по свидетельству находившихся в столице иноземцев, по Москве поползли слухи, что «царь Дмитрий» спасся²⁰. По прошествии недели после убийства Лжедмитрия I, около 25 мая (4 июня) 1606 г., в Москве появились подметные письма, в которых сообщалось, что «царь Дмитрий» жив²¹. Это означало, что за организацию новой самозванческой интриги взялись некие политические силы. С.Ф. Платонов, проанализировав свидетельства иностранцев, пришел к выводу, что слухи и грамоты о спасении Лжедмитрия I инициировала боярская оппозиция²². Источники позволяют выяснить, кто в действительности стоял у истоков самозванческой интриги. Русские послы в Речь Посполитую – Г.К. Волконский и А. Иванов, выехавшие из Москвы 12 (22) июня 1606 г.²³, узнав от поляков о

появлении самозванца в Самборе в августе 1606 г., без колебаний дали однозначный ответ: роль «чудом спасшегося царя Дмитрия» взял на себя бывший любимец самозванца – Михаил Андреевич Молчанов, бежавший из Москвы во время гибели своего покровителя²⁴. Р.Г. Скрынников обратил внимание на показания К. Буссова и автора Английского донесения, что назначенный на воеводство в Путивль кн. Г.П. Шаховский тайком вывез из Москвы двух «поляков» и доставил их через всю страну в Путивль, откуда они прямо поехали в Речь Посполитую в Самбор к жене Ю. Мнишка²⁵. Историк установил: одним из этих поляков был М.А. Молчанов²⁶. Дорогой Г. Шаховский и его спутники, по свидетельству К. Буссова, мистифицировали население рассказами о том, что один из них «царь Дмитрий», и рассылали повсюду грамоты²⁷. Согласно показаниям К. Буссова, Г. Шаховский и его спутники скрепляли грамоты, написанные от имени Лжедмитрия I, украденной из дворца государевой печатью²⁸. До переворота 17 (27) мая 1606 г. государева печать хранилась у другого любимца Лжедмитрия I – думного дьяка и печатника Богдана-Иоакима Ивановича Сутупова. Во время майских событий 1606 г. он, несомненно, находился в Москве, но, в отличие от других думных дьяков самозванца, нового назначения не получил²⁹. Польский иезуит К. Савицкий и К. Буссов указали в своих сочинениях, что вскоре после переворота из Москвы бежал некий «секретарь Лжедмитрия I» по имени *Богдан* или *Иван*, который якобы затем и стал Лжедмитрием II³⁰. Скорее всего именно Б. Сутупов был вторым спутником кн. Г.П. Шаховского в его поездке на Северщину. Показания очевидцев, придерживавшихся разной политической ориентации, позволяют выявить круг людей, стоявших у истоков новой самозванческой интриги – это М.А. Молчанов, Б.И. Сутупов, кн. Г.П. Шаховский. Ни один из них не

принадлежал ни к людям романовского круга, ни к сторонникам кн. Ф.И. Мстиславского. Все трое пробрались в московские чины из выборных и городских дворян, лишились карьерных перспектив или оказались вне закона после смерти покровителя.

Р.Г. Скрынников, анализируя обстоятельства появления М.А. Молчанова в Самборе, отметил, что это было невозможно без согласия Ю. Мнишка и что Самборский воевода, возможно, «санкционировал» самозванческую интригу³¹. Наблюдения Р.Г. Скрынникова нуждаются в уточнениях. Мнишки и их приятели едва избежали гибели во время народных волнений 17 (27) мая 1606 г. Затем Ю. Мнишек, как свидетельствует Арсений Елассонский, ухватился за проект женитьбы главы заговора Василия Шуйского на «царице Марине» и даже дал показания против самозванца, приведенные в окружной грамоте Василия Шуйского 6 (16) июня 1606 г.³² Иллюзии Мнишков относительно будущего «царицы» Марины развеялись 23 мая (2 июня) 1606 г., когда дочь воеводы была переведена на подворье отца и у ее родни отобрали подарки, данные Лжедмитрием I³³. Ход переговоров послов и бояр резко изменился. Если раньше русская сторона заявляла, что вскоре все поляки будут отпущены на родину, то 27 и 30 мая (6 и 9 июня) 1606 г. бояре обрушились на послов и воеводу с обвинениями в организации самозванческой интриги Лжедмитрия I³⁴. В конце концов, Польским послам и Мнишкам объявили, что они остаются в Москве фактически в качестве пленников до тех пор, пока отправленное в Речь Посполитую посольство Г. Волконского не урегулирует возникший между двумя государствами конфликт³⁵. Как раз в это время Ю. Мнишек, по-видимому, и «санкционировал» самозванческую интригу.

Покинув Москву в середине июня 1606 г., кн. Г.П. Шаховский, М.А. Молчанов и Б.И. Сутупов получили больше возможностей

для мистификации русских людей³⁶. Провинциальные жители, в отличие от москвичей, не видели Григория Отрепьева убитым и прислушивались к толкам о его спасении³⁷. В Путивле – бывшем центре движения Лжедмитрия I – кн. Г.П. Шаховский и И.Е. Михнев смогли убедить местных служилых людей и горожан, лишившихся после переворота 17 (27) мая 1606 г. многих льгот и привилегий, что «царь Дмитрий» жив и скрывается от врагов. Путивляне подняли восстание против Василия Шуйского³⁸.

Р.Г. Скрынников заметил, что М.А. Молчанов, будучи в Путивле, не решился публично играть роль самозванца, так как боялся разоблачения людей, хорошо знавших Лжедмитрия I³⁹. Он был вынужден укрыться в Речи Посполитой, в замке Мнишков в Самборе⁴⁰. Устраняя тайные приемы для людей, никогда не видевших Лжедмитрия I, самозванец старался поддержать веру русских повстанцев и рокошан, что «царь Дмитрий» жив⁴¹. В сложившейся ситуации московские власти действовали весьма решительно. Они дали польским властям словесный портрет М.А. Молчанова и выслали Мнишков из Москвы в Ярославль под арест, недвусмысленно дав понять, что их ждет в случае продолжения самозванческой интриги в Самборе⁴². Видимо, принятые меры загнали М.А. Молчанова и его сообщников в угол. Если раньше они беспокоились, как доказать людям хорошо знавшим первого самозванца, что Лжедмитрий I и Самборский затворник одно и то же лицо, то после обнародования в России и Речи Посполитой точного портрета М.А. Молчанова нужно было опровергать утверждение, что Самборский самозванец является бывшим любимцем Лжедмитрия I. В сложившихся условиях М.А. Молчанов, подобно Г. Отрепьеву, являвшийся главным организатором самозванческой интриги, не решился публично взять на себя роль «чу-

дом спасшегося царя Дмитрия» и исчез в самый неподходящий для повстанцев момент, чтобы в начале 1609 г. появиться в чине «окольникчиго» Тушинского Вора⁴³. Провал планов организации новой самозванческой интриги в Самборе стал причиной специфического явления в истории Смуты, которое Р.Г. Скрынников метко назвал «самозванщина без самозванца»⁴⁴

Ажепетр и казацкие царевичи. Историки, изучая обстоятельства появления Ажепетра и других казачьих самозванцев в 1606–1607 г., отметили, что ни один из них не смог подобно Ажедмитрию I стать признанным вождем повстанческого движения в России⁴⁵. На допросе в московском застенке власти установили, что Ажепетром был сын посадского человека из Мурома, беглый холоп, ставший вольным казаком – Илейка Коровин. Самозванец в деталях описал, как родилась самозванческая интрига, постаравшись возложить всю вину за происшедшее на терских казаков-ветеранов, которые заставили его играть роль «царевича»⁴⁶. Рассказ И. Коровина поддается проверке сведениями, сообщенными арзамасским дворянином Банмом Болтиным – человеком весьма осведомленным в делах Поволжья, которого нельзя заподозрить в симпатиях к самозванцу и его товарищам⁴⁷. На войсковом круге, по свидетельству самозванца, атаман Федор Бодырин и его станичники убедили казаков идти к царю в Москву искать справедливости⁴⁸. В то время любое продвижение по Тереку и Волге мимо городов и крепостей со значительными гарнизонами было невозможно без специального разрешения царя⁴⁹. Воеводы из «лихих бояр» наверняка воспрепятствовали бы казакам пройти в столицу. Тогда-то терцы и придумали выдвинуть из своей среды самозванца – «царевича Петра Федоровича»⁵⁰. Препровождение «принца крови», пусть мнимого, открывало широкие возможности для оправда-

ний перед «царем Дмитрием». Вероятно, по этой причине в качестве кандидатов в «царевичи» избрали двух молодых казаков – «чуров», а не опытного атамана – терца⁵¹. В конце концов выбор пал на И. Коровина, потому что он бывал в столице⁵².

Ажепетр, в отличие от Ажедмитрия I не был инициатором и вождем нового движения, а лишь его символом. Казаки не выдвигали никакой крестьянской антифеодальной программы. Но нельзя не видеть, что зарождающееся движение имело ярко выраженные социальные черты и отнюдь не было стихийным бунтом, спровоцированным самозванцем. Казаки выступили против «лихих бояр», якобы помешавших «царю Дмитрию» жаловать их, как жаловал царь Иван Грозный⁵³. Неслучайно первое, что сделали казаки после принятого на Круге решения, – это отправили в Москву гонца к «дяде» с известиями о Ажепетре⁵⁴. Автор Нового летописца сообщил, что казаки будто бы требовали освободить трон для племянника – прямого наследника старшего сына Ивана Грозного⁵⁵. М. Перри совершенно справедливо полагает, что это домислы позднего летописца⁵⁶. Казаки, судя по последующей реакции на грамоту, ограничились сообщениями о Ажепетре и попросили разрешения прибыть в Москву. В ответ Ажедмитрий I прислал гонца с приказом «племяннику» и его товарищам «наспех» идти к Москве⁵⁷. Он явно намеревался поступить так, как это делал Ажедмитрий II с казацкими самозванцами: провести розыск, устранить самозванца, а казаков принять к себе на службу. Вплоть до гибели Ажедмитрия I в мае 1606 г. Ажепетр и казаки демонстрировали лояльность властям.

В последовавших за смертью Ажедмитрия I событиях Смуты (разбой на Волге, неудачная попытка прорваться к восставшему Ельцу летом 1606 г.; поход казачьего отряда терцов и волжан на

Северщину, казни воевод осенью 1606 г.; безуспешная попытка организовать появление «дяди» – Лжедмитрия II в Белоруссии зимой 1606–1607 гг., затем поход на помощь войску И. Болотникова и капитуляция Тулы) – Лжепетр сыграл заметную, но отнюдь не ключевую роль. До появления на Северщине он действовал под контролем атамана Ф. Бодырина и его товарищей, затем в окружении самозванца появились «воровские бояре» князя Г.П. Шаховский, А.А. Телятевский, Мосальские и Засекины⁵⁸. Одновременно, руководители повстанческого лагеря усиленно готовили появление Лжедмитрия II. Самозванец явно пытался играть роль «удельного князя» и никак не тянул на роль «народного царя» – вождя повстанческого движения.

Пример Лжепетра оказался заразительным. М. Перри, опираясь на пространную редакцию летописи кармелитов, установила, что уже летом 1606 г., вскоре после восстания астраханцев против В. Шуйского, в городе появились сразу три «царевича» Иван-Август, Лавр и Осинюк⁵⁹. К весне 1607 г. появление лжецаревичей в станицах донских, волжских, терских и запорожских казаков стало массовым явлением⁶⁰. Они звались «царевичами» – Федором, Клементием, Саввелием, Семионом, Василием, Ерошкой, Гавриилом, Мартыном – «детьми» или «внуками» Ивана Грозного⁶¹. Подлинные имена самозванцев неизвестны, хотя современники, по словам авторов Нового летописца, прекрасно знали, кем они были до того, как стали казаками: «иной боярский человек» (т.е. холоп – И.Т.), а иной мужик пашенной (т.е. крестьянин – И.Т.)⁶². Иначе говоря, самозванцы по-прежнему происходили главным образом из среды беглых служилых холопов, но среди них преобладали уже не бывшие монахи по неволе из городовых детей боярских, а беглые холопы из простолюдинов.

Интересны сохранившиеся в источниках сведения об *Иване-Августе*. Монахи кармелиты, имевшие личную встречу с «царевичем» и общавшиеся с его приверженцами, подметили важные детали. Они указали, что самозванец, так же как Лжепетр, был *приведен* (выделено нами – И.Т.) в Астрахань казаками. Астраханцы подняли восстание против Василия Шуйского именем «царя Дмитрия» и местные самозванцы, так же как Лжепетр, никогда не претендовали на то, чтобы занять место «дяди». Монахи во время встречи на острове Икчиборе на Волге попросили Ивана-Августа помиловать кн. И.П. Ромодановского, но он заявил им, что не может совладать со своими казаками. Посол Василия Шуйского в Персию и его сын были казнены⁶³. Примечательно, что, говоря о походе астраханских повстанцев в Тушино летом 1608 г., автор Нового летописца написал: «Те же воры казаки с Августом и Лаврентьем поидоша под Москву к Тушинскому вору...»⁶⁴.

Организаторы интриги Лжепетра задумывали ее как оправдание своего похода к Лжедмитрию I в Москву⁶⁵. После свержения Григория Отрепьева и открытого конфликта между повстанцами и московскими властями эти ухищрения были явно ни к чему. Они, вероятно, понадобились рядовым казакам, чтобы обойти официальное решение Войскового Круга о невмешательстве Войска Донского в борьбу правительства и повстанцев, принятое летом 1606 г. после выдачи Василием Шуйским жалования и припасов донцам⁶⁶. Неслучайно казацкие самозванцы, подобно Лжепетру, действовали именем «царя Дмитрия», не претендовали на руководство повстанческим движением и после появления Лжедмитрия II в Стародубе поспешили к нему на службу, были им приняты и обласканы. Ситуация в стане Лжедмитрия II резко изменилась после прихода к руководству движением кн. Р. Ру-

жинского. Новый “тетман” приказал разоблачить и казнить казацких царевичей, а казаков определить в полки И.М. Заруцкого и А.И. Лисовского. С начала 1608 г. казацкие царевичи перестали появляться в казачьих станицах.

Сделанные наблюдения позволяют говорить об одинаковой природе движений Лжепетра и астраханских самозванцев. «Казацкие царевичи» были символами антиправительственного движения, а не вождями народных масс, и целиком зависели от решений казачьего круга.

Лжедмитрий II появился лишь в 1607 г. Более года понадобилось повстанцам, чтобы подготовить замену Г. Отрепьеву. В Шуйский и его окружение затратили немало сил, чтобы выяснить, кто был Лжедмитрием II, но их постигла неудача. Во всех официальных документах самозванец неизменно назывался «Вором» или «Цариком»⁶⁷. Немногого добились и местные власти, допрашивая пленных тушинцев или получая сведения от шпионов⁶⁸. Р.Г. Скрынников, изучая источники, отразившие первые шаги самозванца, пришел к выводу, что наиболее достоверные сведения о том, кто назвался Лжедмитрием II, сообщил неизвестный белорусский клирик – автор Баркулабовской летописи, хорошо знавший самозванца до его превращения в «царя Дмитрия»⁶⁹. Он указал, что Лжедмитрием II был некий грамотей, обучавший детей сельских священников в окрестностях Шклова, затем Могилева⁷⁰. Показания автора Баркулабовской летописи подтверждают наемник К. Буссов и иезуит К. Савицкий. К. Буссов, лично знавший самозванца и его приятеля Григория Кашинца, смог узнать, что человек, ставший Лжедмитрием II, долго жил в Речи Посполитой, где был известен под именем Иван и работал учителем в Шклове⁷¹. К. Савицкий установил: самозванец прежде по поручению *некоего*

*протопопа учил детей в селах в окрестностях Могилева*⁷². Сделанные наблюдения позволяют поддержать гипотезу Р.Г. Скрынникова, что Лжедмитрием II был крещенный еврей, бывший школьный учитель из Шклова.

Иезуиты узнали любопытные детали из биографии самозванца, о которых умолчал автор Баркулабовской летописи. Учитель, по их данным, отплатил протопопу черной неблагодарностью за гостеприимство. Он начал тайно домогаться благосклонности папьяны. Узнав об этом, разгневанный протопоп выгнал его. С этого момента двери домов священников для горе-учителя оказались закрытыми, и он превратился в бродягу, который, оставшись без средств к существованию, решился якобы сыграть роль самозванца⁷³. Факт бродяжничества подтвердил в своих мемуарах С. Маскевич, но при этом подчеркнул, что решение играть роль «царя Дмитрия» бывший учитель принял отнюдь не самостоятельно⁷⁴. К. Буссов, С. Маскевич и некоторые польские авторы прямо говорят, что главным организатором самозванческой интриги был ротмистр М. Меховецкий, который вместе с друзьями подобрал под забором бродягу, отдаленно напоминавшего Г. Отрепьева, и заставил его играть роль «царя Дмитрия»⁷⁵. Р.Г. Скрынников обратил внимание на то, что видную роль в подготовке самозванца сыграл староста Чечерский Зенович, который, по данным А. Сапеги и автора Баркулабовской летописи, встречал в Белоруссии Лжепетра, а затем посадил шкловского бродягу под арест в Пропойскую тюрьму и позже отправил его за рубеж⁷⁶. Лжепетр, как следует из его рассказа, записанного в канцелярии Оршанского старосты Андрея Сапеги, пересек границу Речи Посполитой 6 (16) декабря 1606 г. с целью разыскать дядю⁷⁷. Он явно направлялся туда, куда, по слухам, из Рыльска перебрался «царь Дмитрий»⁷⁸.

Вместо поисков он две недели тайно находился в Копыси в Максимовичской волости недалеко от Витебска⁷⁹. Затем за Лжепетром приехали шляхтичи Зенович и Сенкевич, доставившие самозванца в Оршу для встречи с А. Сапегой, а затем – в Россию⁸⁰. В декабре 1606 г. о поездке русских повстанцев в Белоруссию на поиски «Дмитрия» узнали послы Василия Шуйского⁸¹.

Белорусские источники позволяют разобраться, что же в действительности происходило в окрестностях Витебска. В Новостях, полученных в Кракове почти одновременно с донесением А. Сапег о Лжепетре, сообщалось, что «царь Дмитрий» неожиданно *«приехал в Витебск, откуда, открыто показав себя всем, написал письмо рыльским мещанам...»* (выделено нами – И.Т.)⁸². Автор Баркулабовской летописи также свидетельствует, что как только в бывшем школьном учителе начали *«узнавать царя Дмитрия»* (выделено нами – И.Т.), он в страхе за свою жизнь тайно бежал из окрестностей Витебска в Пропойск, где был схвачен по приказу старосты Чечерского Зеновича и посажен в тюрьму⁸³. Данные Новостей и летописца дают основание предположить, что М. Меховецкий и Зенович подобрали шкловского бродягу до поездки Лжепетра, а в декабре 1606 г. в окрестностях Могилева была предпринята первая неудачная попытка публичного объявления Лжедмитрия II.

Активное участие Лжепетра в намечавшемся под Витебском спектакле подтверждают предположение Р.Г. Скрынникова о том, что шляхтичи готовили его в стоворе с русскими повстанцами⁸⁴. Примечательно, что многие детали подготовки Лжепетра и Лжедмитрия II совпадают: в обоих случаях инициаторы интриги выбрали случайных людей, принудили их играть роль «царя» и толком не занимались их подготовкой. Повстанцам нужен был не вождь, а человек-символ, оправдывающий их борьбу за лучшую

долю. Малодушное бегство бродяги, судя по всему, спутало планы организаторов самозванческой интриги. Лжепетр был вынужден вернуться в Россию, чтобы с отрядами северян, донских, волжских и запорожских казаков и наемников поспешить на помощь И. Болотникову.

Сколько времени шкловский бродяга находился в бегах, неизвестно. М. Меховецкому, Зеновичу и их товарищам, по-видимому, понадобилось затратить немало времени и труда на его поиски. Засадив бывшего учителя в Пропойскую тюрьму под видом «русского шпиона», они довольно быстро заставили его играть роль самозванца, но не «царя Дмитрия», а его мнимого родственника – стольника Андрея Андреевича Нагого⁸⁵. К. Буссов разузнал, что в Пропойской тюрьме подготовкой самозванца якобы занимались «близкие» Юрия Мнишка, которые сообщили ему все мельчайшие подробности из жизни Лжедмитрия I⁸⁶. А. Гиршберг полагал, что одним из инструкторов самозванца в Пропойской тюрьме был связанный с Мнишками монах-бернардинец Антоний Волох⁸⁷. В действительности Антоний Волох, как видно из посольских дел и дневника А. Рожнятовского, с 1606 г. находился под арестом в Москве вместе с другими поляками и литовцами, а весной 1607 г. даже угодил в царский застенок за распространение слухов о спасении «царя Дмитрия»⁸⁸. Более верным представляется мнение Р.Г. Скрынникова, что на этот раз возрождение самозванческой интриги не было связано с семьей Мнишков⁸⁹. Возможно, к этому делу приложили руку М.А. Молчанов и Б.И. Сутупов.

К середине мая 1607 г. подготовка Лжедмитрия II, судя по всему, в основном была завершена. Староста Зенович, по свидетельству автора Баркулабовской летописи, которое подтверждает Н. Мархоцкий, приказал уряднику Чечерскому Рогозинскому препрово-

дять бродягу, принявшего имя Андрея Андреевича Нагого, и двух его товарищей к русской границе⁹⁰. Наемники Н. Мархоцкий, К. Буссов, И. Будила и автор Нового летописца свидетельствуют, что спутниками Богдана был подьячий Алексей (Александр) Рукин и торговый человек из Пропойска Григорий Кашинец, которым было поручено не допустить исчезновения самозванца при пересечении границы⁹¹. Подойдя к рубежу в районе небольшой крепостицы Попова Гора 23 мая (2 июня) 1607 г., урядник Рагозинский и его слуги, как видно из показаний автора Баркулабовской летописи, передали будущего самозванца и его спутников из рук в руки русским повстанцам, которые «опознали в нем по знакам» своего царя⁹².

Факт передачи Аженагого, имевшего склонность в минуту малейшей опасности сбегать, показывает, что был сговор между белорусскими шляхтичами и русскими участниками интриги. Авторы Нового летописца указали, что организатором стародубского спектакля – «первоначальным воровства заводчиком» – был предводитель стародубцев сын боярский Гаврила Веревкин⁹³. Поздний летописец знал немногое. Г. Веревкин играл важную, но отнюдь не главную роль. К. Буссов, долгое время служивший в постанческих войсках, свидетельствует, что главным режиссером Стародубского действия был атаман-болотниковец Иван Мартынович Заруцкий⁹⁴, который, по меткому замечанию Р.Г. Скрынникова, обладал всеми качествами народного вождя⁹⁵. Вероятно, контактам способствовал тот факт, что и И.М. Заруцкий, и М. Меховецкий были заметными фигурами в движении Ажедмития I и хорошо знали друг друга⁹⁶.

Аженагой пересек границу 23 мая (2 июня), водворился в Стародубе 12 (22) июня и объявился 12 (22) июля 1607 г.⁹⁷. Промедле-

ния с провозглашением, по всей видимости, были вызваны тем, что организаторы самозванческой интриги должны были решить трудную задачу: добиться, чтобы жители Северщины, прежде всего служилые люди Путивля, прекрасно знавшие Ажедмитрия I, признали в новом самозванце прежнего Государя. Несколько недель мнимый А.А. Нагой и его спутники переезжали из одного города в другой, распуская повсюду слухи о скором появлении «царя Дмитрия». Около дня св. Якова, по данным К. Буссова, их видели на дороге, ведущей из Путивля в Новгород Северский⁹⁸. Наконец 12 (22) июня 1607 г. Аженагой осел в Стародубе. К тому времени повстанцы, по всей видимости, смогли сговориться с Г. Веревкиным и его товарищами об организации первого публичного появления «царя Дмитрия» в их городке⁹⁹. Тем временем А. Рукин продолжил свои поездки по Северщине, но теперь он всюду говорил, что Государь находится в Стародубе¹⁰⁰.

Н. Мархоцкий, получивший сведения о похождениях самозванца от Г. Кашинца, смог установить важные детали, позволяющие выяснить, как организаторам интриги удалось разыграть спектакль с объявлением самозванца. Ротмистр показывает, что в Путивле местные служилые люди, разуверившиеся в слухах о спасении Ажедмитрия I, схватили А. Рукина и пригрозили ему казнью, если он не скажет, где Государь. Когда приятель самозванца заявил, что «царь Дмитрий» в Стародубе, путивляне отправили нескольких дворян и детей боярских вместе с ним «проведают» истину. Вероятно, это была хитрая уловка, имевшая целью принудить путивлян признать самозванца. Дворяне прибыли в Стародуб и сообщили Г. Веревкину и служилым людям о розказнях А. Рукина. Подьячего повели на пытку. Лицедей, как показывают К. Буссов, Н. Мархоцкий и автор Нового летописца, в притворном

страхе за свою жизнь указал на Лженагого и завопил, что это и есть «царь Дмитрий». В этот момент Лженагой, по свидетельству Н. Мархоцкого, обрушился на путивлян и стародубцев площадной бранью, обвиняя их в близорукости и нежелании распознать истинного Государя. Толпа взревела и пала на колени. Послы путивлян поняли, что оказались в ловушке. Им ничего не оставалось, как признать в проходимце «прежнего царя Дмитрия»¹⁰¹. Обильное использование площадной брани и проведение «рыцарского» турнира между «цариком» и И. Заруцким красноречиво свидетельствуют, кто был устроителем и на кого был рассчитан разыгранный в Стародубе спектакль. Ими были служилые люди по прибору, простолюдины и казаки¹⁰². Организаторы интриги, как видно из рассказа К. Буссова, не были полностью уверены в благополучном исходе спектакля. Именно поэтому его составной частью стало появление в Стародубе крупного отряда иноземцев, который возглавлял один из главных организаторов интриги М. Меховецкий¹⁰³.

Приведенные факты об обстоятельствах подготовки и осуществления интриги Лжедмитрия II свидетельствуют, что «Большой Вор», в отличие от Г. Отрепьева и М. Молчанова, был типичным «казацким царевичем», по происхождению он был простолюдином, которого жизненные неудачи сделали бродягой. Подлинными «режиссерами» самозванческой интриги были повстанцы во главе с И.М. Заруцким и солдаты удачи ротмистра М. Меховецкого. Самозванец не мог руководить повстанческим движением и был игрушкой в руках различных сил, объединившихся под его знаменами сначала повстанцев-ветеранов движений И.И. Болотникова и Лжепетра (осень 1607- начало 1608 годов), затем иноземных солдат и русских изменников (весна 1608- лето

1610 годов), наконец «воровских бояр» из опричных родов и ветеранов повстанческого движения (вторая половина 1610 г.).

Лжедмитрий III, вошедший в русскую историю под именем Псковского вора, появился 23 марта (2 апреля) 1611 г. в Новгороде Великом¹⁰⁴ через три месяца после гибели Лжедмитрия II. В окружных грамотах руководители второго земского ополчения кн. Д.М. Пожарский и К. Минин утверждали, что новым самозванцем был казак Сидорка, который затеял «новую прелесть» якобы вместе с бывшими тушинскими боярами кн. Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким¹⁰⁵. В последствии это имя перекочевало в летописи¹⁰⁶. После поимки самозванца летом 1612 г., сначала псковичи, а затем московские власти и шведы установили, что в действительности под этим именем скрывался сын дьякона одной из московских церквей из-за Яузы по имени Матюшка. Он, по данным современников, не захотел идти по стопам отца и, связавшись с казаками, бежал из Москвы в Новгородскую землю, где попытался играть роль в очередной раз «чудом спасшегося царя Дмитрия»¹⁰⁷.

Появление Лжедмитрия III по времени совпало с подъемом земского освободительного движения и неудачным восстанием народа в Москве против иноземцев и их приспешников. Люди, готовившие самозванца, явно рассчитывали достичь своих целей на гребне народного недовольства. П.Г. Любомиров, ссылаясь на обличения в окружных посланиях кн. Д.М. Пожарского, К. Минина и московских бояр, пришел к выводу, что инициаторами новой самозванческой интриги являлся атаман И.М. Заруцкий и бывшие тушинцы.¹⁰⁸ Гипотеза исследователя вызывает серьезные сомнения. Он не учел, что И.М. Заруцкий являлся фаворитом «царицы» Марины Мнишек и рассчитывал править Россией именем ее малолетнего сына – «воренка Ивана».¹⁰⁹ В этой ситуации Лже-

Дмитрий III был для И.М. Заруцкого помехой на пути к власти. Неслучайно, он, по свидетельству весьма осведомленного бывшего полковника Тушинского вора Й. Будилы, противился присяге первого земского ополчения Лжедмитрию III. Атамана взбунтовавшиеся казаки привели к кресту «силой».¹¹⁰ Именно он, как видно из отписок руководителей подмосковных таборов, приложил немало усилий для разоблачения самозванца.¹¹¹ Видные тушинцы действительно сыграли заметную роль в «карьере» Лжедмитрия III, но много позже его появления в Новгороде Великом.¹¹²

Шведы, готовившие захват Новгорода Великого и внимательно следившие за событиями в городе, выяснили, что в начале будущей самозванец появился среди новгородцев под видом бродячего торговца ножами, вероятно, под именем казака Сидорки. Затем 23 марта (2 апреля) 1611 г. он явился в город с «сотней конных товарищей по беспутству», «таких же, как сам, разбойников и проходимцев» и попытался объявить себя перед горожанами в очередной раз «чудом спасшимся царем Дмитрием». Однако новгородцы не поверили ни единому слову бывшего продавца ножей, и самозванец вместе с товарищами был вынужден бежать в Ивангород, где был принят с праздничным салютом и многодневными торжествами.¹¹³ Весьма осведомленный автор Псковской летописной повести сообщил любопытную деталь, что отряд, с которым самозванец появился в Новгороде Великом, а затем бежал в Ивангород, состоял из «новгородского казачья».¹¹⁴ Арзамасский дворянин Б. Болтин, служивший от города, который целовал крест Лжедмитрию III, также отметил, что отряды самозванца в Ивангороде в основном состояли из казаков и «холопей боярских»¹¹⁵. Таким образом, у истоков самозванческой интриги на Северо-Западе страны, как и на Юго-Западе и Юге стояли

местные казаки. Именно поэтому, потерпев неудачу в Новгороде Великом они бежали не куда-нибудь, а в Ивангород, который вместе с Великими Луками и Псковом в 1608–1610 гг. являлся одним из центров переживавшего глубокий кризис местного повстанческого движения¹¹⁶. На роль «царя Дмитрия» местные казаки, так же как в свое время терские казаки, взяли жившего в Москве человека – сына дьякона церкви из-за Яузы. В Ивангороде также как в Стародубе были устроены празднества в честь обретенного «царя Дмитрия»¹¹⁷. Приведенные факты позволяют прийти к выводу, что Лжедмитрий III, также как Лжепетр, Лжедмитрий II и др. являлся типичным «казацким самозванцем»- игрушкой в руках различных социально-политических сил.

Новая концепция, согласно которой Смута начала XVII столетия являлась гражданской, а не крестьянской войной позволяет по-новому взглянуть на процесс появления самозванчества в России. Вопреки сложившимся в литературе представлениям это явление возникло не в боярской, а в дворянской среде. Оказавшись на задворках жизни Ю.Б. Отрепьев, М.А. Молчанов решились играть роль самозванца и пытались использовать для достижения поставленной цели различные социально политические силы.

Анализ источников современных событий показал, что они не содержат каких-либо данных о бытовании в крестьянской среде народных социально-утопических легенд. Легенда о «чудом спасшемся царевиче Дмитрия» была рождена «злым гением» Григория Отрепьева, прошла первоначальную обработку и нашла широкий отклик в среде разорившихся и разоряющихся служилых людей. Социально-утопические легенды об истинном и неистинном царе, как верно заметил Б.А. Успенский, явились лишь общественной реакцией на самозванцев и не объясняли при-

чину их появления. Г. Отрепьев, как видно из его походов, был, по классификации И.А. Андреева, типичным самозванцем-авантюристом, который с завидным упорством искал помощи у православных магнатов, ариан, католиков, казаков запорожских и донских, оттачивая сочиненные им легенды о «чудесном спасении царевича Дмитрия» и «измене» царя Бориса Годунова. В прошлом служилый человек и монах по неволе он отнюдь не был *самозванцем-бунтарем* – не выдвигал лозунгов радикального изменения существующего социально-политического строя, а лишь обещал реставрировать на престоле «законную» династию московских рюриковичей и восстановить порядки времени Ивана Грозного. Причем, некоторое время он колебался, какие времена вернуть: до опричных или опричные, в конце концов сделав выбор в пользу первых¹¹⁸. После его гибели роль главного организатора новой самозванческой интриги без успеха пытался играть еще один авантюрист из дворян – М.А. Молчанов. Правда, ему не хватило храбрости, решимости и упорства в достижении цели, которые были присущи предшественнику. Все последующие самозванцы, включая Лжедмитриев II и III, Ивана Дмиревич («Воренка») были *самозванцами-марионетками*, игрушками в руках различных социально-политических сил, участвовавших в повстанческом движении. Руководители повстанческого движения, прежде всего казачьей его части, выступали сочинителями легенд о «чудом спасшихся» мифических детях и внуках царя Ивана Грозного, а затем авторами-продолжателями легенд о «чудом спасшемся царе Дмитрие» и «узурпаторе» В. Шуйском.

Деклассирующиеся нижние слои служилых и податных людей стали питательной средой для широкого распространения самозванчества в России начала XVII в. Попадая в холопы, люди

сильные духом искали спасение в вольных казачьих станицах, а после появления Лжедмитрия I прониклись идеями восстановления поправленной справедливости, восстановления и улучшения утраченных социальных позиций на «воровской» службе. Самозванцы нужны были им как символ, именем которого можно было решать свои проблемы. Как только в 1612-1613 годах стало ясно, что лозунг борьбы за дело «чудом спасшегося царя Дмитрия и его сына» себя дискредитировал, образовавшееся на территории России казачье войско навязало Избирательному земскому собору кандидатуру царя Михаила Романова и позволило новым властям расправиться с Лжедмитрием III и Воренком.

Примечания

- ¹ ЧИСТОВ В. К. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. Москва, 1966. С. 29.
- ² КЛИБАНОВ А. И. Народная социально-утопическая утопия в России: период феодализма. Москва, 1977.; ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.; РУМЯНЦЕВА В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. Москва, 1986.; МЫЛЬНИКОВ А. С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Ленинград, 1991.
- ³ PERRIE M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia. The false tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. Pp. 111–112. (далее: PERRIE 1995.)
- ⁴ УСПЕНСКИЙ Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды. Т. 1. Москва, 1994. С. 142–183.
- ⁵ АНДРЕЕВ И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание-Сила. 1995. № 8. С. 46–183.; Его же Анатомия самозванства // Наука и жизнь 1999. № 10. С. 110–117.
- ⁶ УСЕНКО О. Г. Повод в народных выступлениях XVII – первой половины XIX вв. России // Вестник МГУ Сер. 8. История. 1992. № 1. С. 39–50.
- ⁷ МАУЛЬ В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII вв. Томск, 2003. С. 41–42.
- ⁸ PERRIE 1995. P. 35.
- ⁹ Подробнее см.: СКРЫННИКОВ Р. Г. Самозванцы в России начала XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. (далее: СКРЫННИКОВ 1987а.)
- ¹⁰ ПЛАТОНОВ С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Москва, 1995. (далее: ПЛАТОНОВ 1995.)
- ¹¹ СКРЫННИКОВ Р. Г. Смута в России в начале XVII ст.: Иван Болотников. Новосибирск, 1987. С. 38. (далее: СКРЫННИКОВ 1987б.)
- ¹² Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. Москва, 1977. С. 262.
- ¹³ УЛЬЯНОВСКИЙ В. И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории: В 2 ч. Киев, 1993. С. 74–75. (далее: УЛЬЯНОВСКИЙ 1993.)
- ¹⁴ СКРЫННИКОВ Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Ленинград, 1985. С. 110–112.

- ¹⁵ Челобитная чернеца Варлаама // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (далее–ААЭ). В 4 т. Т. 2. Санкт-Петербург, 1836. С. 79.
- ¹⁶ Повесть како восхити... // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Санкт-Петербург, 1909. Т. 13. Стб. 156.; Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее–ЧОИДР) Кн. 9. Разд. 2. 1847. С. 5. 7–10.
- ¹⁷ ААЭ Т. 2. № 28. С. 79.
- ¹⁸ Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606) // Смутное время Московского государства (СВМГ). Вып. 1. Москва, 1918. С. 4.
- ¹⁹ УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 80–84.
- ²⁰ Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржарета // Пер. с франц. И. П. ШАКОЛЬСКОГО и Н. В. РЕВУНЕНКОВОЙ; Сост. Ю. А. ЛИМОНОВ Москва, 1982. С. 205. (далее: МАРЖАРЕТ 1982.); ХВАЛИБОГ Г. Донесение // Временник Московского Общества истории и древностей Российских при Московском университете (ВМОИДР). 1855. Кн. 23. Смесь. С. 3–5. (далее: ХВАЛИБОГ 1855.)
- ²¹ ХВАЛИБОГ 1855. С. 4.; МАРЖАРЕТ 1982. С. 206.
- ²² ПЛАТОНОВ 1995. С. 203.
- ²³ РОЖНЯТОВСКИЙ А. Дневник Марины Мнишек / Отв. ред. Д. М. БУЛЛАНИН; Пер. с поль., предисл. и коммент. В. Н. КОЗЛЯКОВА Санкт-Петербург, 1996. С. 70. (далее: РОЖНЯТОВСКИЙ 1996.)
- ²⁴ Посольство кн. Г. К. Волконского... // Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским: В. 5. т. / Пуб. С. А. БЕЛОКУРОВА Т. 4. Москва, 1912. С. 301.
- ²⁵ БУССОВ К. Московская хроника 1584–1613 гг. // Пер. с нем. Е. И. БОБРОВОЙ; Ред. С. А. АКУЛЯНЦ Москва-Ленинград, 1961. (далее: БУССОВ 1961.); Английское донесение // СМЕРНОВ И. И. Восстание И. И. Болотникова 1606-1607 гг. Москва-Ленинград, 1951. Прил. С. 552. (далее: СМЕРНОВ 1951.)
- ²⁶ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 65–66.
- ²⁷ БУССОВ 1961. С. 321.
- ²⁸ БУССОВ 1961. С. 321.
- ²⁹ ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. Москва, 1975. С. 503. (далее: ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975.)

- ³⁰ БУССОВ 1961. С. 129.; [САВИЦКИЙ К.] Дневник / Извлечение и пересказ Я. Велевицкого // ЖОЛКЕВСКИЙ С. Записки о Московской войне. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1871. Прил. Стб. 192–193.
- ³¹ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 60–61.
- ³² Арсений [Елассонский] Мемуары // ДМИТРИЕВСКИЙ А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 139. 232.; Окружная грамота В. Шуйского 6 (16) июня 1606 г.
- ³³ РОЖНЯТОВСКИЙ 1996. С. 62.; Записки Станислава Немоевского / Публ., предисл. А. А. ТИТОВА; Пер. с поль. под ред. А. А. КОЧУБИНСКОГО // ТИТОВ А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. ВАХРОМЕЕВУ. Вып. 6. Москва, 1907. С. 100. 102–103.
- ³⁴ НЕМОЕВСКИЙ С. Указ. соч. С. 100.
- ³⁵ РОЖНЯТОВСКИЙ 1996. С. 62–66.; Дневник происшествий московских и польского в Москву пана Н. Олесницкого и его секретаря А. ГОНСЕВСКОГО / Пер. с поль., предисл. и прим. Н. Г. УСТРЯЛОВА // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1859. С. 249–260.
- ³⁶ БУССОВ 1961. С. 321.; СМИРНОВ 1951. С. 552.
- ³⁷ БУССОВ 1961. С. 321.; СМИРНОВ 1951. С. 552.
- ³⁸ РОЖНЯТОВСКИЙ 1996. С. 71.
- ³⁹ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 60–61.
- ⁴⁰ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 60–61.
- ⁴¹ Посольство кн. Г. К. ВОЛКОНСКОГО... (далее: Посольство кн. Г. К. ВОЛКОНСКОГО...) С. 312.; MACISZEWSKI J. Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 121–124.; ПИРАЛИНГ П. Исторические статьи и заметки. Санкт-Петербург, 1913. С. 401–402.
- ⁴² РОЖНЯТОВСКИЙ 1996. С. 72–73. 75.
- ⁴³ Письмо кн. Ф. Ф. Мещерского и М. А. Молчанова Я. Сапеге в феврале 1609 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (АСПБИИ РАН). К. 124. Собр. СОЛОВЬЕВА С. В. Оп. 1. Ед. хр. 402.; SAPIENA J. P. Dziennik // HIRSCHBERG A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. T. 1. S. 208.
- ⁴⁴ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 68.

- ⁴⁵ СМИРНОВ 1951. С. 365–371.; СКРЫННИКОВ 1987б. С. 161.
- ⁴⁶ Расспросные речи Лжепетра... ААЭ. Т. 2. С. 173–175.
- ⁴⁷ БОЛТИН Б. [Записки] // ПОПОВ А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции Москва, 1869. С. 330. (далее: БОЛТИН 1869.)
- ⁴⁸ БОЛТИН 1869. С. 330.
- ⁴⁹ ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И. Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. Санкт-Петербург, 1892. С. 56. и др.
- ⁵⁰ Расспросные речи Лжепетра... ААЭС. 173–175.
- ⁵¹ Расспросные речи Лжепетра... ААЭС. 173–175. БОЛТИН 1869. С. 330.
- ⁵² ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 318–319.
- ⁵³ Расспросные речи Лжепетра... ААЭ; МАРЖАРЕТ 1982. С. 180–181.
- ⁵⁴ Расспросные речи Лжепетра... МАРЖАРЕТ 1982. С. 222.
- ⁵⁵ Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРА) Т. XIV. Санкт-Петербург, 1910. С. 71. (далее: ПСРА XIV 1910.)
- ⁵⁶ PERRIE 1995. P. 96.
- ⁵⁷ Расспросные речи Лжепетра... ААЭ; МАРЖАРЕТ 1982. С. 222.
- ⁵⁸ СМИРНОВ 1951. 144. 340. 344. 369. 375–379. 381–384. 509. и др.
- ⁵⁹ PERRIE 1995. P. 132–133.
- ⁶⁰ Отправление в Крым гонца Степана Ушакова... // Акты времени правления царя Василия Шуйского 1606–1610 гг. / Сост. А. М. ГНЕВУШЕВ Москва, 1915. С. 241.
- ⁶¹ СКРЫННИКОВ 1987. С. 74–162.
- ⁶² БУТУРАИН Д. История Смутного времени. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1841. Прил. 7.; ПСРА XIV. 1910. С. 78.; БОЛТИН 1869. С. 339.
- ⁶³ СВИРИДОНОВА В. П., ТЮМЕНЦЕВ И. О. Описание путешествия монахов по Волге в 1606–1607 гг. Вып. 2. // Сретенъ. Волгоград, 2001. С. 414.
- ⁶⁴ ПСРА XIV 1910. С. 89.
- ⁶⁵ Расспросные речи Лжепетра... ААЭ; БОЛТИН 1869. С. 330.
- ⁶⁶ СТАНИСЛАВСКИЙ А. А. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. Москва, 1990. С. 29.
- ⁶⁷ Собрание государственных грамот и договоров Ч. 2. (далее: СГТ и Д.) М., 1819. № 154. 156. 167.; ААЭ Т. 2. № 90. 93. 107. 119. 120. 127. 128. 137.; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией Т. 2. (далее: АИ) Санкт-Петербург, 1841. № 157.

- ⁶⁸ Расспросные речи пленных тушинцев // ААЭ Т. 2. № 91. 94. С. 186. 191–192.
- ⁶⁹ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 193.
- ⁷⁰ Баркулабовская летопись // ПСРА Т. XXXII. Москва, 1975. С. 191–192. (далее: ПСРА XXXII 1975.)
- ⁷¹ БУССОВ 1961. 144.
- ⁷² САВИЦКИЙ К. Дневник / Извлечение и пересказ Я. Велевицкого // Жолкевский С. Записки о Московской войне. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1871. Прил. Стб. 191–192. (далее: САВИЦКИЙ 1871.)
- ⁷³ САВИЦКИЙ 1871. Стб. 191–192.
- ⁷⁴ МАСКЕВИЧ С. Дневник 1594–1621 гг. // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1859. С. 29–30.; (далее: МАСКЕВИЧ 1859.) List A. Sapiehi do Zygmunta III... (далее: List A. Sapiehi do Zygmunta III...) // HIRSCHBERG A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Т. 2. // ОР АНБ НАНУ. Ф. 5. Ossolineum. № 5998/III Ya. (далее: HIRSCHBERG A. Polska a Moskwa Т. 2.)
- ⁷⁵ БУССОВ 1861. С. 334.; МАСКЕВИЧ 1859. С. 29–30.; ХВАЛИБОГ 1855. С. 4.; TOWJAŃSKI Z. Historia // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. IV. 33. Л. 119. об.
- ⁷⁶ List A. Sapiehi do Zygmunta III... ПСРА XXXII. С. 192.; СКРЫННИКОВ 1987. С. 193.
- ⁷⁷ List A. Sapiehi do Zygmunta III...
- ⁷⁸ Nowiny z Moskwy 13 (23) stycznia 1607. г. // HIRSCHBERG A. Polska a Moskwa Т. 2.
- ⁷⁹ List A. Sapiehi do Zygmunta III...
- ⁸⁰ List A. Sapiehi do Zygmunta III...
- ⁸¹ Посольство кн. Г. К. Волконского... С. 344–346.
- ⁸² Nowiny z Moskwy 13 (23) stycznia 1607. г.
- ⁸³ ПСРА XIV. 1975. С. 192.
- ⁸⁴ СКРЫННИКОВ 1987. С. 196.
- ⁸⁵ БУССОВ 1961. С. 144. 275.; МАРЧОСКИ М. Historia wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 6–7. (далее: МАРЧОСКИ 1841.); ПСРА XXXII 1975. С. 192.; ПСРА XIV 1910. С. 76. СТОЛЬНИК А. А. Нагой в то время находился на государевой службе, по видимому, в Москве. См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: В 2 ч. / Публ. С.П. МОРДОВИНОЙ и А. Л. СТАНИСЛАВСКОГО. Москва, 1979. С. 253.
- ⁸⁶ БУССОВ 1961. С. 144.

- ⁸⁷ ГИРШБЕРГ А. Марина Мнишек. Москва, 1908. С. 48.
- ⁸⁸ Посольство кн. Г. К. Волконского... С. 372–373.; РОЖНЯТОВСКИЙ 1996. С. 99. 153.
- ⁸⁹ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 189.
- ⁹⁰ ПСРА XXXII 1975. С. 192.; МАРЧОСКИ М. 1841. 6–7. Historia wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 6–7. (далее: МАРЧОСКИ 1841.)
- ⁹¹ БУССОВ 1961. С. 144.; БУДИЛА Й. История ложного Дмитрия 1603–1613 гг. // Памятники, относящиеся к Смутному времени начала XVII ст. Т. 1. (Серия Русская историческая библиотека – далее: РИБ) Санкт-Петербург, 1872. Стб. 123–124 (далее: БУДИЛА 1872.); МАРЧОСКИ 1841. S. 6–7.; ПСРА XIV 1910. С. 78.
- ⁹² ПСРА XXXII 1975. С. 192.
- ⁹³ БУССОВ 1961. С. 144.; ПСРА XIV 1910. С. 78.
- ⁹⁴ БУССОВ 1961. С. 144–146.
- ⁹⁵ СКРЫННИКОВ 1987б. С. 198.
- ⁹⁶ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне / Пер. с поль., предисл. и прим. П. А. Муханова. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1871. С. 116.; История Дмитрия Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской // *Русский архив* 1906. Кн. 2. № 6. С. 212.; БУДИЛА 1872. Стб. 121.
- ⁹⁷ ПСРА XXXII 1975. С. 191.; БУДИЛА 1872. Стб. 123.
- ⁹⁸ БУССОВ 1961. С. 144.
- ⁹⁹ List Dmitra Falszywego do Mogilewa 12 (22) lipca 1607 г. // ОР АНБ НАНУ. Ф. 5. № 168. Л. 527–527. об...; БУДИЛА 1872. Стб. 123.
- ¹⁰⁰ МАРЧОСКИ 1841. S. 8.
- ¹⁰¹ МАРЧОСКИ 1841. S. 8.; БУДИЛА 1872. Стб. 124.; БУССОВ 1961. С. 145.
- ¹⁰² БУССОВ 1961. С. 145.
- ¹⁰³ БУССОВ 1961. С. 145.
- ¹⁰⁴ Псковская третья летопись // *Псковские летописи*. Т. 2. Москва, 1955. (далее: Псковская третья летопись 1955.) С. 275.; ПЕТРЕЙ П. История о великом княжестве Московском // *История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.* Москва, 1997. С. 360. (далее: ПЕТРЕЙ 1997.); ВИДЕКИНД Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. Москва, 2000. С. 164. В комментариях к сочинению Ю. Видекинда ошибочно указано, что самозванца выдвинули в 1609 г. бывшие тушинцы и, что он впервые появился в 1611 г. в Ивангороде (ВИДЕКИНД 2000. С. 590.)

¹⁰⁵ Грамота кн. Д. М. Пожарского и К. Минина вычегодцам 7 апреля 1607 г. с осуждением присяги подмосковных таборов Псковскому вору // АЛЭ. Т. 2. № 203. С. 256.

¹⁰⁶ ПСРА XIV 1910. С. 115. 118.

¹⁰⁷ Псковская летописная повесть о смутном времени // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII вв. Москва, 1987. С. 158. (далее: Псковская летописная повесть 1987); БОЛТИН 1869. С. 354.; С. 115. ВИДЕКИНД 2000. С. 164.

¹⁰⁸ ЛЮБОМИРОВ П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1612 гг. Москва, 1939. С. 101.

¹⁰⁹ ПЕТРЕЙ 1997. С. 360.

¹¹⁰ БУДИЛА 1872. Стб. 286–287.

¹¹¹ Окружная грамота кн. Д. М. Пожарского // СГГ и Д. Ч. 2. № 281. С. 597.

¹¹² Псковская третья летопись 1955. С. 277.; БОЛТИН 1869. С. 354.; ПСРА XIV 1910. С. 115.

¹¹³ ВИДЕКИНД 2000. С. 164–165.; ПЕТРЕЙ 1997. С. 360.

¹¹⁴ Псковская летописная повесть 1987. С. 158.

¹¹⁵ БОЛТИН 1869. С. 354.

¹¹⁶ Псковская летописная повесть 1987. С. 158.; ВИДЕКИНД 2000. С. 164–165; ПЕТРЕЙ 1997. С. 360.

¹¹⁷ ВИДЕКИНД 2000. С. 164–165.; ПЕТРЕЙ 1997. С. 360.

¹¹⁸ СКРЫННИКОВ 1987а. С. 157.

Приказный аппарат Московского государства в царствование Лжедмитрия I

Д. В. ЛИСЕЙЦЕВ

В череде самозванцев, претендовавших на российский престол, первым и самым удачливым оказался Лжедмитрий I. Ему удалось, хоть и относительно ненадолго, добиться своей цели. В течение 11-ти месяцев Лжедмитрий I владел российской столицей, являлся венчанным государем, что делало его власть по политическим понятиям того времени вполне легитимной. Сохранившиеся до настоящего времени источники позволяют составить достаточно целостное впечатление как о политике первого русского самозванца, так и о конкретных механизмах, посредством которых он эту политику осуществлял. Настоящая статья посвящена рассмотрению состояния центральных органов управления Московского царства – приказной системы – в период царствования Лжедмитрия I.

Нарративные источники начала XVII века повествуют о приказах времени Лжедмитрия I весьма лаконично. Так, в частности, голландский купец Исаак Масса в своем сочинении констатировал, что «Все прежние чиновники, как то: дьяки, подьячие, конюшые, ключники, стольники, повара и слуги были удалены и замещены теми, коим царь более доверял»¹. Дьяк Иван Тимофеев, автор знаменитого «Временника», критикуя кадровую политику царя Бориса Годунова, направил свою филиппику и в адрес преемников этого государя: «он, а еще более такие же, после него быв-

шие, превратили в ничто должности начальников, следующих за первыми вельможами, действительных дьяков, которые в этих чинах состояли и почтены были данной властью по избранию и благоволению, без всякой награды отказывая им, а на их место на долгий срок назначили поставленных за взятки. Эти не привыкли и не знали совершенно того, что в достаточной мере и самостоятельно постигли наученные долгим опытом изрядные дьяки, опытные в управлении и в постепенном движении текущих дел. Те же едва только немного и несовершенно умели каждый при начертании своего имени пером на бумаге криво, как бы не свою, трясущуюся протащить руку и ничего более. На прочее же, что было свойственно подобным чинам, они были никак не способны, разве только на явное и тайное совершение зла»².

Таким образом, современники как будто указывают на то, что в приказной системе при Лжедмитрии произошли существенные кадровые перемены. Процитированные выше источники сообщают о том, что Лжедмитрий удалил от дел дьяков и подьячих Бориса Годунова и, по-видимому, продолжил линию своего предшественника, назначая в приказы новых людей, не имевших солидного стажа и опыта приказной службы. Во всяком случае, именно к таким выводам приходят современные исследователи начального этапа Смутного времени. Так, украинский историк В.И. Ульяновский утверждает, что «личный состав руководства приказного аппарата в июне 1605 г. – мае 1606 г. претерпел серьезные изменения, на своих местах остались лишь некоторые дьяки»³. Н.В. Рыбалко подсчитала, что на службе у Лжедмитрия в центральных приказах осталось не более трети дьяков Бориса Годунова. Покинув государственную службу с воцарением самозванца, они возвратились в приказы лишь после его свержения, при Ва-

силии Шуйском. Исследовательница констатировала: «Среди дьяков и подьячих произошёл раскол: часть из них признала власть нового царя и стала ему опорой и поддержкой в управлении страной, другая же часть вернулась к службе лишь после восшествия на престол Василия Шуйского»⁴. К вопросу о персональном составе руководства московских приказов я вернусь в конце доклада. Здесь отмечу лишь безусловную фантастичность нарисованной Н.В. Рыбалко картины: получается, что добрых две трети руководителей приказов отказались служить государю, венчанному на царство, и сумели без трагических для себя последствий пережить его царствование. Для XVII столетия (да и последующих веков) подобная ситуация совершенно нереальна.

Ни дьяк Иван Тимофеев, ни голландец Исаак Масса, тем не менее, не составили сколько-нибудь развернутого описания приказного строя Московского государства начала XVII в. Однако в распоряжении ученых имеется ценнейший источник, воспроизводящий с практически фотографической точностью состояние приказной системы в период царствования Лжедмитрия I. Парадоксальным образом, этот документ, известный исследователям более полутора столетий, для реконструкции истории царствования первого самозванца никогда ранее не использовался. Причиной тому являлась неправильная датировка источника, который произвольно, вслед за публикаторами, относили к т.н. периоду «междоцарствия» 1610 – 1613 гг. Речь идет об опубликованной в 1841 г. во II томе «Актов исторических» «Записке о царском дворе». Автору настоящего доклада удалось доказать, что данный документ был составлен в царствование Лжедмитрия I и отражает состояние приказного строя в первой половине его правления. Предполагаемым автором этого сочинения был один из прибли-

женных самозванца – казначей и думный дьяк Посольского приказа Афанасий Иванович Власьев. Обоснование новой датировки «Записки о царском дворе» изложено мною в особой статье⁵.

Уточненная датировка «Записки о царском дворе» позволяет значительно скорректировать представления о развитии приказного строя. Так, в частности, мы можем утверждать, что во время царствования Лжедмитрия I существовали уже Серебряная палата и Устюжская четверть (ранее их возникновение датировалось периодом «междущарствия»). Кроме того, источник дает нам одни из последних упоминаний Дмитровского и Рязанского судебных приказов (прежде предполагалось, что они просуществовали до 1611 г.). Вместе с тем, в «Записке о царском дворе» отсутствуют упоминания о двух приказах, которые, несомненно, существовали незадолго до того.

Первый из этих приказов – Московский судебный. Три остальных судебных приказа в «Записке о царском дворе» названы: «Судные приказы: Володимерской, Дмитровской, Рязанской, а в них по боярину да по дьяку, росправу чинят всяким делам»⁶. Замечу, что судьба Московского судебного приказа в конце XVI – начале XVII вв. вообще была весьма непростой. Он был учрежден на исходе царствования Ивана Грозного и ведал судом членов его «особого двора». После смерти Ивана IV Московский судебный приказ был упразднен; его восстановили лишь в начале царствования Бориса Годунова. В «Записке о царском дворе», как отмечено выше, это ведомство не упомянуто. Представляется, что Московский судебный приказ был упразднен при Лжедмитрии, поскольку был в его глазах нововведением царя Бориса.

Не обнаруживается в «Записке о царском дворе» также упоминания о приказе Нижегородской четверти⁷. Впрочем, в жалован-

ной грамоте одному из нижегородских монастырей от 15 октября 1605 г. Нижегородская четвь названа: «и нам бы их пожаловати, велети тое прежную грамоту переписать на наше царское имя и в Нижегородской чети перед дьяки нашими перед Петром Желябужским да перед Алексеем Аргамаковым тое грамоту...»⁸. Однако из грамоты вовсе не следует, что в октябре 1605 г. этот приказ еще существовал. Упоминание о Нижегородской чети и ее руководителях попало в жалованную грамоту из челобитной, присланной из Нижнего Новгорода, где в начале осени могли еще не знать о ликвидации Нижегородской четверти. По всей видимости, летом 1605 г. Нижегородская четверть была упразднена. Земли, подведомственные Нижегородской четверти, были возвращены под управление Новгородской чети, где находились ранее. Возможно, этот шаг Лжедмитрия I был продиктован тем, что Нижегородская четверть, в отличие от прочих четвертных приказов, была безусловным результатом административных реформ царя Бориса.

Итак, при Лжедмитрии I были упразднены два приказа из ранее существовавших (общая численность самостоятельных приказов на тот момент составляла почти три десятка). В то же время ни одного нового приказного учреждения при Лжедмитрии, по всей видимости, создано не было. Правда, в «Записке о царском дворе» приказ Устюжской чети назван «новоприбылым». Однако нет никаких оснований считать Устюжскую четвь административным нововведением Лжедмитрия. Четвертной приказ, ведавший городами и уездами будущей Устюжской четверти, известен с конца XVI в. С 1584 по 1602 гг. этой четвертью управлял дьяк Поместного приказа Е. Вылузгин, по имени которого приказ и называли четью Елизария Вылузгина⁹. На исходе XVI столетия эта четверть организационно обособилась от По-

местного приказа, но имела с ним общего руководителя – все того же Вылузгина. После того, как Вылузгин в 1602 г. отошел от дел, четверть и Поместный приказ в течение двух лет имели разных руководителей, что означало окончательное обособление четвертного приказа. Однако в 1604 г. глава четверти – дьяк В. Марков – был назначен одновременно и руководителем Поместного приказа. Следовательно, четвертной приказ вновь оказался привязан к приказу Поместному. В начале царствования Лжедмитрия I В. Марков был удален из Поместного приказа, но Устюжская четверть была оставлена под его руководством. Можно сказать, что именно с этого времени Устюжская четь стала совершенно самостоятельным ведомством. С нею это произошло позже, чем с Новгородской, Владимирской, Галицкой, Костромской четвертями. Именно поэтому в составленной в 1605 г. «Записке о царском дворе» Устюжская четь названа «новоприбылной»¹⁰.

В исторической литературе можно обнаружить указание на создание при Лжедмитрии I еще одного четвертного приказа, именованного Важской четвертью. Впервые сведения об этом ведомстве, относящиеся к декабрю 1605 г., обнаружил Н.П. Лихачев. В найденной им платежной расписке значилось: «Лета 7114 декабря в 24 день по государеву цареву и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии указу по приказу околничего Михайла Игнатьевича Татищева Иван Шишилов да Иван Федосьев взяли в государеву казну в Важской приказ Важского уезда з Гарасимовы вотчины Едемского з братьею оброку и дани... Приписал Иван Шишилов»¹¹. Позднее П.А. Садиков обратил внимание на новые данные об этом приказе, относящиеся к началу 1607 г.¹² По мнению П.А. Садикова, Важская четверть была особым, хотя и недолговечным приказом, который был упразднен в связи с пожа-

лованием Важской волости боярину князю Д.И. Шуйскому. Сам факт создания этого приказа исследователь расценил как свидетельство того, что сбор доходов с Ваги особенно заботил Лжедмитрия I и Василия Шуйского¹³. В дальнейшем о существовании Важской четверти при Лжедмитрии I как об установленном факте писали В.И. Ульяновский и Н.В. Рыбалко¹⁴.

Отметим, однако, что не со всеми выводами вышеназванных исследователей можно согласиться. Прежде всего, серьезные сомнения вызывает предположение П.А. Садикова, согласно которому для сбора доходов с Важской волости было необходимо создавать особое центральное приказное учреждение. Подобных прецедентов в истории приказной системы не было. Приказ мог быть создан для управления крупной новоприсоединенной областью (как, например, в середине XVII в. были сформированы приказ Великого княжества Литовского и Смоленский приказ). Однако и для управления крупными территориальными приобретениями отдельные приказы создавались далеко не всегда. В частности, Сибирь, включение которой в состав Московского государства началось в конце XVI в., долгое время управлялась из приказа Казанского дворца. В связи с этим предположение о том, что для управления относительно небольшой Важской волостью, давно и прочно входившей в состав Московской державы, требовалось создание особого Важского приказа, представляется необоснованным. Заметим также, что в начале XVII в. Важская волость не была уже персональной собственностью Годуновых; в 1602 – 1605 гг. (в том числе – в начале царствования Лжедмитрия) она находилась в ведении приказа Казанского дворца¹⁵.

Ключ к решению проблемы «Важского приказа» обнаруживается в ходе анализа служебных биографий его служащих. В

конце 1605 г. среди них упоминаются окольный М.И. Татищев и подьячие И. Шипилов, И. Федосьев; в начале 1607 г. – окольный И.Ф. Крюк-Колычев и дьяк И. Уваров. Известно, что окольный И.Ф. Крюк-Колычев в 1607 – 1609 гг. был дворецким и, следовательно, возглавлял приказ Большого дворца¹⁶. Подьячий Иван Федосьев позже, в 1614 – 1618 гг., известен как старый подьячий приказа Большого дворца¹⁷. Вероятно, именно в ведении приказа Большого дворца дворцовая Важская волость и находилась с конца 1605 г.

Итак, в конце 1605 г. (между 1 октября и 24 декабря) Важская волость была передана из приказа Казанского дворца в ведение Большого дворца. У нас нет оснований утверждать, что в течение 1605 – 1607 гг. в Москве функционировал особый четвертной приказ, именованный Важской четвертью: этим названием жители Важского уезда именовали приказ, которому были подотчетны в финансовых вопросах, т.е. приказ Большого дворца.

Анализ источников, таким образом, позволят утверждать, что при Лжедмитрии I не было учреждено ни одного нового приказа; два из ранее существовавших приказов (Московский судный и Нижегородская четь) были в его царствование упразднены. Вернемся теперь к рассмотрению вопроса о приказных руководителях периода царствования Лжедмитрия I.

В ходе произведенного мной исследования приказного аппарата Московского царства эпохи Смуты удалось установить, что в конце XVI – первой четверти XVII в. в столичных приказах одновременно несло службу не более полусотни дьяков (обыкновенно – 48 человек)¹⁸. Обобщение сведений, содержащихся в источниках периода царствования Лжедмитрия I, позволило выявить имена 44 дьяков, несших службу в приказах первого са-

мозванца (6 думных дьяков и 38 приказных)¹⁹. Очевидно, что эта реконструкция не является исчерпывающей. Некоторые дьяки выбыли из приказов в самом начале царствования Лжедмитрия, как, например, И. Максимов и Т. Корсаков. Появившиеся вследствие выбытия этих дьяков вакансии, как представляется, должны были кем-то замещаться.

Отметим также, что мы не располагаем сведениями о дьяках девяти ведомств – Конюшенного, Иноземского, Пушкарского, Разбойного приказов, Владимирской и Костромской четей, Яззанского судного приказа, Старого и Нового Земских дворов. Все это заставляет нас предположить, что перечень приказных дьяков времени царствования Лжедмитрия может быть расширен. Так, в Конюшенном приказе, надо полагать, служил в то время дьяк Г. Золотарев, которого мы видим в этом ведомстве при Борисе Годунове и при Василии Шуйском²⁰. С теми же основаниями предполагаем факт службы в приказах В. Тараканова (Казенный двор)²¹, И. Федорова (Постельничий приказ)²², Д. Раковского (место службы неизвестно)²³. На Земских дворах, вероятно, несли службу дьяки С. Самсонов и Л. Талызин. Помимо этого известно, что в Москве находились при Лжедмитрии еще несколько дьяков: Г. Витовтов (послан верстать жалованьем суздальских детей боярских)²⁴; Д. Бохин (был приставом у польских послов)²⁵; Т. Бровцын (описывал по приказу Лжедмитрия имущество сестер князя Мстиславского)²⁶; Т. Осипов (перед переворотом 17 мая 1606 г. явился к Лжедмитрию с обличениями и был убит)²⁷. Всего, таким образом, мы получаем список из имен 54-х дьяков и думных дьяков, служивших в приказах в 1605 – 1606 гг. (причем о службе 44 дьяков мы можем говорить с полной уверенностью). Следовательно, при Лжедмитрии I штат приказного руководства в численном

отношении не претерпел заметных изменений. В центральных приказах при самозванце, как и в предыдущие годы, служило около полусотни дьяков.

Проверим теперь, подтверждаются ли тезисы И. Массы и И. Тимофеева о том, что Ажедмитрий в значительной степени обновил персональный состав московских приказов за счет изгнания из центральных ведомств старых служащих и пожалования в дьяки новых лиц. Сопоставление перечней дьяков, служивших в Москве при Борисе Годунове в 1604 г. и при Ажедмитрии I в 1605 – 1606 гг., показывает, что подавляющее большинство приказных руководителей времени самозванца служили прежде в дьячем чине и царю Борису. Из полусотни приказных дьяков Ажедмитрия лишь восемь впервые упоминаются в этом качестве при самозванце: думный дьяк Т.И. Луговской и дьяки Н. Алексеев, П. Кузьмин, П. Лошаков, Г. Мартемьянов, П. Палицын, А. Подлесов, П. Рагозин. Кроме них на службу были возвращены находившиеся долгое время не у дел дьяки И.Ф. Стрешнев и Р. Толмачов (первый покинул службу в 1584 г., второй – в 1589 г.). Надо полагать, что, привлекая к службе в приказах этих людей, Ажедмитрий I демонстрировал связь и преемственность своего царствования со временем своих мнимых отца и брата. Прочие дьяки, служившие в 1605 – 1606 гг. в московских приказах, служили до того и Борису Годунову. Более того, на службе в Москве были оставлены многие лица, получившие дьячий чин непосредственно от царя Бориса (таких насчитывается не менее 15-ти человек). Некоторые из них в приказной системе при Ажедмитрии заняли довольно высокие посты – И. Грамотин, Т. Витовтов, С. Чередов и, возможно, В. Янов, стали думными дьяками, Г. Желябужский стал дьяком приказа Большого дворца, А. Шапилов – Казанского дворца.

Таким образом, совершенно новых лиц в составе приказного руководства при Ажедмитрии I было немного, и вряд ли мы имеем основания утверждать, что самозванец обновил состав московского дьячества более чем на 20% (для сравнения – кадровая политика в конце царствования Бориса Годунова и в первый год правления Василия Шуйского была вдвое активнее). Пополнение дьячества при Ажедмитрии происходило преимущественно за счет подьячих. Мы располагаем данными, согласно которым, по меньшей мере, пятеро из восьми новопожалованных дьяков прежде были подьячими (П. Кузьмин²⁸, П. Лошаков²⁹, Т. Луговской³⁰, Г. Мартемьянов³¹, П. Палицын³²).

Нельзя при этом не отметить, что серьезные изменения в составе руководства приказов все же произошли. Оставив в Москве прежних дьяков, Ажедмитрий, тем не менее, изменил состав руководства ключевых приказов. Значительно обновлен был штат Разрядного приказа. Из прежних дьяков Разрядного приказа на своих местах остались Т. Витовтов и И. Карташов. На смену выбывшим судьям в Разряд получили назначения сразу четыре дьяка. Московский разряд возглавил думный дьяк И. Стрешнев, вернувшийся в приказную систему после более чем двадцатилетнего перерыва³³. Новгородским разрядом назначили руководить думного дьяка Т. Луговского³⁴. Из подьячих Разрядного приказа в дьяки этого же ведомства был произведен П. Лошаков³⁵. В качестве разрядного дьяка при Ажедмитрии упоминается В. Янов, ставший дьяком при Борисе Годунове, но в Москве службы до этого не несший³⁶. Все четыре дьяка, назначенных в Разряд Ажедмитрием, в известной степени могут быть названы новыми лицами в московских приказах.

Посольский приказ в начале царствования Ажедмитрия остался под управлением думного дьяка А. Власьева. С его отбы-

нием в сентябре 1605 г. во главе миссии в Польшу судьей Посольского приказа был назначен думный дьяк И. Грамотин. Впрочем, по возвращении в Москву в апреле 1606 г., Власьев вновь оказался во главе Посольского приказа, где оставался и Грамотин.

Несколько раз за время царствования Лжедмитрия успел измениться состав руководства Поместного приказа. Из приказа был удален прежний руководитель В. Марков; дьяк И. Ефанов был оставлен на прежнем месте службы. Кроме того, в приказ получили назначение Г. Мартемьянов, пожалованный в дьяки из подьячих. Судьей Поместного приказа был сделан думный дьяк И. Грамотин. Но уже в сентябре 1605 г. на смену Грамотину был назначен боярин П.Н. Шереметев. Вместе с ним в приказе появились дьяки Р. Толмачев (бывший не у дел с 1589 г.) и Д. Яковлев (дьяк с 1602 г., но в Москве на службе впервые появляется лишь при Лжедмитрии). В ноябре 1605 г. Поместным приказом руководил уже возвращенный из опалы и произведенный в думные дьяки С. Чередов. До конца правления Лжедмитрия I руководящий состав Поместного приказа успел измениться еще раз. В феврале – марте 1606 г. во главе приказа стоял Т. Витовтов, получивший думный чин из рук Лжедмитрия. Как видно, руководство Поместного приказа при Лжедмитрии успело смениться четырежды, и во всех случаях в его составе заметны лица, обязанные своим служебным положением новому царю (при этом совершенно новым дьяком в приказе был лишь Г. Мартемьянов).

Произошли заметные перемены и в руководстве приказа Большого дворца. Прежде всего, Лжедмитрий лишил должности дворецкого боярина С.В. Годунова. Из дворцового ведомства были удалены дьяки Ф. Голенищев³⁷, См. Васильев³⁸. На смену отставленным чинам Большого дворца пришли новые. Уже в походе к

Москве в июне 1606 г. самозванца сопровождал в чине дворецкого думный дворянин А.В. Измайлов. В Москве его сменил боярин князь В.М. Рубец-Мосальский. Вместе с ним в декабре 1605 г. в приказе Большого дворца несли службу дьяки Г. Желябужский, В. Нелюбов, С. Ефимьев³⁹. Желябужский был дьяком еще при царе Федоре, но около 10-ти лет, до 1604 г., нес службу как выборный сын боярский по Козельску. За год до падения правительства Годуновых он вновь был пожалован в дьяки; его выдвижение в первые дьяки Большого дворца было серьезным карьерным взлетом, позволившим ему в дальнейшем стать думным дьяком. В приказе Большого дворца при самозванце появляются и другие новые лица. Из подьячих Посольского приказа при Лжедмитрии был пожалован в дьяки Большого дворца П. Палицын⁴⁰. В отделении Большого дворца – Новгородском дворце – несли при Лжедмитрии службу дьяки З. Свизев и К. Иевлев. Оба они были дьяками и прежде (Свизев начинал свою карьеру еще при Иване Грозном), но после 1599 г. известия о них в источниках исчезают вплоть до воцарения Лжедмитрия I⁴¹. Дьяк С. Ефимьев, по всей видимости, оказался единственным представителем администрации приказа Большого дворца, оставшимся на прежнем месте со времени Бориса Годунова⁴². Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что высказывание И. Массы, согласно которому «все прежние чиновники, как то: дьяки, подьячие... были удалены и замещены теми, коим царь более доверял»⁴³ относится именно к штату Большого дворца. При этом можно отметить, что из руководителей этого ведомства в дьяки был пожалован при Лжедмитрии только П. Палицын. Все прочие дьяки получили свой чин значительно раньше. Самозванец, таким образом, пользовался преимущественно услугами опытных приказных людей, привлекая к службе

дьяков своих мнимых отца и брата, а также дьяков, бывших при Борисе Годунове не у дел.

Произошли перемены и в других ведомствах. На Казенном дворе остались прежние дьяки, однако была восстановлена долгое время оставшаяся вакантной должность казначея – им стал думный дьяк А.И. Власев; с февраля 1606 г. казначеем был также окольный В.П. Головин. Во главе приказа Казанского дворца оказался выдвиженец Ажедмитрия – думный дьяк и печатник Б. Сутопов, который через несколько месяцев уступил место более родовитым судьям: боярам князьям Д.И. Шуйскому и В.К. Черкасскому, вместе с которыми в приказе появился отозванный самозванцем из Казани дьяк А. Шапилов. При Ажедмитрии изменился и состав руководства главного финансового ведомства Московского государства – приказа Большого прихода. К сентябрю 1605 г. на смену прежним руководителям были назначены боярин князь Б.П. Татев и дьяк П. Матюшкин. С февраля 1606 г. на службе в Большом приходе появляется дьяк Н. Алексеев, пожалованный в дьяки при Ажедмитрии⁴⁴. В Большом приходе, таким образом, наблюдается та же тенденция, что и в приказах, штат которых был рассмотрен нами выше. Руководить Стрелецким и Панским приказами было доверено фавориту Ажедмитрия – боярину П.Ф. Басманову. Несколько раз за время царствования Ажедмитрия изменялся состав руководства Дмитровского судного приказа; новые дьяки заметны на Патриаршем дворе при новом патриархе Игнатии. Без существенных перемен в период правления Ажедмитрия обошлось в четвертных приказах (Новгородская, Галицкая, Устюжская чети), а также в Ямском приказе.

Сделанные наблюдения позволяют дать высокую оценку кадровой политики, проводимой Ажедмитрием в московских при-

казах. При минимальном привлечении новых лиц к руководству центральными ведомствами, самозванцу удалось распределить имевшиеся в наличии людские ресурсы, обеспечив нормальное функционирование приказов и лояльность руководителей ключевых учреждений к себе лично. Тем не менее, во второй половине своего царствования Ажедмитрий несколько ослабил контроль над системой приказов, что, в конечном итоге, дорого ему обошлось. В конце 1605 г. из ссылки были возвращены опальные князья Шуйские. С этого же времени во главе приказов все более заметными становятся люди, которых можно отнести к числу сторонников этой аристократической семьи. В самом конце декабря 1605 г. во главе Большого дворца ненадолго появляется окольный М.И. Татищев, бывший впоследствии активным участником заговора против Ажедмитрия⁴⁵. В феврале 1606 г. во главе Казенного приказа стал окольный В.П. Головин, представитель семейства, связанного с Шуйскими прочными узами. В приказе Большого дворца дьяком стал П. Палицын, представитель семьи, пострадавшей за участие в заговоре князей Шуйских против Бориса Годунова в 1586 г. В конце февраля – начале марта 1606 г. назначение на пост судьи приказа Казанского дворца получил боярин князь Д.И. Шуйский. Приказ Большого прихода еще с сентября 1605 г. возглавлялся боярином князем Б.П. Татевым. Он одним из первых перешел на сторону самозванца в 1604 г., но принадлежал к семейству, попавшему в опалу вместе с Шуйскими в 1586 г.⁴⁶ Вероятно, заговорщикам удалось привлечь на свою сторону и руководителя Поместного приказа, думного дьяка Т. Витовтова. Во всяком случае, он один из немногих думных дьяков Ажедмитрия сохранил свой пост и при Василии Шуйском. Следует помнить, что около этого самого времени боярская оппозиция

вступила в тайные переговоры с польским королем относительно низложения Ажедмитрия, начались разговоры среди стрельцов о самозванстве государя, были предприняты первые попытки покушения на царя, а также был взят под стражу и сослан в монастырь царь Симеон Бекбулатович⁴⁷. Сопоставляя эти сведения с отмеченными выше перестановками в руководстве московских приказов, можно констатировать, что организованный Шуйскими новый заговор против Ажедмитрия готовился весьма долго и основательно – с рубежа 1605 – 1606 гг. Вряд ли поэтому есть основания утверждать, что царь Дмитрий Иванович был свергнут в результате народного восстания – он пал жертвой изощренного, тщательно подготовленного дворцового переворота.

Приложение: Руководство центральных приказов периода царствования Ажедмитрия I (1605-1606 гг.)

Сокращения

б. – боярин;	казн. – казначей;
д. – дьяк;	кн. – князь;
дв-й – дворецкий;	кон. – конюший;
дд. – дьяки;	ок. – окольник;
д/д. – думный дьяк;	печ. – печатник
д/дв. – думный дворянин;	пост. – постельничий;
	яс. – ясельничий

Название приказа	Руководители
1. Разрядный	<i>Московский разряд:</i> д/д. И.Ф. Стрешнев, д. (в феврале 1606 г. – д/д.) Т.А. Витовтов), дд. И. Карташов, П. Лошаков; <i>Новгородский разряд:</i> д/д. Т.И. Луговской, д. (возможно – д/д.) В. Янов ⁴⁸ .
2. Посольский	д/д. А.И. Власьев (до отбытия в Польшу в сентябре 1605 г.), д/д. И.Т. Грамотин (с сентября 1605 г.) ⁴⁹ .
3. Поместный	д/д. И. Грамотин (до перевода в Посольский приказ в сентябре 1605 г.), б. П.Н. Шереметев (в сентябре 1605 г.); д/д. С.В. Чередов (в ноябре 1605 – январе 1606 гг.); д/д. Т.А. Витовтов (с февраля – марта 1606 г.); дд. И. Ефанов, Г. Мартемьянов; Р. Толмачов (с сентября 1605 г.), д. Яковлев (с сентября 1605 г.) ⁵⁰ .
4. Большого дворца	<i>Большой Московский дворец:</i> дв-й д/дв. А.В. Измайлов (июнь, в походе Ажедмитрия к Москве); дв-й б. кн. В.М. Мосальский; ок. М.И. Татищев (в декабре 1605 г., недолго); дд. С. Ефимьев, Г. Желябужский (с декабря 1605 г.), В. Нелюбов (с июня 1605 г.), П. Палицын; <i>Новгородский дворец:</i> дд. З. Свизев; К. Иевлев ⁵¹ .
5. Казанского дворца	печ. и д/д Б. Сутупов (октябрь 1605 – февраль 1606 гг.), д. Н. Федоров (до февраля 1606 г.); б. кн. Д.И. Шуйский (с марта 1606 г.), б. кн. В.К. Черкасский (с марта 1606 г.), д. А. Шапилов (с марта 1606 г.) ⁵² .
6. Большого прихода	д. И. Максимов (до сентября 1605 г.), д. И. Тимофеев (до сентября 1605 г.); б. кн. Б.П. Татев, дд. П. Матюшкин (с сентября 1605 г.), Н. Алексеев (с февраля 1606 г.) ⁵³ .
7. Новгородская четь	дд. Ф. Янов, Н. Федоров (с весны 1606 г.) ⁵⁴ .
8. Галицкая четь	д. А. Алябьев ⁵⁵ .
9. Устюжская четь	дд. В. Марков, И. Салманов ⁵⁶ .

10. Нижегородская четь ⁵⁷	дд. П. Желябужский и А. Аргамаков ⁵⁸ .
11. Костромская четь	Нет данных.
12. Владимирская четь	Нет данных, предположительно – д. Г. Витовтов ⁵⁹ .
13. Казенный двор	Казн. д/д. А.И. Власьев; ок. В.П. Головин (с февраля 1606 г.), дд. М. Булгаков, М. Коробейников ⁶⁰ , В. Тараканов (предположительно) ⁶¹ .
14. Постельничий	пост. С.И. Шапкин ⁶² , д. Иван Федоров (предположительно) ⁶³ .
15. Конюшенный	кон. б. М.Ф. Нагой, яс. д/дв. Андрей Матвеевич Воейков ⁶⁴ , д. Г. Золотарев (предположительно) ⁶⁵ .
16. Стрелецкий приказ	б. П.Ф. Басманов, д. Иг. Софонов ⁶⁶ .
17. Панский приказ	б. П.Ф. Басманов ⁶⁷ .
18. Пушкарский	Нет данных.
19. Разбойный	д. Д. Раковский ⁶⁸ .
20. Владимирский судный	б. кн. А.В. Голицын, кн. В.А. Звенигородский, дд. С. Звягин, Ал. Карпов ⁶⁹ .
21. Дмитровский судный	б. М.Б. Сабуров, д/д. С.В. Чередов (около февраля 1606 г.); б. П.Н. Шереметев, дд. И. Тимофеев, П. Кузьмин (март 1606 г.) ⁷⁰ .
22. Рязанский судный	Нет данных.
23. Старый Земский двор	Нет данных, предположительно – д. Л. Талызин ⁷¹ .
24. Новый Земский двор	Нет данных, предположительно – д. С. Самсонов ⁷² .
25. Челобитный	печ. и д/д. Б.И. Сутупов, д. Т. Корсаков ⁷³ .
26. Ямской	дд. Ф. Лазарев, С. Шестаков ⁷⁴ .
27. Холопьего суда	И.В. Гусь-Милюков, д. П. Жуков ⁷⁵ .
28. Патриарший двор	дд. Н. Ховралев, А. Подлесов, П. Рагозин ⁷⁶ .

Примечания

¹ МАССА И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. Москва, 1997. С. 95.

² Временник Ивана Тимофеева. Санкт-Петербург, 2004. С. 244–245.

³ УЛЬЯНОВСКИЙ В. И. Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Часть 1, 2. Киев, 1993. С. 154. (далее: УЛЬЯНОВСКИЙ 1993.)

⁴ РЫБАЛКО Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. Дисс... канд. ист. наук. Волгоград, 2001. С. 223–224. 227. (далее: РЫБАЛКО 2001.)

⁵ ЛИСЕЙЦЕВ Д. В. К вопросу о времени возникновения «Записки о царском дворе». // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А. А. Преображенского. Сб. статей. Москва, 2007. С. 186–207.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Т. II. Санкт-Петербург, 1841. № 355. С. 424. (далее: АИ)

⁷ О четвертных приказах «Записка...» сообщает следующее: «Четверть Ноугородская, четверть Володимерская, четверть Ярославская, четверть Галицкая, новоприбыльная четверть Устюжская, а в них по дьяку» (АИ. Т. II. № 355. С. 423).

⁸ Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Грамоты Коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Часть 1 (1498–1613 года) / Под ред. А. К. КАБАНОВА // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. XIV. Вып. III. Отд. III. Нижний Новгород, 1913. С. 106. (далее: КАБАНОВ 1913.)

⁹ ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. Москва, 1975. С. 110. (далее: ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975.); ПАВЛОВ А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки Т. 116. Москва, 1988. С. 198–199. (далее: ПАВЛОВ 1988.)

¹⁰ АИ. Т. II. № 355. С. 423.

¹¹ ЛИХАЧЕВ Н. П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. Санкт-Петербург, 1888. С. 424. (далее: ЛИХАЧЕВ 1888.)

- ¹² САДИКОВ П. А. Очерки по истории опричнины. Москва-Ленинград, 1950. С. 388–389. (далее: САДИКОВ 1950.)
- ¹³ Там же. С. 388–390.
- ¹⁴ УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 250; РЫБААКО 2001. С. 210–211, 214.
- ¹⁵ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 гг.: Сб. документов. Москва, 2003. (далее: НД) № 8. С. 36–37.; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. (далее: ААЭ). Т. II. Санкт-Петербург, 1836. № 25. С. 76.; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. (далее: РИБ) Т. XIV. Санкт-Петербург, 1894. № ХСIII. Стб. 174.; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Санкт-Петербург, 1838. (далее: АЮ) № 337. С. 361–362.
- ¹⁶ СЕРГЕЕВИЧ В. И. Русские юридические древности. Т. 1. Санкт-Петербург, 1902. С. 439. (далее: СЕРГЕЕВИЧ 1902.)
- ¹⁷ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ. Москва, 1994. С. 352.; Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 77. «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 2. (1616 г.) Л. 22.; Ф. 96. «Сношения России со Швецией». Оп. 1. Д. 1. (1618 г.) Л. 150.
- ¹⁸ Результаты исследования приказного строя России начала XVII в. обобщены мною в монографии: ЛИСЕЙЦЕВ Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Москва-Тула, 2009.
- ¹⁹ Дабы не утомлять читателей перечислением имен дьяков Лжедмитрия I, соответствующие данные помещаю в приложении.
- ²⁰ ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 198.
- ²¹ Там же. С. 506.; «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века // *Исторический архив* 1995, № 3. С. 198. (далее: ПИСАННЫЕ ЗАКОНЫ 1995.)
- ²² Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. (далее: БС) Ч. I. С. 183.; Ч. II. С. 47. Москва, 1979. РГАДА. Ф. 396. «Оружейная палата». Оп. 1. Ч. 23. Д. 36207. Л. 1.; Д. 36217. Л. 5.
- ²³ ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 446.
- ²⁴ Там же. С. 94.
- ²⁵ Там же. С. 67.

- ²⁶ УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 140.
- ²⁷ МАССА 1997. С. 116. См. также: ГЕРКМАН Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // *Хроники Смутного времени*. Москва, 1998. С. 227. 229.
- ²⁸ ПАВЛОВ 1988. С. 200.
- ²⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. III. Москва, 1989. С. 33. (далее: РК 1475–1605)
- ³⁰ СЕЛИН А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. Санкт-Петербург, 2008. С. 555.
- ³¹ ПАВЛОВ 1988. С. 189.
- ³² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. Санкт-Петербург, 1846. С. 272.; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. I. Москва, 1994. С. 135.; БЕЛОКУРОВ С. А. О Посольском приказе. Москва, 1906. С. 34–35. (далее: БЕЛОКУРОВ 1906.)
- ³³ РК 1475–1605. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 25; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 497.
- ³⁴ Народное движение. № 135. С. 259; № 136. С. 266; № 137. С. 278–283. (далее: НД)
- ³⁵ РК 1475–1605. Т. III. Ч. III. С. 33.; ЮШКОВ А. И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. Ч. 1. Москва, 1898. (далее: АКТЫ ЮШКОВА) № 266. С. 285.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 301.
- ³⁶ ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 600.
- ³⁷ Там же. С. 120.; НД. № 13. С. 43.; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 1, 2. Москва, 1982. № 117. С. 179. (далее: ВГ)
- ³⁸ Указание С.Б. Веселовского на продолжение См. Васильевым службы при Лжедмитрии не подтверждается источниками (ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 85.) См. также: Новый летописец // *Хроники Смутного времени*. Москва, 1998. С. 297. 299. (далее: НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ 1998.); Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Сборник документов. Т. II. Москва, 2001. № 21. С. 37. (далее: АСЗ)
- ³⁹ УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 249.
- ⁴⁰ ЛИСЕЙЦЕВ Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Москва, 2003. С. 347–348. (далее: ЛИСЕЙЦЕВ 2003.)
- ⁴¹ АЮ. № 224. С. 240.; Акты феодального землевладения и хозяйства. (далее: АФЗХ). Ч. II. Москва, 1956. № 416. 417. 422. С. 464. 465. 478.; ПИСАННЫЕ ЗАКОНЫ 1995. С. 197.; НД. № 75. С. 194–195; УЛЬЯНОВСКИЙ В. И. Православная церковь и

Лжедмитрий I // АРИ. 1993. № 3. С. 45–46. (далее – УЛЬЯНОВСКИЙ 1993а); ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 216.

⁴² Он был родственником Отрепьева, и именно его покровительство позволило самозванцу вовремя бежать из Москвы (НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ 1998. С. 297)

⁴³ МАССА 1997. С. 95.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 123. «Сношения России с Крымом». Оп. 1. Д. 1. (1606 г.). Л. 3.; Д. 2. (1604 г.). Л. 330. 352.

⁴⁵ ЛИХАЧЕВ 1888. С. 424.

⁴⁶ ПАВЛОВ А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). Санкт-Петербург, 1992. С. 35–36.

⁴⁷ МАССА 1997. С. 103–104.; Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej. Kraków, 1998. С. 49.; УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 135;

⁴⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 256. 332. 339.; Ф. 210. «Разрядный приказ». Оп. 24. Д. 1. (1611 г.). Л. 2.; АКТЫ ЮШКОВА. № 266. С. 285.; СУХОТИН А.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 8. Москва, 1911. С. 72. (далее: СУХОТИН 1911.); НД. № 21. С. 108.; № 135. С. 259.; № 136. С. 266.; № 137. С. 278–283.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 94. 497. 301. 600.

⁴⁹ ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 98. 129–130.; ЛИСЕЙЦЕВ 2003. С. 68–75. 86–87.

⁵⁰ СУХОТИН 1911. С. 31.; Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. (далее: ЧОИДР). 1916. Кн. 1. С. 260–261.; АСЗ. Т. II. № 252. С. 229.; № 380. С. 327.; № 476. С. 409.; Т. III. Москва, 2002. № 69. С. 54.; АФЗХ. Ч. II. № 418. С. 467.; № 421. С. 471.; № 422. С. 478.; № 423. С. 478.; АЮ. № 59. С. 101.

⁵¹ Описание актов собрания графа А. С. УВАРОВА. Акты исторические, описанные И. М. КАТАЕВЫМ и А. К. КАБАНЫНЫМ. Отд. 1. Москва, 1905. Отд. 1. № 84. С. 96.; АФЗХ. Ч. II. № 416. С. 464.; № 417. С. 465.; № 422. 478.; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. I, II. Москва, 1977. Л. 548.; РК 1475–1605 гг. Т. IV. Ч. II. Москва, 2003. С. 97.; БЕЛОКУРОВ С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). Москва, 1907. С. 73. (далее: БЕЛОКУРОВ 1907); БЕЛОКУРОВ 1906. С. 35.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 179. 500–501.; УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 249.; УЛЬЯНОВСКИЙ 1993а. С. 45–46.

⁵² ВГ. № 109. 110. 114. 117. С. 172. 173. 176. 179.; ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 327.

⁵³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 165. 209. 330. 352.; Д. 1. (1606 г.). Л. 3.; АИ. Т. II. № 67. С. 84.; БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. К. Приказные судьи XVII века. Москва-Ленинград, 1946. С. 31. (далее: БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946.)

⁵⁴ ААЭ. Т. II. № 38. С. 93.; № 43. С. 103.; № 44. С. 103.; № 48. С. 115.; № 50. С. 117.; № 54. С. 124.; № 55. С. 125.; № 56. С. 126.; № 60. С. 138.; КАБАНОВ 1913. С. 112–113.; ВГ. № 114. С. 176.; БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946. С. 92.; УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 250.

⁵⁵ ААЭ. Т. II. № 39. С. 95. БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946. С. 39.

⁵⁶ НД. № 56. С. 175.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 318–319. 460.; ПАВЛОВ 1988. С. 199.

⁵⁷ Упразднена в начале царствования Лжедмитрия I.

⁵⁸ КАБАНОВ 1913. С. 106.

⁵⁹ С 1606/07 по 1614 гг. бессменно возглавлял Владимирскую четь (БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. К. 1946. С. 36.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 94).

⁶⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1606 г.). Л. 5.; Ф. 396. Оп. 1. Ч. 23. Д. 36218. Л. 33.; БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946. С. 68.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 71.

⁶¹ Упоминается на службе на Казенном дворе в 1604 и 1607 гг. (ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 506. ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 12)

⁶² СЕРГЕЕВИЧ 1902. С. 499.

⁶³ Упоминается на службе в приказе в 1598–1604 и 1609–1620 гг. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 23. Д. 36207. Л. 1.; Д. 36217. Л. 5.; ААЭ. Т. II. № 7. С. 45.; БС. Ч. I. С. 183.; Ч. II. С. 47.)

⁶⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 9. 20–21.; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. Москва, 1819. № 138. С. 290; БЕЛОКУРОВ 1907. 3.

⁶⁵ В 1604 и 1607 гг. служил дьяком в Конюшенном приказе (БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946. С. 77.; БЕЛОКУРОВ 1907. С. 87.)

⁶⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. Д. 37471. Л. 1. 4.; МАССА 1997. С. 103.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 486.; УЛЬЯНОВСКИЙ 1993. С. 250.

⁶⁷ ЛИСЕЙЦЕВ Д. В. Панский (Иноземский) приказ в конце XVI – начале XVII столетий // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Москва, 2006. С. 59–69.

⁶⁸ НД. № 219. С. 360.

⁶⁹ МИЛОВИДОВ И. В. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Вып. 1. Кострома, 1887. С. 19.

⁷⁰ АСЗ. Т. II. № 333. С. 333.

⁷¹ Служил на Старом Земском дворе в 1604 г. (ПАВЛОВ 1988. С. 191. См. также: БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946. С. 45.)

⁷² Служил на Новом Земском дворе в 1604 г. (ПАВЛОВ 1988. С. 191. См. также: БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946. С. 45.)

⁷³ АИ. Т. II. № 59. С. 73.; СУХОТИН 1911. С. 32.; АФЗХ. Ч. III. Москва, 1961. № 47. 48. С. 83. 85.; БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1946. С. 40.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 264.

⁷⁴ ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 286. 579–580.

⁷⁵ АИ. Т. II. № 63. С. 78.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 281. «Грамоты коллегии экономии». Оп. 4. Д. 5129. Л. 122 об., 124 об., 127 об., 134. 139. 168. 181.; АФЗХ. Ч. III. № 47. 48. С. 83. 85.; ВЕСЕЛОВСКИЙ 1975. С. 556.

Родословные росписи «Иоанна Тимофея Шуйского» – самозванца Тимофея Акиндинова

В. В. ДУБОВИК

Важное место в системе доказательств «Иоанна Тимофея Шуйского» – самозванца Тимофея Акиндинова занимали написанные им родословные росписи. Эти росписи отражали представления беглого московского подьячего о том, каким должен быть истинный царский род; в них выделены и акцентированы те черты, которые, по мнению самозванца, были наиболее значимы для его контрагентов. Однако роль росписей не ограничивалась только сообщением «достоверных» сведений о роде «Иоанна Тимофея», одновременно они являлись выступлением подлинного наследника против «ложных царей», в котором он, опираясь на ранее явленные в русской истории проявления Божьего промысла о русском государстве, доказывал их неизбежную гибель и восстановление прежнего и должного порядка вещей.

До нашего времени дошло две родословные росписи «князя Шуйского»: пространная роспись «*удельных княжат илж шуискими нарицаюмъ*», составлявшая единый комплекс с росписью «*скипетроносных великих княжат*» и росписью «*алеѣвѣя митрополита/чика выродкова црва михаилова сна*», который входил в состав Извета¹, и краткая роспись, представленная в Стокгольме шведскому государственному канцлеру А. Оксеншерну². Обратимся к комплексу росписей, входивших в состав Извета. Первые две из них – «удельных» и «скипетроносных» княжат – выглядели следующим образом:

росписи родословна великих князѣт московскихъ для разсужденна с чево меж ихъ шатость учинил[...]| с начала рода ихъ изстари ѿ осмисот лѣтъ Аи есть княжа рюрик от ево ж колѣна .МЕ.и наслѣдникъ | великое княжа василеи дмитреевич донскои родил .В.х снов васила и івана и от старшево | сна княжати василя пошли великие княжата скипетроноснии: а от меньшево сна княжати | івана пошли княжата ѿдѣлни владимерстии |

А	счислѣние скипетроносныхъ великихъ князѣт	А	счислѣние ѿдѣльныхъ князѣт и ж шуискими нарицаютъ
Б	княжа василеи івановичъ родилъ сна івана	Б	княжа іванъ василевичъ родилъ сна петра
В	княжа іванъ родилъ сна василя	В	княжа петръ родилъ сна івана
Г	княжа василаніи родилъ сна івана	Г	княжа іванъ родилъ сна василья
Д	княжа іванъ прозвище тиранъ А црь московскій и ж взяла себѣ жену отъ торговыхъ людей юревыхъ родилъ сна федора и сна дмитрея княжа федоръ старѣишии снѣ тирановъ былъ В: м цремъ московскимъ его ж жены братъ борисъ годуновъ очаровалъ а престолю его злохитрѣствомъ похитилъ а юнѣишево тиранова сна дмитрея изгналъ в полскую землю по изгнаніи жь его не в долзе самъ ѿмеръ и оста вилъ на своемъ мѣсте цремъ сна своего федора	Д	княжа василеи івановичъ прозвище шуиский Е [7] црь московскій родилъ сна тимофея его же крстопреступниці слуги егъ в осадное время[,] полковоу воиска предаша в плѣни полскому королю жигимонту а престолю его црскіи вышіймянованои тирановы црцы племянни ковъ снѣ михаило митрополитовъ отъ торговыхъ людей роду злохитрѣствомъ похитилъ а сна ево изгналъ в турскую землю по изгнаніи жь его вскоре самъ ѿмеръ и оставилъ на своемъ мѣсте беззаконнічески сна своего александра тѣмъ же обра зомъ яко и прежде сотворилъ зладѣиный борисъ годуновъ

Е	княжа дмитрея юнѣишии снѣ цря тирана и ж претерпѣвъ изгнаніи последи ж за помо жемъ короля полковоу и нѣкоторыхъ сановниковъ московскихъ и значныхъ земскихъ людей отеческое свое црство достуши и ѿчинеи былъ царемъ а останца годуновича федора што былъ посаженъ на ево отеческомъ црствѣ по суду и по праву казниа егда ж оному црю дмитрею пременившуся отъ земнаго црствія к тамо отшествію тагда восприемникъ бысть црства московскогъ дядя ево василеи івановичъ шуиский великородное княжа владимерское	Е	княжа тимофеи імянованіи іваннѣ (sic) снѣ цря василя шуиского взираа и подобяся брату своему црю дмитрею во всемъ в томъ что писано выше сево проситъ о помочъ турского цря ибрагимъ салтана а за обещаемъ нѣкоторыхъ сановниковъ московскихъ и значныхъ людей земскихъ отеческое свое црство надѣетца доступитъ безтурского воиска
---	--	---	---

В родословной росписи «великие княжата московские» получили необычайно большое количество предшественников: в ней сын Дмитрия Донского, Василий I (1389-1425), принадлежавший к шестнадцатому колену от Рюрика³, был отнесен к сорок пятому (если понимать выражение «от ево ж колѣна .МЕ.и наслѣдникъ» как указание на колено). Увеличение числа колен, тем не менее, незначительно повлияло на исчисленное в росписи общее время правления рода Рюрика: оно было лишь немногим меньше указанного и насчитывало не 800, а 736 лет. Упоминание сразу после Рюрика как одного из ключевых лиц Василия I Дмитриевича вполне очевидно: именно ему впервые без санкции Золотой Орды Дмитрий Донской завещал великое княжение Владимирское как свою отчину⁴.

Родословная роспись «великихъ князѣт московскихъ» распалась на две части: «счислѣние скипетроносныхъ великихъ князѣт»

и «счислѣние **Ѹдѣ**льных княжат иж шуискими нарицают». По версии Т.Акиндинова род Шуйских состоял в близком родстве со «скипетроносными великими княжатами»: Василий II Васильевич и Иван Васильевич Шуйский являлись единокровными братьями, сыновьями Василия I Дмитриевича. И хотя оба брата должны были бы иметь одинаковое отчество «Васильевич», в начале росписей «скипетроносных княжат» Василий II назван «Ивановичем» вопреки как утверждению самого самозванца, так и подлинной родословной; скорее всего, это описка. Брат Василия Васильевича, Иван Васильевич (конечно, не Шуйский) действительно существовал – Василий I Дмитриевич имел старшего (а не младшего), рано умершего, сына Ивана, которому по духовной грамоте 1406г. отказал княжение, однако после смерти старшего сына княжение по последующим духовным грамотам 1423г. и 1424г. было завещано младшему сыну Василию⁵.

Наследство Василия I Дмитриевича Т.Акиндинов поделил между его сыновьями: великое княжение в его росписи получил старший сын Василий и его потомки («от старшево сна княжати василя пошли великие княжата скипетроноснии»), а отчину, княжество Владимирское, – младший сын, Иван, и его наследники («от меншево сна княжати івана пошли княжата **Ѹдѣ**лни владимирстїи»). Поскольку княжество Владимирское, начиная с Василия I Дмитриевича, всегда принадлежало великим князьям, то утверждение, что Шуйские – это «удельные княжата владимирские», было равнозначно обозначению их статуса как «великих скипетроносных княжат». Росписи «скипетроносных» и «удельных» княжат Т.Акиндинов привел в сопоставлении, тщательно исчисляя и соотнося колена этих родов, причем в результате к одному колону, каждый в своем роде, были причислены Иван IV Васильевич

(«Д княж іван прозвище тиран А црь московскїи») и Василий Иванович Шуйский («Д княж василей іванович прозвище шѸискїи Е [.] црь московскїи»); Федор Иванович («Е княж федор старѣиши снъ тиранов был В: м црем московским») и сам Иоанн Тимофей («Е княж тимоѣи имянованы іваннъ снъ црѣ василя шѸиского»); кроме того, «сын» царя Василия Ивановича Шуйского оказался ещё и старшего колена, нежели последний (по версии самозванца) из «скипетроносных княжат», царь Дмитрий: «**З** княж дмитрей юнѣиши снъ цря тирана», «Е княж тимоѣи имянованы іваннъ снъ црѣ василя шѸиского».

После сына Василия I Дмитриевича, Василия II (первое колено), в росписи «скипетроносных княжат» следовали: Иван III Васильевич («княж василей іванович родил сна івана»), второе колено; Василий III Иванович («княж іван родил сна василя»), третье колено; Иван IV Васильевич («княж василии родил сна івана»), четвертое колено. О последнем говорилось подробнее. Иван IV Васильевич, первый царь московский, женился на женщине из рода Юрьевых (Романовых), от которой имел двух сыновей – старшего Федора и младшего Дмитрия: «княж іван прозвище тиран А црь московскїи иж взял себѣ жену от торговых людей юревых родил сна федора и сна дмитреѣ». К следующему, пятому колону, принадлежал старший сын Ивана IV Васильевича, Федор Иванович, второй царь московский: «княж федор старѣиши снъ тиранов был В: м црем московским». Он был погублен братом жены своего отца, Борисом Годуновым, который захватил власть в русском государстве: «его ж жены брат борис годунов очаровал а прстоль его злохитрством похитїл», и завещал московский престол своему сыну, Федору Борисовичу: «не вдолзе сам Ѹмер и оставил на своем мѣсте црем сна своего федора».

К шестому колену «скипетроносных княжат» принадлежал младший сын Ивана IV Васильевича, Дмитрий Иванович, который был изгнан узурпатором в Польшу, однако вскоре смог вернуть себе отеческие владения, казнив наследника несправедливого царя, Федора Борисовича: «кнжа дмитриею юнѣишии снѣ цря тирана иже претерпѣвъ изгнаниі последи же за поможениемъ короля полсково и нѣкоторых сановников московских и значных земских людеи отеческое свое црство доступил и ѹчинен был царем а останца годѹновчика Ѳедора што был посажен на ево отеческом црствѣ по суду и по правѹ казни.» После смерти Дмитрия Ивановича его законным преемником стал Василий Иванович Шуйский: «егда же оному црю дмитриею пременившуся отъ земнаго црствия к тамо ошшествоиу тагда восприемникъ бысть црства московског дядя ево василеи іванович шуискиі великородноє кнжа владимѣрское».

Обращают на себя внимание порядковые номера, которые Т.Акиндинов усвоил московским правителям. Ими отмечены трое: Иван Васильевич, первый царь московский; Федор Иванович, второй царь московский; Василий Иванович Шуйский, пятый царь московский. Интересно обозначение Шуйского как пятого царя московского, поскольку этот номер противоречил утверждениям самого самозванца. Если следовать за перечисленным в родословной рядом московских правителей: Иван IV Васильевич, Федор Иванович, Борис Годунов, Федор Борисович, Дмитрий Иванович, Василий Иванович Шуйский, то в этом ряду Шуйский оказывался шестым. С другой стороны, в соответствии с заявленным Т.Акиндиновым принципом, по которому претендент на престол «не будѹчи кнжъсково роду рюрикова колѣна ... не токмо црем или великим кнжатеи но і кнзем простым быти

не может», царями не могли быть ни Борис Годунов, ни его сын. Тогда ряд правителей сокращался: Иван Васильевич, Федор Иванович, Дмитрий Иванович, Василий Иванович Шуйский, и Шуйский становился четвертым.

Обычно традицию обозначения русских правителей порядковыми номерами считают довольно поздней, относя её возникновение в России к восемнадцатому веку. Однако указание Т.Акиндинова на то, что Шуйский являлся пятым царем московским, могло быть обусловлено именно следованием традиции, на разрыв с которой он не решился. И если обозначение Шуйского порядковым номером достаточно необычно, то отнесение Василия Ивановича к пятому в ряду царей московских встречалось и в других документах того времени, например, в чине венчания Шуйского на царство. В своей речи новгородский митрополит Исидор, исчисляя всех русских царей, говорил: «отъ прародителей вашихъ государскихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ, и доселѣ, отецъ сыновомъ своимъ по себѣ вручали скифетръ и престоль царскій и все великое княженіє Російское: и по преставленіи сродника вашего, блаженныя памяти великого Государя нашего, Богомъ вѣнчанного Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, великого Російского Самодержца, по его Государеву благословенію, на Російскомъ государствѣ былъ благородный сынъ его, великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ, великій Російскій Самодержецъ, и вѣнчался тѣмъ же царскимъ вѣнцомъ и діядимою, по древнему обычию; и Божіимъ праведнымъ судомъ, Богомъ вѣнчанный и благочестивый великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ, великій Російскій Самодержецъ, оставль земное царство отъиде въ небесное блаженство, а по немъ царского его корени чадъ не

остая, и потомъ, Божіимъ изволеніемъ, воста инъ Царь, не отъ царского корени, избранъ бысть на царство всея великія Росія отъ царского сигклита Борисъ Годуновъ, и той, мало лѣтъ пребывъ, ко Господу отъиде; по немъ же воста, Божіимъ попущеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, злочестивый и богоотступникъ, и проклятый еретикъ, и православныя христіянскія вѣры гонитель, Гришка Отрепьевъ, самонареченный Царь Дмитрей, ... но Божіимъ праведнымъ судомъ вскорѣ злый злѣ живота лишися; нынѣ же тобою, великій богоизбранный Государь! Паки благочестіе обновляется ... и великій царскій престолъ паки благочестія тобою украшеніе пріемлетъ; тебѣ, великій Государь, довлѣетъ быти на престолѣ прародителей своихъ и вѣнчати царскимъ вѣнцемъ, по древнему вашему царскому обычаю»⁶.

В царствование Михаила Федоровича Шуйский также считался пятым царем московским: «Какъ, Божіими праведными судьбами, Великого Государя блаженныя памяти Царя и Великого Князя дяди нашего Ѳеодора Ивановича, всеа Росіи Самодержца, нестало [оставя земное царство отыде въ вѣчное блаженство безчаденъ], а на великихъ государствахъ Россійского царствія, по избранію всѣхъ людей и всего Російского царствія, учинился Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Росіи, и при его державѣ, по вражію дѣйству, а по злomu умышленію и по ненависти Полского и Литовского Жигимонта Короля и пановъ радъ ... въ нашемъ Московскомъ государствѣ смута и межбусобіе учинилося: нѣкоторой воръ, чернецъ, еретикъ, имянемъ Гришка Отрепьевъ ... назвался Царемъ Дмитреемъ углецкимъ ... и царского престола достиже и Государемъ Московскимъ именовался; ... а по убійствѣ того вора, по избранію всѣхъ чиновъ людей и всего Російского государства, былъ на Московскомъ государствѣ

Государь изъ бояръ отъ рода Суждалскихъ князей, Князь Василей Ивановичъ Шуйской. ... а на великихъ государствахъ ... по Божіей воли и по племени Великихъ Государей Царей Російскихъ, а по благословенію Матери нашея Великія Государыни старицы иноки Марѣы Ивановны, и по избранію и по челобитью Московского государства царей и царевичевъ, ... и бояръ, и околничихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ людей всѣхъ городовъ всего Московского государства, учинилися Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Росіи Самодержцемъ, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Росіи Самодержецъ: понеже мы, Великій Государь, Великого Государя блаженныя памяти Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Росіи Самодержца, законныя супруги, а сына его блаженныя жъ памяти Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всеа Росіи матери, Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Анастасѣи Романовны Юрьева, родного племянника Ѳеодора Никитича Романова-Юрьева сынъ»⁷.

Включение в число московских государей сына Годунова, Федора Борисовича, закрепившееся в позднейшей традиции, произошло лишь во времена правления Алексея Михайловича: «степени и грани ц(а)рственныя с великог(о) г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великог(о) кн(я)зя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи самодержца, ... великог(о) г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца, и г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Ѳеодора Борисовича, всеа Русіи самодержца, и г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Васил(ь)я Ивановича, всеа Русіи самодержца, и Растригино, и г(о)с(у)д(а)рствован(ь)я жъ 33 лѣта отца н(а)шего великог(о) г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великог(о) кн(я)зя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца, и н(а)ше великог(о) г(о)с(у)

д(а)ря ц(а)ря і велико(о) кн(я)зя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца»⁸.

Если отвлечься от порядка нумерации и посмотреть, кого именно из правителей Т.Акиндинов выделял порядковыми номерами, то мы увидим, что после первых отмеченных царей Рюриковичей шли ненумерованные ложные цари-захватчики: «борис^с годунов ... прстоль ... злохитрством похитил ... и оставил на своем мѣсте црем сна своего федора», изгнавшие «истинного Рюриковича» Дмитрия Ивановича; а после пятого, подлинного, царя Шуйского – узурпаторы Романовы, преследовавшие его наследника: «прстоля ... црскіи ... тирановы црцы племянников снѣ михаило митрополитов ... злохитрством похитилъ ... и оставил на своем мѣсте беззаконнічески сна своего алектѣя тѣм же образом яко и прежде сотворилъ зладѣиный борис^с годунов». Номерами оказывались отмечены цари, на власть которых покушались злодеи и узурпаторы (за исключением Ивана Васильевича, являвшегося первым царем московским, своего рода точкой отсчета). Нумерация, таким образом, организовывала текст, выделяя узловые точки русской истории, и, одновременно, указывала на возможность соотнести отмеченные события, увидеть их истинную подоплеку и перспективу развития.

Родословная князей Шуйских, исчисляемая Т.Акиндиновым, шла от младшего сына Василия I Дмитриевича, Ивана Васильевича Шуйского (первое колено); далее следовал Петр Иванович Шуйский: «кнжа іван^с василевич родил сна петра», второе колено; Иван Петрович Шуйский: «кнжа петръ родил сна івана», третье колено; Василий Иванович Шуйский, ставший пятым царем московским: «кнжа іван^с родил сна василья», четвертое колено; Иоанн Тимофей Васильевич Шуйский: «кнжа василей іванович прозвище шуйскіи Е [.] црѣ московскіи родил сна тимофея», пятое колено.

Родословная роспись Шуйских с Ивана Васильевича Шуйского по Ивану Петровичу Шуйского не была совершенно произвольной, но она не являлась и родословной царя Василия Шуйского, которая должна была бы иметь следующий вид: «А. кнжа михаилъ васильевич родил сна андрея В. кнжа андрей родил сна івана Г. кнжа іван^с родил сна василия Д. кнжа василей іванович прозвище шуйскіи»⁹. Родословная роспись «сдѣланных кнжат из шуйскими нарицаютъ» повторяла родословную одной из ветвей рода Шуйских, восходившей к внуку Василия Кирдяпы (родоначальнику «старшей» ветви) Федору Юрьевичу, тогда как подлинная родословная линия царя Василия Ивановича Шуйского восходила к брату Федора Юрьевича, Василию Юрьевичу.

Хотя, несомненно, послужить причиной такой подмены могли и вполне случайные обстоятельства, например, то, что самозванец просто воспользовался материалом, который был у него под рукой, или подбирал родословную роспись рода Шуйских, начинавшуюся с имени «Иван» (в том случае, если он ориентировался на имя сына Василия I Дмитриевича); но её могли обусловить также и иные факторы. Во-первых, два лица этой ветви рода: Иван Васильевич Шуйский и Иван Петрович Шуйский в разное время были опекунами наследников русского престола. Первый был включен умиравшим Василием III в регентский совет, назначенный для управления государством в период малолетства Ивана IV¹⁰; а второй, которого английский посол Д.Флетчер характеризовал как «человека с большими достоинствами и заслугами»¹¹, входил в состав регентского совета, определенного в завещании Ивана Грозного для руководства слабоумным Федором до совершеннолетия полуторогодовалого Дмитрия¹². Эти обстоятельства могли позволить Т.Акиндинову сослаться на имевшиеся ранее

прецеденты и подчеркнуть тем близость рода Шуйских и «скипетроносных» княжат, доверявшим своим «родственникам» опеку над несовершеннолетними наследниками.

Во-вторых, для самозванца несомненно была важна переключка имен «Иван» и «Василий» в обеих ветвях рода Рюриковичей и использование родословной именно этой ветви рода Шуйских позволило ему сохранить традиционные имена, подчеркивая тем самым близкое родство Шуйских и «скипетроносных» княжат. Принятое им имя «Иван» («кнжа тимофеи именованы иванъ (sic)») напрямую соотносилось с именем Ивана III Васильевича, второе имя которого было Тимофей. Ср. в Степенной книге: «Пресвятая Троица, Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ, единый истинный Богъ нашъ ... Тако Своимъ неизреченнымъ милосердіемъ постави ... сего настоящего светлѣйшаго самодержца благовѣрнаго и христоролюбиваго и челоуѣколюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русіи государя и царя, именуема Тимофея, иже бысть отъ святаго и равноапостольнаго великаго князя Владимира Святославича пятой на десять степень, отъ Рюрика же осьмой на десять», или в пророчестве Михаила Клопского новгородцам: «Днесъ во преславномъ градѣ Москвѣ у великаго князя Василія Васильевича родися сынъ, князь великій Тимофей, сущее же имя ему Иванъ. И той будетъ всему Россійскому царствію наследникъ и всѣмъ окрестнымъ странамъ страшень будетъ и сего вашего всего Великаго Нова града обладаетъ и гордыню вашу упразднить и во всю свою волю привлечетъ васъ и все ваше самовластіе раздрушитъ и самовольная ваша обычая измѣнитъ и за ваше непокорство и супротивіе многу побѣду и постъчение и плѣнь надъ вами сотворитъ и богатество ваше и села ваша восприметъ»¹³.

Об истории царствования Василия Ивановича Шуйского, также как и об истории правления Федора Ивановича Т.Акиндинов пишет подробнее. Оно не было счастливым: из-за предательства слуг он был отдан в плен польскому королю, а трон захватил сын племянника (Федора Никитича Романова) первой жены Ивана IV Васильевича Анастасии, Михаил: «его же крстопреступницы слуги ег в осадное врем[.] полсково воиска предаша в плѣн полскому королю жигимонту а прстол его црскии вышмянованои тирановы црцы племянников снъ михаило митрополитов от торговых людеи роду злохитрством похитиль», завещавший престол своему сыну, Алексею: «вскоре сам Ѹмре и оставил на своем мѣсте беззаконнічески сна своего алегѣя». Законный наследник московского престола, Иоанн Тимофей Шуйский, сын царя Василия Ивановича Шуйского, так же, как ранее сын Ивана IV Васильевича, Дмитрий Иванович, был изгнан: «сна ево изгнал в турскую землю», «тѣм же образом яко и прежде сотворил зладѣиный борис годунов».

Иоанн Тимофей Шуйский, оказавшись за пределами московского государства, «взираа и подобяся брату своему црю дмитрею во всем в том что писано выше сево», был намерен вернуть себе отеческий престол, однако, не желая пролития крови своего народа, избрал мирный путь: «кнжа тимофеи именованы иванъ снъ црѣ василія шуйского ... просит о помоч турского цря ибрагим сѣлтана а за обещанем нѣкоторых сановников московских и значных людеи земских отеческое свое црство надѣтца доступит без турсково воиска».

События в истории двух родов – «скипетроносных» и «удельных» княжат оказывались поразительно схожи: царь Федор Иванович был погублен своим врагом, рвущимся к власти, – царь

Василий Иванович Шуйский был «предан» в плен; после смерти первого царя престол захватил «его ж жены братъ» – после пленения второго власть узурпировал «тирановы црцы племяинокв снъ»; стремясь основать свою династию, оба «неправедные царя» завещали царство своим сыновьям, изгнав законных наследников за пределы московского государства: Дмитрия Ивановича – в Польшу, Иоанна Тимофея – в Турцию; в первом случае «истинный государич» вернул себе «отеческое достояние» – во втором – Иоанн Тимофей, «взираа и подобяся брату своему црю дмитриею», был намерен освободить русский народ от «злодейных правителей». Возможность такого сближения, указывавшего, с одной стороны, на соответствующие прецеденты в истории «скипетроносных» княжат, а с другой – предрекавшего счастливое завершение испытаний «законного наследника» Шуйского, являлась важной, но не единственной причиной появления рассказа о Ажедмитрии I в родословной росписи. Предложенный вариант развития событий, когда Василий Иванович Шуйский получал бразды правления непосредственно из рук сына царя Ивана IV Васильевича, не оставлял сомнений в законности власти его и его наследника, который, к тому же, обещал стать более милостивым правителем, чем его «брат», царь Дмитрий, отказываясь от помощи иностранного войска для возврата своего «отеческого достояния». Кроме того, упоминание известных имен и событий, разумеется, в нужном Т.Акиндинову ключе, придавало большую достоверность и убеждающую силу его утверждениям.

В кратком варианте родословной, представленном позже, в Стокгольме, шведскому государственному канцлеру А.Оксеншерну, Т.Акиндинов не приводил уже ни «счисления скипетроносных княжат», ни подробного описания рода князей

Шуйских, ограничиваясь только ближайшими родственниками «Иоанна Тимофея» и называя себя внуком царя Василия Ивановича Шуйского, сыном его сына, Василия Васильевича Шуйского:

Iohannes Sinensis, по-Русски Иван Шуйский, во святомъ креще|ніи названный Тимо~~е~~еемъ. |

Отець мой, блаженной памяти Князь Василій Васильевичъ Шуї|скій, во святомъ крещеніи названный Домціаномъ, былъ намѣ|стни|комъ или Губернаторомъ Великопермскимъ. |

Отець отца моего, мой родной дѣ|дъ, былъ знаменитый Великій | Князь Владимирскій, который послѣ| Дмитрія, по прекращеніи ли||ніи Россійскихъ Государей, былъ избранъ на престоль по праву | естественному (jure naturali in Imperium electus fuit) и наконецъ, по | прошествіи нѣ|сколькихъ лѣ|тъ его царствованія, измѣ|ною, въ тѣ| времена столь обычною съ Государями Россійскими, былъ низвергнуть | съ престола собственными своими подданными, то есть, крамольны|ми бунтовщиками Московскими и отведенъ въ тюремное заключеніе | къ Королю Польскому, въ которомъ и окончилъ жизнь свою.¹⁴

Тем не менее, и в этой усеченной и слегка измененной версии рассказ о воцарении Дмитрия и наследовании ему «по праву естественному» (хотя и без указания, в чем оно состояло) Василия Ивановича Шуйского остался неизменным. Появление ещё одного представителя рода Шуйских, Василия Васильевича Шуйского, не изменяло родословной Иоанна Тимофея и не влияло на законность передачи власти.

Своеобразным продолжением и дополнением родословной росписи «истинных Рюриковичей» была родословная роспись рода преследователей князя Шуйского, Юрьевых (Романовых), которые в ней получили черты, противопоставленные достоин-

ствам рода Иоанна Тимофея. Эта роспись также была помещена в приложении к Извету:

дрѸга роспис родословная алекѸѣя |
митрополитанчика выродкова | црва
михаилова сна |

рѸд гостинои сотни московских кѸпецких люди юревых в первых федор родил романа | роман родил микиту и дочер настасю юже полюбивши црѣ иван тиран взяла за себя | замуж а брата еѸ микиту Ѹчинил околничим микита околничем родил | филарета иж митрополит был филарет митрополит родил михаила | которых с товарищѣ своими црѣ своег василя ивановича шуисково предаша | в полон а сам злодѸиически Ѹчинился црем он же дрѸгую свою обрученую | жену иванову доч хлопова пустил беззаконною j (?) привел третью жену | от рода стрѸшневых с нею же сплодил прелюбодѸицица именем алексеѸа | которое по смерти своеи на своем мѸсте црем оставил сильным насака|телным обычаем не по избраню общеи думы земскои не по закону хрстианскому | ни по суду и праву московскому тому ясныи взор и приклад изстари от осми|сот лѸм в старых кнжатах которые все росписи с начала писаны свидѸтельствет их древнии Ѹстав и хрстианский закон и московское право и сѸд | хотя бы хто не прелюбодѸицица и не от купецких люди роду и порочен бы не был | ни в чом а не будѸчи кнжьсково роду рюрикова колѸна тот не токмо | црем или великим кнжатем но i кнзем простым быти не может | Ѹкром нас помощь от бга ѸлѸчивших j сна ншег младого | кнжати наслѸдников отеческому ншму црству московскому никоно нѸм¹⁵.

Родословную «гостинои сотни московских кѸпецких люди юревых» Т.Акиндинов, не исчисляя по коленам, начал с середины XIV века – почти с того же времени, что и роспись «скипе-

троносных» и «удельных» княжат. Первым в роду назван Федор Андреевич Кошка (?-1393), который был боярином и воеводой при Дмитрии Донском и Василии I, а также свидетелем при составлении второго и, возможно, первого духовного завещания Дмитрия Иоанновича; прозвище «Кошкины» потомки унаследовали от него¹⁶. Затем самозванец опустил ряд лиц: Ивана Федоровича Кошкина (?-1427), боярина и казначея при Василии I Дмитриевиче. Об особом доверии, которое Василий I питал к Ивану Федоровичу мы знаем из послания Едигея к великому князю, написанном в 1408 году: «У тебя сын его (Федора) Иван Казначей любовник и старейшина, и ты нынеча из того слова и думы не выступаешь»¹⁷. Не упомянул Т.Акиндинов и его сына, Захария Ивановича Кошкина (?-1461), боярина при Василии II, по которому род Кошкиных получил новое прозвание – Захарьины, употреблявшееся ещё и во время царствования Ивана IV Васильевича: в марте 1553 года во время тяжелой болезни Ивана IV бояре отказывались присягать его сыну, Дмитрию, ещё и по той причине, что не желали подчиняться Даниле Романовичу и его братьям Захарьиным («ведь де нами владеть Захарьиным») ¹⁸. В летописях о Захарии Ивановиче говорилось также в связи с событиями, случившимися в 1433 году на свадьбе московского великого князя Василия Васильевича Темного: «на той свадьбе Захарья Ивановичъ Кошкинъ имался за поясъ у князя Василия Юрьевича Косого, а ркучи: тотъ поясъ пропаль у меня, как крали казну мою»¹⁹. Пропущен и Юрий Захарьевич Кошкин (?-1504), пожалованный боярским саном в 1492-1493гг., воевода и новгородский наместник при Иване III²⁰. По нему его потомки стали называться «Юрьевы»; только это прозвище употреблял при рассказе о Романовых Т.Акиндинов, возможно, и потому, что такое

именование отсекало прежнюю историю рода, историю, которую «купецкие люди» не могли иметь.

Сын Юрия Захаревича вслед за своим пра-прадедом Федором Андреевичем Кошкой был включен Т.Акиндиновым в родословие «московских к^реуцких людей юревых». Однако в его родословной росписи Роман Юрьевич Захарын (?-1543)²¹ становится сыном Федора Андреевича Кошки: «федор родил романа». Из пятерых детей Романа Юрьевича в родословную роспись вошли двое: сын Никита, отец Федора (Филарета) Никитича и дед Михаила Федоровича, и дочь Анастасия, которая стала первой женой царя Ивана IV Васильевича²²: «роман родил микиту и дочер настасю юже полюбивши црь иван тиран взяа за себя замужу». Отсутствие упоминания о чине окольного, пожалованном Роману Юрьевичу при Василии III, и собственных заслуг Никиты Романовича закономерно создавало образ временщика, для которого удачный брак сестры стал началом возвышения: «црь иван тиран ... брата е^т микиту ^счинил окольным». Рассказ об этом пожаловании вместе с умолчанием о чине окольного, который имел его отец, и о ряде славных предков, только подчеркивал неродовитость и непримечательность рода Романовых и случайность сближения этого рода с правящей династией.

Из двенадцати детей Никиты Романовича в родословную роспись был включен только сын Федор (Филарет) Никитич, получивший сан боярина в 1586-1587гг. Федор Никитич был женат на Ксении Ивановне Шестовой, дочери костромского дворянина²³, от этого брака имел шестерых детей: Бориса, Никиту, Льва, Иоанна, Михаила, Татьяну. В 1601 году он был по приказу Бориса Годунова пострижен и сослан в Антониев Сийский монастырь. В апреле 1606 года патриархом Игнатием был возведен в сан рос-

товского митрополита²⁴. В этом сане он вместе с крутицким митрополитом Пафнутием 1 июня 1606 года помогал новгородскому митрополиту Исидору при венчании Василия Ивановича Шуйского на царство²⁵, митрополит Филарет также участвовал в переносе мощей царевича Димитрия из Углича в Москву. 11 октября 1608 года был пленен в Ростове приверженцами Лжедмитрия II²⁶ и привезен в Тушино, где был возведен в сан патриарха. По освобождении 11 сентября 1610 года по распоряжению патриарха Гермогена и бояр был отправлен послом в Польшу – звать на царство королевича Владислава. Арестован поляками 26 марта 1611 года и прожил в плену до 1 июня 1619 года. По возвращении в Москву вновь посвящен в патриархи 24 июня того же года²⁷.

В родословной росписи о Федоре (Филарете) Никитиче Т.Акиндинов сообщил только, что тот был митрополитом: «микита окольным родил ~~Ф~~иларета и^ж митрополи^т был». Вообще, приложения при именах собственных в росписях Рюриковичей противопоставлены приложениям в росписи Юрьевых: если в первых это «княжа», характеристика исконных полновластных правителей, то во второй – указания на чины, пожалованные государями Рюриковичами представителям рода Юрьевых. Федор и Роман таких приложений не имели – они были ничем непримечательны и бесполезны для своих государей; Никита назван окольным – по чину, обретенному благодаря замужеству сестры; Филарет – митрополитом, в соответствии с саном, который он получил при «брате» Иоанна Тимофея, Лжедмитрии I. Поскольку, по версии Т.Акиндинова, Дмитрий Иоаннович был природным московским государем, то этот сан был вполне приемлем и законен в глазах самозванца; к тому же отрицание данного факта могло бросить тень на «отца» Иоанна Тимофея, Василия Ивановича

Шуйского, в венчании на царство которого митрополит Филарет участвовал; да и дальнейшие обличения рода Юрьевых, доказательства их природной порочности в известной мере были основаны на наличии у Филарета духовного сана. Иначе обстояло дело с саном патриарха: в первый раз Филарет был наречен им при Лжедмитрии II, которого в Извете Т.Акиндинов называл «враноподобным тушинским вором», а во второй – при правлении «злодейных» Юрьевых, к которым и сам принадлежал; соответственно, это «воровское» наречение «Иоанн Тимофей» отвергал.

Несмотря на духовный сан (исключение истории пострижения Федора Никитича акцентировало внимание именно на его сани), «Филарет митрополит» имел сына, от рождения своего преступного и незаконного: «филарет митрополит родил михаила». Личные качества «сына митрополита» соответствовали его происхождению: ради обретения власти он предал своего законного царя («которые с товарищи своими цря своег василя ивановича шуисково предаша в полои а сам злодѣиически учинился црем»), а ради её упрочения – вступил в преступный третий брак, желая основать собственную «злодейную» династию («они же дрѣгую свою обрученную жену иванову доч хлопова пустил беззаконною ж (?) привел третию жену от рода стрѣшневых с нею же сплодил прелюбодѣищица имянем алексеѣа которово по смерти своеи на своем мѣсте црем оставил сильным наскакательным обычаем»). В действительности последовательность событий была иной: Мария Ивановна Хлопова была избрана «царской невестой» в 1616 году, однако спустя шесть недель объявлена неизлечимо больной и вместе с родственниками сослана в Тобольск²⁸; в первый брак с Марией Владимировной Долгорукой Михаил Федорович вступил 19 сентября 1624 года, первая жена умерла 6 января 1625 года; его

второй женой стала Евдокия Лукьяновна Стрешнева, с которой он обвенчался 5 февраля 1626 года²⁹.

Версия Т.Акиндинова, с одной стороны, подчеркивала преемственность зла и беззакония в роде Юрьевых: если сам Михаил Федорович был «сыном митрополита», то его наследник, Алексей, был рожден в преступном третьем браке, что делало его происхождение столь же нарушающим все Божественные законы и людские установления, как и происхождение самого Михаила. С другой стороны, эта версия давала обличениям самозванца некоторую фактическую основу: ко времени последнего брака Михаила Федоровича Мария Ивановна Хлопова, в отличие от его первой жены, была ещё жива, она скончалась в Нижнем Новгороде начале 1633 года³⁰.

Заключением комплекса росписей являлось помещенное в конце родословной «купецких людей Юрьевых» прямое сопоставление нынешнего московского правителя и «Иоанна Тимофея Шуйского». С одной стороны – «прелюбодейчица» Алексей, человек из рода «гостинои сотни московских кѣпечких люди юрьевых», не обладающий даже княжеским достоинством («не будѣчи князьсково роду рюрикова колѣна»), владеющий московским престолом, который захватил его отец «сильным наскакательным обычаем». С другой – Иоанн Тимофей Шуйский, подлинный наследник княжат, правивших Русью восемьсот лет («тому ясныи взор и приклад изстари от осмісот лѣт в старых княжатах которые все росписи с начала писаны»), имеющий сына – продолжателя славной династии («вкром нас помощь от бга ѡбчивших ж сна ншег младаго княжати наслѣдников отеческому ншму црству московскому никоно нѣт»). Правление первого противоречит всем Божественным и людским установлениям («не по избраню общеи думы

земскои не по закону хрстіянскому ни по суду и праву московско-му»³¹; за вторым – «хрстіянскій закон и московское право и сѣдъ», к тому же поддержка «нѣкоторых сановников московских и значных людей земских». Понимание «суда и права московского» как прерогативы истинного правителя, когда «право и суд» исходят от него и полностью определяются им, становится ясно из приведенного Т.Акиндиновым в рассказе о своем «брате» Дмитрие Ивановиче примера конкретного применения этого суда и права: «кнжа дмитрии юнѣишии снѣ цря тирана ... остана годѣновчика ѳедора што был посажен на ево отеческом црствѣ по суду и по правѣ казнил».

Росписи, которые Т.Акиндинов составлял в Турции, не были ориентированы на сведения, сообщаемые о своем роде его «отцом» Василием Ивановичем Шуйским. Скорее всего, самозванец просто не имел под рукой нужного материала. Тем не менее, общие приемы и в том, и в другом случае совпадали. В грамотах, рассылаемых после восшествия Василия Ивановича Шуйского на престол, написанных, собственно говоря, с той же целью, что и родословные росписи Т.Акиндинова, – обосновать законность прав на московское государство, выделены те же ключевые моменты: принадлежность к «рюрикову колену», кровное родство с предыдущими правителями, древний и славный род, Божественное указание на истинного наследника престола, выраженное в виде «моления и прошения» всего московского государства, и даже гонения со стороны ложного царя – «вора ростриги». «Великій государь нашъ изъ древныхъ лѣтъ отъ корене великихъ государей царей и великихъ князей Російскихъ, отъ великого князя Рюрика, иже отъ колѣна Августа кесаря Римского, и отъ великого князя Владимера Святославича Кіевского и всея Русіи, просвѣтившаго

Рускую землю святымъ крещеніемъ, и от великого достохвалного великого князя Александра Ярославича, иже многіе побѣды на всѣхъ вразѣхъ своихъ показавшаго, отъ него же великого государя нашего прародителя на Суздальское княженіе раздѣлишася, якоже обычай въ Російскомъ государствѣ великихъ государей меншимъ братьямъ на удѣлы садитись, а великому государю царю и великому князю ѳедору Ивановичу, всея Русіи самодержцу, великій государь нашъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всея Русіи по родству братья, а былъ при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ ѳедорѣ Ивановичѣ, всея Русіи самодержцѣ, въ Московскомъ государствѣ начальной большой бояринъ, а при томъ ворѣ при ростригѣ за истинную нашу православную хрстіянскую вѣру и за правду великое изгнаніе претерпѣлъ и злокозненного его умысла не страшился, обличалъ и укорялъ безо всякого сумнѣнія; и нынѣ, по Божіей волѣ, и по прародительской ихъ государственной степени, и за моленіемъ и за прошеніемъ Московского государства насъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и всего собора, и за челобитьемъ государскихъ дѣтей и бояръ и околничихъ и дворянъ и воеводъ и всякихъ служилыхъ и приказныхъ людей, и гостей и торговыхъ людей, и всенароднаго множества людей Російского царствія, учинился на великихъ государствахъ ... онъ великій государь нашъ царь и великій князь Василей Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ»³². Не было забыто и обещание мира и спокойствия русскому народу при правлении нового государя: «Божією милостію мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всея Русіи, щедротами и челолюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященного Російского собора, и по челобитью и по прошенью всего православного хрстіянства, учинилися есмя на отчинѣ праро-

дителей нашихъ, на Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великаго Князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Російскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣль роздѣлишась, не отнятиемъ и не отъ неволи, но по родству, яко же обыкли боольшая братья на боольшая мѣста сѣдати; и нынѣ мы великій Государь, будучи на престолѣ Російскаго царствія, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ царьскимъ доброоопаснымъ правительствомъ в тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ»³³.

При всех частных несовпадениях в своих росписях Т.Акиндинов ориентировался на те же общие представления и ожидания, что и составители «официального» царского родословия. Однако в росписях самозванца история сжималась, представлявая в более близком, понятном, «домашнем» варианте: славные предки помещались на временном отрезке между Рюриком и Василием I Дмитриевичем, родство со «скипетроносными княжатами» оказывалось очень близким, вызывая закономерную трансформацию Суздальского удела во Владимирский (что одновременно снимало разницу между «болшими» и «меншими» братьями), власть оставалась в руках одной семьи, передаваясь от отца к сыну, от племянника – к дяде; да и благоденствие не было отнесено к неопределенному будущему, но наставало уже сейчас, когда истинный наследник отказывался от турецкого войска.

В составе родословных росписей Т.Акиндинов сочетал ретроспективные и перспективные части, указывая одновременно на причину и следствие, ход и итог событий как в прошлом, так и в будущем. Причем, за одним исключением (рассказ о действиях

«Иоанна Тимофея», которые тот собирался предпринять «взираи и подобяся брату своему црю дмитрею»), последние не были текстуально выражены, их построение предполагалось самим читателем, как некий акт познания, как собственный вывод, как осуществление побуждения, сформулированного в Извете: «сотрите ж прах лжи с очей ваших а оттворши их познайте».

Примечания

¹ Извет, переписанный 11 декабря 1647 года в Константинополе. Между 27 июля 1646 года и 11 декабря 1647 года // Российский Государственный Архив Древних Актов (далее: РГАДА), фонд 149. опись 1. 1646. № 73. Л. 4.

² Родословная линия Шуйских, представленная шведскому государственному канцлеру А.Оксеншерну. Между началом июня и 28 июля 1651 года: СОЛОВЬЕВ С. В. Тимошка Анкидинов (XI самозванец) // *Финский вестник* Т. 14. Санкт-Петербург, 1847. С. 30–31.

³ «Сій державный благослаvenaго сѣмени благородный наслѣдникъ, благочестивый и боголюбивый и царьсконменитый великій князь Василій родися въ лѣто 6879 отъ родителей благородныхъ и праведныхъ и ублаженію достойныхъ: отъ отца прехвальнаго въ мужествѣ царя Російского великаго князя Димитрія Ивановича, рекомаго Донскаго, внука Иванова Даниловича, зовамаго Калиты, отъ матери святыя и великія княгини Евдокии, ихъ же державы наслѣдникъ бысть. Второй же въ началодержавныхъ именуемъ есть сій державный Василій. Никто же бо не получи въ началодержавствующихъ въ Росіи сего царственаго имени Василія до сего державнаго Василія отъ самого перваго святаго и равноапостольнаго Владимира, иже нареченъ бысть симъ царственнымъ именемъ по святомъ крещеніи Василій. Отъ него же бысть сій державный Василій Димитріевичъ 13 степень, отъ Рюрика же 16». Книга степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. (далее: ПСРА) Т. XXI. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1913. С. 412. (далее: ПСРА XXI 1913.)

⁴ ШМУРАО Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства (862–1462). Т. 1. Санкт-Петербург, 1998. С. 199. «Владимир, столичный град, служил яблоком раздора для князей Северо-Восточной Руси: обладать им значило стать великим князем всея Руси и пользоваться соответствующим положением и правами. Вот почему так спорили из-за Владимира одинаково московские и суздальские, и тверские, и рязанские князья. В отличие от других городов, Владимир был особым, как бы выделенным городом, своего рода майоратом, находившимся в распоряжении Золотой Орды. Она награждала им кого хотела. Кроме того, обладать великим княжеством Владимирским значило располагать территорией, «часть которой (Опольский стан) была одною из житниц Ростово-Суздальской

земли», – таким образом, интерес политический соединялся с крупным интересом экономическим (Любавский). С Ивана Калиты Владимир постоянно доставался московским князьям, но каждый раз лишь милостями хана. Однако 60 лет почти непрерывного пользования (1328–1389), за исключением (1359–1362), постепенно превратили факт в право, и это право Дмитрий Донской, наконец, закрепил своим завещанием». С. 207.

⁵ Книга степенная царского родословия // ПСРА XXI 1913. С. 423–424. СОЛОВЬЕВ С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. Москва, 2003. Глава VII. История княжеских отношений в правление Василия Дмитриевича. С. 201–213. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. Москва, 1813. № 39. 41. 42.

⁶ 1606, Июня 1. Чин венчания на царство Царя Василія Иоанновича // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедицією Императорской Академии Наук. (далее: АЭ) Т. 2. (1598–1613). Санкт-Петербург, 1836. № 47. С. 104–106. Цитируемая часть: С. 104–105. (далее: АЭП 1836.)

⁷ 1613. Царская грамота князьям Фионмаркону и Руляку, о смутах, бывших в Московском государстве и об избрании на престол Царя Михаила Федоровича // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. (далее: АИ) Т. 3 (1613–1645). Санкт-Петербург, 1841. № 6. С. 4–7. Цитируемая часть: С. 4.

⁸ Указ царя Алексея Михайловича дьяку Тимофею Кудрявцову об учреждении Записного приказа от 3 ноября 1657 года // БЕЛОКУРОВ С. А. О Записном приказе («записывати степени и грани царственные»). 1657–1659 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. Кн. 3. (194) Третья пагинация. Москва, 1900. С. 53–84. Цитируемая часть: С. 55.

⁹ АБРАМОВИЧ Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Ленинград, 1991. Приложение. Схема II. Князья Шуйские – старшая «ветвь». С. 178. (далее: АБРАМОВИЧ 1991.)

¹⁰ АБРАМОВИЧ 1991. С. 78. 94–95. ПСРА. Т. VI. Санкт-Петербург, 1853. С. 270. 272.

¹¹ ФЛЕГЧЕР Д. О государстве русском. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1905. С. 33. 42.

¹² АБРАМОВИЧ 1991. С. 117–118.

¹³ Книга степенная царского родословия // ПСРА XXI 1913. С. 527–528.

¹⁴ СОЛОВЬЕВ С. В. Тимошка Анкидинов (XI самозванец). // *Финский вестник* Т. 14. Санкт-Петербург, 1847. С. 30–31. Перевод с латинского языка.

- ¹⁵ РГАДА, фонд 149. опись 1. 1646. № 73. Л. 4.
- ¹⁶ СТУДЕНКИН Г. И. Романовы-Юрьевы-Захарьины. С XIII века по 1655 год // *Русская старина* Санкт-Петербург, 1878. № 8. С. 1–28. С. 3–4. (далее: СТУДЕНКИН 1878.) Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Родословная рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых. По материалам И. П. САХАРОВА, проверенным и дополненным Н. Н. СЕЛИФОНТОВЫМ. Санкт-Петербург, 1898. С. 6–9. (далее: СБОРНИК 1898.)
- ¹⁷ СТУДЕНКИН № 8. 1878. С. 1–28. С. 4. СБОРНИК 1898. С. 9–10. Собрание русских летописей. Т. IV. Санкт-Петербург, 1848. С. III. Цитируется по: СБОРНИК 1898. С. 9.
- ¹⁸ СБОРНИК 1898. С. 13.
- ¹⁹ СБОРНИК 1898. С. 13–14. Архангелогородский летописец. Москва, 1819. С. 138. Цитируется по: СБОРНИК 1898. С. 14.
- ²⁰ СБОРНИК 1898. С. 20–23.
- ²¹ СТУДЕНКИН № 8. 1878. С. 1–28. С. 5. СБОРНИК 1898. С. 32–37.
- ²² СТУДЕНКИН № 8. 1878. С. 1–28. С. 8–9. (Никита Романович) СБОРНИК 1898. С. 62–68. (Никита Романович), С. 68–69. (Анастасия Романовна)
- ²³ ХРУЩЕВ И. П. Ксения Ивановна Романова (Великая старица инокиня Марфа). Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1882. Корсакова В. Романова-Юрьева Ксения Ивановна // *Русский биографический словарь*. (далее: РБС) Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. ПОЛОВЦЕВА Т. XVII. Санкт-Петербург, 1918. Репринтное воспроизведение: Москва, 1999. С. 1–7.
- ²⁴ УСПЕНСКИЙ Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). Москва, 1998. С. 198–199. В работе Н. Н. Селифонтова указано: «В день коронования Лжедмитрия, 30 июля 1605 года возведен в сан митрополита Ростовского» // далее: СБОРНИК 1898. С. 80. Тот же год указан и в советской исторической энциклопедии (Т. 15. Москва, 1976. С. 76–77.)
- ²⁵ 1606, июня 1. Чин венчания на царство Царя Василия Иоанновича // АЭП № 47. 1836. С. 104–106.
- ²⁶ 1608, ноября 27. Отписка Устюжан к Вычегодцам, о разорении Ростова Литовскими людьми, о пленении митрополита Филарета, о присяге Ярославля, Вологды и Тотьмы Лжедмитрию, о решительном намерении всех Устюжан не изменять Государю, о присылке выборных людей из Усольской земли для принятия мер против мятежников и о взаимной присяге действовать заодно // АЭП № 88. 1836. С. 179–181.

- ²⁷ СТУДЕНКИН № 4. 1878. Приложение. С. I-XXXII. С. V-VI. СТУДЕНКИН № 8. 1878. С. 1–28. С. 9–10. СБОРНИК 1898. С. 77–81.
- ²⁸ [Чулков] Хлопова Мария Ивановна // РБС Т. XXI. Санкт-Петербург, 1901. Репринтное воспроизведение: Москва, 1999. С. 338–339. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. Т. 9–10. Москва, 1990. С. 120–122.
- ²⁹ СТУДЕНКИН № 4. 1878. Приложение. С. I-XXXII. С. VI-VII. СТУДЕНКИН № 8. 1878. С. 1–28. С. 14. СБОРНИК 1898. С. 96–98.
- ³⁰ 1633, марта 31. Царская грамота Нижегородскому воеводе Коржбоку-Столпину, об отдаче князьям Ивану и Якову Черкасским выморочного после Марьи Хлоповой двора в Нижнем Новгороде, принадлежавшего прежде Козьме Минину // АЭП № 218. 1836. С. 322–323. [Чулков] Хлопова Мария Ивановна // РБС Т. XXI. Санкт-Петербург, 1901. Репринтное воспроизведение: Москва, 1999. С. 339.
- ³¹ Любопытно, что инвектива самозванца («не по избраню *общей* думы земскои не по закону хрстиянскому ни по суду и праву московскому») вполне совпадала с тем впечатлением, которое сложилось у иностранцев после избрания на престол Михаила Федоровича. Лев Сапега при московском после Желябужском заявил Филарету, что «посадили сына его на Московское государство государем одни казаки донцы»; Александр Гонсевский говорил князю Воротынскому, что Михаила «выбирали одни казаки» и т.д. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) // *Записки историко-филологического факультета Имп. Санкт-Петербургского университета* Ч. 52. Санкт-Петербург, 1899. Глава V. §VIII. ПЛАТОНОВ С. Ф. Московское правительство при первых Романовых // *Статьи по русской истории (1883–1912)*. Издание 2-е. Т. I. Санкт-Петербург, 1912. С. 339–406. С. 351.
- ³² 1606 в июне. Соборное послание российских владык князю Василию Константиновичу Острожскому, о низложении Самозванца и восшествии на престол царя Василия Ивановича // Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. 1. Санкт-Петербург, 1846. № 151. С. 255–263. Цитируемая часть: С. 261. В более кратком варианте: 1606, Мая 20. Грамота Царя Василия Иоанновича в Пермь Великую, о восшествии его на престол, с приложением двух подкрестных записей // АЭП № 44. 1836. С. 100–103. «и били намъ челомъ Митрополиты, и Архиепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, и бояря, и дворяня, и приказные люди, и столники, и стряпчие, и двѣти боярские, и

гости, и торговые и всякіе люди Московского государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, по степени прародителей нашихъ, его жъ дарова Богъ великому Государю Рюрику, иже бѣ отъ Римского Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего великого Государя Александра Ярославича Невского, отъ него же прародители наши на Суздальской удѣлѣ по родству роздѣлишась». I. С. 100–101.

³³ 1606, Мая 20. Грамота Царя Василя Иоанновича в Пермь Великую, о восшествии его на престол, с приложением двух подкрестных записей // АЭП № 44. 1836. С. 100–103. II. С. 102.

Самозванчество и социально–утопические представления русских

А. В. БУГАНОВ

Социально-утопические воззрения в течение многих веков постоянно жили в народной среде. Они глубоко вошли в мировоззрение русских. Об этом говорят данные массовых историко-этнографических источников – исторического фольклора, ответов на программы научных обществ, например Русского Географического общества, Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева и др., различного рода этнографические описания и мемуары.

Значительный пласт социально-утопических ожиданий составляли легенды об избавителях. Традиционная линия идеализации царя соседствовала в народном сознании с социально-утопическими устремлениями, нередко воплощавшимися в образе государя *ожидаемого*, противопоставленного реальному.

К.В.Чистов, впервые монографически изучивший комплекс русских народных социально-утопических легенд, доказал устойчивое бытование слухов, рассказов об избавителях с начала XVII до середины XIX в. Важно подчеркнуть, что эти легенды возникали независимо от предшествующих подобных сюжетов. Для создания новой легенды «нужно каждый раз исчерпать надежду на правящего царя, найти форму осмысления его как неистинного, и, наконец, противопоставить ему истинного или прямого царя или царевича-избавителя»¹. Не случайно поэтому именно в периоды междуцарствия, особенно в случаях, когда правящий царь не

был *прямого царского корня* (Годунов, Шуйский, Екатерина II), этот процесс ускорялся.

В начале XVII столетия в социально-утопическую легенду переплавились слухи об угличском царевиче Дмитрие. Эта легенда стала лозунгом крестьянско-казачьей войны под предводительством И.И. Болотникова. Царями-избавителями молва объявляла царевича Алексея, Петра Алексеевича — «второго императора», Ивана Антоновича, Петра III, Павла Петровича, великого князя Константина Павловича.

Секретные дела политического сыска 50-60-х гг. XVIII в. зафиксировали распространение на востоке страны, от Екатеринбурга до Енисея, общерусской легенды о Петре II — избавителе.

В 60-80-х гг. на Урале и в Сибири темой разговоров служили тайные поездки в Троицкую крепость Петра Федоровича «для разведывания о народных обидах», о поддержке Петра III римским папой. После подавления Пугачевского восстания эти слухи переросли в надежду на то, что Петр III жив². Интересно, что крестьянство не могло ничего знать о личности реального Петра III, правившего всего полгода. В то же время сказывалась определенная информированность о законах, в сочетании с собственной, крестьянской трактовкой их. Манифест 18 февраля 1762 г. о дворянской вольности трактовали как первую часть законодательного акта, за которой должно было последовать и освобождение крестьян от помещиков.

Ходили рассказы о династической борьбе за русский престол в конце XVIII в. В Поволжье и, в том числе в мордовском фольклоре, сложился цикл исторических песен о Павле I, в которых отразились по большей части не реальные события, а надежды на лучшее будущее, связанные с его воцарением. Здесь сыграли свою

роль обещания, данные Павлом в коронационной речи 5 апреля 1797 г., об ограничении барщины, снижении налогов, наделении дворовых крестьян землей.

Обстоятельства гибели императора Павла давали некоторые основания полагать, что мученичество его было добровольным. Считали, что он не сохранил свою жизнь ценою отречения от престола, отдав тем самым жизнь за самодержавие. В Петропавловском соборе служились заказанные народом панихиды по этому государю. В 1810–1820-е гг. в Сибири распространялись слухи о чудесном спасении Павла I. Его видели в старце Афанасии Петровиче (в действительности — подмосковном крепостном крестьянине)³.

Разговоры о смерти (или уходе из «света»⁴) Александра I, о междуцарствии и восстании декабристов привели к возникновению последней из крупных социально-утопических легенд об избавителях — легенды о Константине. Верили, что именно Константин, брат Александра I, был законным наследником и хотел дать крестьянам свободу, за что дворяне сместили его с престола. Восстание понималось как тайный заговор; к декабристам преобладало отрицательное отношение. Да и Николай I, по представлениям крестьян, хотя и был строгий, но справедливый, все же проигрывал в сопоставлении с *избавителем* Константином.

Когда пронесся слух, что Константин убит, некоторые крестьяне даже отправлялись в Варшаву, чтобы лично в этом удостовериться (в действительности Константин умер от холеры в 1831 г.). Толки солдат и крестьян были полны догадок о его незаконном и насильственном устранении. Говорили, что вместо цесаревича похоронен солдат, что Константина, переодетого солдатом, схватили в Тобольске и отправили на гауптвахту, но поляки узнали его и освободили, затем он скрытно перебрался в Иркутск и готов начать мятеж.

С именем Константина связывали надежды на «заступничество» взбунтовавшиеся крестьяне Челябинского уезда Оренбургской губернии (40-е гг. XIX в.). Здесь под именем великого князя Константина действовал ссыльно-каторжный Константин Калугин. В этот же период в разных концах страны появлялись самозванцы, выдававшие себя за Константина либо за его адъютантов.

Первоначально образ избавителя в крестьянских представлениях носил расплывчатый характер. Более конкретные черты он приобретал, как правило, с появлением самозванца. По наблюдению Чистова, с начала XVII и до середины XIX века едва ли можно обнаружить два-три десятилетия, не отмеченные появлением самозванца. Исследователь полагает, что после 60-х гг. XIX в. легенды об избавителях перестали быть продуктивными. Вероятно, это так, однако бытование социально-утопических воззрений продолжалось и позже, в XX столетии.

В социально-утопических представлениях крестьянства утвердился идеальный образ такого справедливого монарха, который может привести порядки на земле в соответствие с божественной правдой. Если в социальной организации своей повседневной жизни крестьяне явно отдавали предпочтение демократическим формам — об этом говорит повсеместное распространение общины и гибкое многообразие ее видов, то по отношению к государству они оставались монархистами. И если идеалы справедливости в распределении имущества и трудовых обязанностей нашли выражение в существовании некоторых крестьянских общин, пытавшихся в течение ограниченного времени оставаться вне государств, то и представления о добрых царях породили в реальной жизни самозванчество.

Это явление было возможно в силу широкого распространения среди крестьян идей, связанных с ожиданием прихода или возвращения к власти государя, несправедливо, по их мнению, оттесненного тем или иным способом от трона, обладающего идеальными качествами правителя и намеренного считаться с интересами народа. Самозванцы, появлявшиеся не только в ходе крестьянских войн, но и в частных проявлениях социального протеста (в 30-50 гг. XVIII в., например, их было около полутора десятков), встречали доверчивое отношение части крестьянства⁵.

Постепенно самозванчество вырождалось, но упование на настоящего, доброго царя оставалось надолго. Надеждам на истинных государей сопутствовала вера в землю обетованную, страну правды и воли. Со слухами о *милостивых* царских указах переплетались легенды о *далеких землях*, где можно спокойно трудиться и жить. Таким образом, социально-утопические воззрения крестьян простирались далеко за пределы своей общины. Они выражались в бытовании различных слухов об обетованных землях; формировании на основе этих слухов легенд и появлении письменных текстов; в практике переселений в поисках этих земель и даже в создании крестьянских общин, жизнь которых представляла собой попытку реализовать крестьянский социально-утопический идеал. Существование таких общин, в свою очередь, питало рассказы и легенды о землях и селениях с идеальным социальным устройством, исключительным природным богатством и экономическим процветанием. Реализация крестьянского социального идеала на основе христианской идеологии прослеживается в истории разных общежитий, особенно старобрядческих.

Продолжали оставаться востребованными также легенды о «золотом веке». Как и другие социально-утопические конструкции

они выполняли компенсаторную функцию: нынешним невздам противопоставлялось предшествовавшее «славное» время, эпоха богатырских деяний героев-предков.

Несколько слов о том, кто в массовом сознании являлся для русских выразителем их социальных исканий. Прежде всего, это народные герои, предводители крестьянских восстаний Ермак, Степан Разин, Емельян Пугачев.

Ермак предстал в народной памяти олицетворением народного вождя, покорителя новых земель. Значительную часть устных поэтических преданий о Ермаке составили былины; в некоторых из них он предстал как богатырь князя Владимира и упоминался вместе с Ильей Муромцем и другими киевскими богатырями. Исторические песни были посвящены Ермаку, разгуливавшему со своими молодцами по Волге, а также завоеванию им Кучумова царства.

Даже в песнях, где Ермак производил разбой и грабежи, он не изображался разбойником в полном смысле слова. Он не порывал связи с Отечеством, называл Россию — «мать-Россиюшка». И среди его последователей — «ермачков» — различались разбойные и справедливые. Последние боролись с татарами и чудью, освобождали земли для заселения их русскими людьми. На Урале, особенно в устных повествованиях старообрядцев, говорили о Ермаке не только как о храбром землепроходце, но и как обороне за христианскую веру.

Наиболее активно в народной памяти жили песни и воспоминания о Степане Разине. Их тексты с течением времени изменялись (в отличие, например, от песен об Иване Грозном, сохранившихся в первоначальном виде). Воспоминания о Разине переносились на сходные исторические ситуации более поздних времен.

В XIX в. в Поволжье широко укоренилось убеждение, что Разин не умер. Предания на эту тему распались, как отметил еще Н.И.Костомаров, «на две группы: 1) Разин мучается за совершенное злодеяние; 2) Разин еще придет, чтобы отомстить угнетателям народа. Принципиальное различие между этими группами — разное отношение к Разину»⁶.

В первом случае, он — великий грешник, которого не принимает земля. Согласно одной из записей Якушкина, Разин и воитель был выдающийся, а еретик — так, пожалуй, даже больший, чем воитель. Эти рассказы восходили к легендам о великих грешниках. В некоторых из них преданный анафеме Разин связывал свои страдания с бедствиями народа: «А буду я мучиться до скончания мира, ежели русский народ не прозрит».

Во второй группе преданий изображен грядущий избавитель, социальный мститель. В них связь с христианскими воззрениями менее заметна, но и здесь Разин обещал прийти и покарать людей за грехи и неправду. Подобно Ермаку, Степан Разин слыл хотя и разбойником, но «славящим»: на царскую власть не посягал, грабил и обирал лишь суда купцов да бояр. Жители села Кетова Нижегородского уезда Нижегородской губернии передавали предание о том, что Российский герб начали ставить на мачтах судов со времен Стеньки-разбойника. Царские посланцы выдумали-де герб для того, чтобы Разин отличал царские суда от купеческих⁷.

Из предводителей восстаний лишь Степан Разин фигурировал в социально-утопических представлениях крестьян. Уже в ходе движения ходили слухи о его неуязвимости и чародействе; ему приписывались необычайная сила и сверхъестественные возможности. Отголоски этого взгляда на Разина проникли в исторические документы (например, в донесения воеводы Дашкова), в

записки иностранцев, наполнили многие песни и предания. И в дальнейшем Степан Тимофеевич оставался в народной памяти самым непобедимым атаманом. В Самарской губернии рассказывали, что «злодей крайне был смышлен, его не брали ни пуля, ни острая сабля». По одному из поверий, бытовавших в Астраханской губернии, «Стенька Разин был колдун, пускал корабли по суку, а средь моря расстелит на воде ковер да и сядет играть в кости с товарищами» (запись 1853 г.)⁸. Был распространен мотив о неизбежном возвращении атамана. Скоро, говорили старики, час его настанет, он взмахнет кистенем— и от обидчиков, лихих кровопивцев много не останется и следа. Верили, что Разин жив, бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорили, что он сидит где-то в горе и мучается...

Н.И.Костомаров приводит записанный им в степной деревне за Царицыном рассказ столетнего старика, который собственными глазами видел Пугачева: «Тогда [во времена Пугачева — А.Б.] иные думали, что Пугачев-то и есть Стенька Разин, сто лет кончилось, и он вышел из своей горы»⁹.

Следует отметить, что приведенный типологический мотив — один из распространенных мотивов не только русского, но всего мирового фольклора. Богатыри, любимые народные герои превращаются в камни, скрываются в каменных горах. По смыслу легенды богатыри временно уходят из жизни людей, превращаясь в камни, в скалы, горы, чтобы вернуться к подвигам, когда придет в них нужда. На основе этого легендарного мотива в поэмах известной сказительницы М.С.Крюковой, сложенных во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., ожившие богатыри, возглавленные Ильей Муромцем, помогают советской армии отвоевать Киев.

В отличие от почти сказочного разинского фольклора, сохранившиеся рассказы и предания о восстании Пугачева вполне устойчивы, похожи один на другой и лишены фантастического элемента. Основной их темой была расправа пугачевцев с господами-помещиками. С точки зрения антропологии самозванчества и бытования социально-утопических воззрений можно выделить предания уральских казаков. Этиповествования о Пугаче — императоре Петре Федоровиче по сути составляют поэтическую биографию императора Петра Федоровича

В течение всего XIX столетия память народа об историческом прошлом сохранялась в основном в устном предании. Что касается информации о современных или недавно завершившихся событиях, то она приобретала первоначально форму слухов. Они являлись для крестьянства основным источником информации о жизни страны и окружающего мира. Появление слухов свидетельствовало об интересе крестьян к отображенным в них событиям на фоне неопределенной, исходившей из неофициальных источников информации.

В слухах мирного времени исследователь И. В. Побережников различает политические, группировавшиеся вокруг основной идеи — настоящий царь жив — и служившие формой бытования утопической легенды о царе-избавителе, и социальные, возмущавшие об изменениях в пространстве общественной жизни. В последней группе слухов выделялись: оптимистические (например, слухи о «милостивых царских указах»; иногда они служили оправданием борьбы за реализацию социальных идеалов); миграционные слухи, бытовавшие параллельно с социально-утопическими легендами о далеких землях (они стимулировали крестьянские побеги, переселенческое движение); пессимистические слухи, в

основе которых лежала боязнь рецидива негативного прошлого (они нередко подвигали массы на особенно яростный протест)¹⁰.

Традиционный мотив народного сознания заключался в том, что многие события общественной и политической жизни трактовались с точки зрения постоянно волновавшего народ вопроса о воле. Подобным образом давалась и оценка историческим деятелям. Слухи об освобождении предшествовали реформе 1861 г. В 1820–1830-х гг. среди крепостных Южного Урала активно циркулировали толки о вольности, об отчислении в казну родившихся в помещичьих имениях после предшествовавшей ревизии. В те же годы в одной из удельных деревень Вятской губернии местные жители были убеждены в переводе их в разряд государственных. На рубеже 50–60-х годов подобные настроения распространились по всей России.

Весьма устойчивы были надежды на то, что освобождение от крепостничества станет долгожданной наградой за верную службу Отечеству. Так было в 1812 г., когда взбунтовались 7 200 ратников Пензенского ополчения. Среди ополченцев распространился слух о том, что существует за золотой печатью царский указ, объявлявший волю всем участникам войны, но дворяне указ скрывают. Восставшие требовали привести их к присяге и отправить в действующую армию, что, по их мнению, давало им право на освобождение от крепостной зависимости после войны.

Как показывают некоторые исследования, концепция «единения сословий вокруг престола» в 1812 г. не представляется последовательной. В крестьянской среде перед войной и в самом начале ее бытовали различные настроения; некоторые надеялись: «Придет Наполеон, нам волю даст». Возникновению подобных настроений способствовало намеренное распространение фран-

цузами слухов о даровании крестьянам личной свободы в случае их несопротивления войскам Наполеона. Последний, правда, довольно быстро отказался от своего первоначального плана «поднять против России большую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов». Говоря словами академика Е. В. Тарле, император французов не захотел разнудать стихию народного бунта, после чего «заключить мирный договор было бы не с кем» (видимо, в памяти еще свежи были воспоминания о Пугачевском восстании)¹¹.

Примечателен тот факт, что часть крестьянства связывала определенные надежды с приходом французов. В начале войны имели место факты совместных действий русских крестьян и французских солдат против русских помещиков. Слухи о воле стимулировали резкое увеличение количества активных крестьянских выступлений. Однако по мере продвижения Наполеона вглубь России иллюзии немногих быстро рассеивались; неприятель грабил Москву и ее окрестности, «разбивал иконы», «церквей не щадил», а крестьянам воли не объявляли. Теперь надежды на волю неразрывно связывались с освобождением Родины.

Социально-утопические надежды перешли и в рационалистичекый XX век. Следствием политики коллективизации, превратившей крестьянский труд в подневольный, а самих крестьян в бесправных людей, стало возрождение надежд и устремлений социально-утопического характера. В 30-х гг. на Рязанской земле ходили «провокационные» (как распенивали власти) слухи, что вдова Ленина Надежда Константиновна Крупская не согласна с Центральным Комитетом партии в вопросе о коллективизации и за это несогласие сидит в тюрьме, говоря, что до тех пор не выйдет, пока ЦК не отменит своего решения о коллективизации. Значит,

мол, среди вождей начинается разногласие. Надо отметить, что основания для этого слуха имелись. Крупская приезжала в Рязань в январе 1930 г., не понаслышке знала о ситуации. Она неоднократно с возмущением говорила и писала о массовых фактах дискриминации детей раскулаченных и лишенных избирательных прав. Кроме того, ни для кого не было секретом, что вдова Ленина в конце 20-х гг. находилась в явной опале, а этого было достаточно, чтобы в глазах простых людей обрести славу борца за свободу.

Если значительная часть батраков и бедняков воспринимала колхоз как выход из нищеты, то для более состоятельных и трудолюбивых крестьян (кулаков и середняков по тогдашней терминологии) это время стало истинной трагедией. Мысль о роспуске колхозов и передачу земли крестьянам не была необычной уже в 30-е годы. С этой мыслью «многие прошли войну, партизаны выходили с нею из лесов — с надеждой, что колхозы вот-вот будут распущены»¹². В послевоенных селах ходили рассказы, что Сталин обещал это союзникам за помощь в разгроме Гитлера. Слухи разносили по селам нищие и старики-инвалиды.

В заключение отметим, что в народной среде также вполне осознавалась утопичность многих новаций самозванных коммунистических вождей. Недовольные коллективизацией крестьяне говорили, что «вся затея по проведению коллективизации идет со стороны Сталина, что Сталин хочет быть Наполеоном, а известно чем увенчалась затея Наполеона»¹³.

Примечания

- ¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00436а
- ² ЧИСТОВ К.В. Русские народные социально-утопические легенды. Москва, 1967. С. 222. (далее: ЧИСТОВ 1967.)
- ³ ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Слухи как фактор крестьянского движения в Западной Сибири XVIII – первой половине XIX в. // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1990. С. 46–47. (далее: ПОБЕРЕЖНИКОВ 1990.)
- ⁴ ЧИСТОВ 1967. С. 184–185.
- ⁵ ГРОМЫКО М. М. Святой праведный Феодор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный. Исследования и материалы к житию. Москва, 2007. Отметим это исследование, поскольку впервые в историографии одной из самых таинственных страниц русской истории, автор аргументированно, на обширном фактическом материале приходит к однозначному решительному выводу о тождестве императора и старца Федора Кузьмича.
- ⁶ ГРОМЫКО М.М. Мир русской деревни. Москва, 1991. С. 239.
- ⁷ СОКОЛОВА В.К. Русские исторические предания. Москва, 1970. С. 126.
- ⁸ Архив Географического Общества. Разряд XXXIV. Дело 16. Лист 15 об.
- ⁹ МИХАЙЛОВ И. Поверья и предрассудки в Астраханской губернии // *Астраханские губернские ведомости* 1853. № 14. С. 64.
- ¹⁰ КОСТОМАРОВ Н.И. Бунт Стеньки Разина. Санкт-Петербург, 1859. С. 237.
- ¹¹ ПОБЕРЕЖНИКОВ 1990.; он же. Общественные настроения в уральской деревне XVIII—XIX вв.: опыт классификации слухов // *Уральский исторический вестник* № 2. Екатеринбург, 1995.
- ¹² ТРОИЦКИЙ Н. А. 1812 Великий год России. Москва, 1988. С. 216. 220–221.
- ¹³ СТРЕЛЯНЫЙ А. Последний романтик // *Дружба народов* 1988. № 11. С. 191.
- ¹⁴ Рязанская деревня в 1929-1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. Москва, 1998. С. 319.

Список авторов сборника

ДЮЛА СВАК

Центр русистики, Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВИЧ УСЕНКО

Тверской государственный университет, Россия

МОРИН ПЕРРИ

Бирмингемский университет, Великобритания

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РОГОЖИН

Институт Российской истории РАН, Москва, Россия

ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ ТЮМЕНЦЕВ

Волгоградская академия государственной службы, Россия

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИСЕЙЦЕВ

Институт Российской истории РАН, Москва, Россия

ВАЛЕРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ДУБОВИК

Филологический факультет, Московский государственный университет, Россия

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ БУГАНОВ

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

*Сборник составлен в рамках научно-исследовательской группы по
исторической русистике при ВАН-ЭЛТЕ*

На обложке:

*«Данилко Волохов убивает царевича Димитрия»
Миниатюра XIX века из «Жития царевича Димитрия»*

ISBN 978-963-7730-54-2

Ответственный издатель:

Руководитель Венгерского общества русистики (Будапешт)
и Исследовательской группы по исторической русистике ВАН-ЭЛТЕ

<http://www.russtudies.hu>

Обложка и верстка: Чаба Генст
Отпечатано в: Alföldi Nyomda Zrt., Debrecen
Ответственный директор: Геза Дьёрдь